

4 (27)

2014

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 4 (27)
2014**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
д.и.н. А.Н. Багашев

Редакционный совет:
д.и.н., акад. РАН В.И. Молодин (председатель),
д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. С.В. Васильев, д.и.н., чл.-кор. РАН А.В. Головнев,
д.и.н. В.Н. Логвин, д.и.н. Н.А. Миненко,
д.и.н. О.М. Рындина, д.и.н. Н.А. Томилов, д.и.н. Т.Н. Троицкая, д.и.н. Л.А. Чиндина,
д.и.н. Ю.К. Чистов, д.и.н. Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
д.и.н. М.Г. Агапов, к.и.н. А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), д.и.н. В.А. Зах,
к.и.н. В.П. Клюева, к.и.н. Н.А. Лискевич (ответственный секретарь),
к.г.-м.н. Н.Е. Рябогина, д.и.н. А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2014

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Пахунов А.С., Житенев В.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры.....	4
Стефанова Н.К., Стефанов В.И. Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII.....	16
Ткачев А.А., Илюшина В.В. О некоторых особенностях коптяковских древностей подтаежного Притоболья	29
Костомаров В.М. К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья во II тыс. до н.э.....	40
Зах В.А., Зимина О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье.....	47
Матвеева Н.П., Аношко О.М. О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака	58
Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи средневековья: к проблеме культурных контактов	69
Аношко О.М., Игнатов С.В. Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске	77

Антропология

Слепченко С.М., Пошехонова О.Е. Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1	87
Худавердян А.Ю., Бабаян Ф.С., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С. К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов из Армении.....	96
Макеева А.И. Дерматоглифика казанских татар.....	108

Этнология

Головнев А.В., Абрамов И.В. Олени и газ: стратегии развития Ямала	122
Мальцева Н.В. Трансформации этнического природопользования в сфере оленеводства в начале XX в. (на примере Северо-Эвенского района Магаданской области).....	132
Богордаева А.А. Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в.	138
Лискевич Н.А. Традиции рыболовства коми Нижнего Притоболья	146
Машарипова А.Х. Процессы смертности у взрослого населения коми-зырян Ивановской волости Ялуторовского уезда в конце XIX — начале XX в.	153
Клюева В.П., Поплавский Р.О. Изменения протестантского ландшафта (пост)советской провинции: международные связи тюменских церквей в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.	158

Рецензии

Стась И.Н. Рецензия на книгу А.С. Иванова «“Изъять, как антисоветский элемент”»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.)»	163
Вниманию авторов	167
Список сокращений	169

На передней стороне обложки: берестяная маска медвежьего праздника, р. Северная Сосьва, 2006 г. (фото А.А. Богордаевой); инвентарь коптяковской культуры (глина, бронза), поселение Оськино Болото, юг Тюменской обл.

Contents

Archaeology

Pakhunov A.S., Zhitenev V.S., Brandt N.N., Chikishev A.Yu. Preliminary results of a comprehensive analysis of coloured pigments in the mural paintings of Kapova cave.....	4
Stefanova N.K., Stefanov V.I. Zavodoukovsk XIII settlement of the Tashkovo culture	16
Tkachev A.A., Ilyushina V.V. On certain distinctions of the Koptyaki antiquities from the sub-taiga Low Tobol basin.....	29
Kostomarov V.M. On genesis of Andronoid antiquities from the forest-steppe Tobol and Ishim basin in the II millennium B.C.....	40
Zakh V.A., Zimina O.Yu. Early complex of the Krasnoozersky culture from the settlement of Mergen 2 in the Low Ishim basin	47
Matveyeva N.P., Anoshko O.M. On prospects of archaeological investigation regarding wintering grounds of Yermak's forces.....	58
Rafikova T.N., Berlina S.V. Fortifications of the medieval hillfort of Lastochkino Gnezdo 1: on the problem of cultural contacts.....	69
Anoshko O.M., Ignatov S.V. Numismatic and sphragistic materials from the Bazarnyi excavation in Tobolsk.....	77

Anthropology

Slepchenko S.M., Poshekhonova O.Ye. Pathological manifestations in the paleoanthropological material of early Middle Ages from the burial place of Ustyug-1	87
Khudaverdyan A.Yu., Babayan F.S., Akopyan N.G., Zhamkochyhan A.S. On decapitation in Dvin: anthropological examination of medieval crania from Armenia.....	96
Makeyeva A.I. Dermatoglyphics with Kazan' Tartars	108

Ethnology

Golovnyov A.V., Abramov I.V. Reindeer and gas: development strategies of Yamal	122
Maltseva N.V. Transformations of ethnic environmental management in the reindeer breeding of the early XX c. (by the example of North-Even District, Magadan Oblast').....	132
Bogordayeva A.A. Textile attributes of a bear festival at holy places of North Mansi in the early XXI c.	138
Liskevich N.A. Fishing traditions with Komi from the Low Tobol basin.....	146
Masharipova A.Kh. Death rate processes with the Komi-Zyryan adult population from Ivanovo Volost', Yalutorovsk Uyezd in the late XIX — early XX c.....	153
Klyueva V.P., Poplavsky R.O. Changes of a Protestant landscape of the (post) Soviet province: international relations of the Tyumen churches in the late 80th — the beginning of the 90th of the XX c.	158

Reviews

Stas' I.N. Book review: «Removed as an anti-Soviet element»: the Kalmyks in the state policy (1943–1959) » by A.S. Ivanov	163
Memo to the Authors	167
Abbreviations	169

АРХЕОЛОГИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСОЧНЫХ ПИГМЕНТОВ НАСТЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

А.С. Пахунов*, В.С. Житенев**, Н.Н. Брандт**, А.Ю. Чикишев***

Приведены результаты предварительных исследований образцов красочных пигментов с настенных изображений из Каповой пещеры, полученные с использованием электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом, рамановской спектроскопии, поляризационной микроскопии, а также фотографии в видимом и инфракрасном диапазонах. Основным хроматическим компонентом всех красок является гематит. Показано, что рисунки выполнены красными красками, оттенок которых зависит от размера частиц гематита, а также от присутствия угля.

Верхний палеолит, настенные изображения, палеолитическая живопись, Капова пещера, минеральные пигменты.

Введение

История изучения красочных пигментов из культурных слоев верхнепалеолитических пещерных памятников, в том числе с настенными изображениями, берет начало с момента признания подлинности монументального искусства ледникового периода. Первыми исследователями охры из культурных слоев этих памятников были А. Муассан (нобелевский лауреат в области химии), анализировавший в 1902–1903 гг. пигменты из Фон-де-Гом и Ля Мут, и В. Курти, изучавший в 1902 г. охры Ложери-О [Clottes et al., 1997, p. 37]. Ими были определены в качестве составляющих пигментов гематит, оксид марганца, кальцит и частицы кварца. В 1952 г. А. Брейль впервые произвел сравнение химического состава пигментов из слоя и с настенных изображений. Значительный прорыв в химико-физических исследованиях охры непосредственно с рисунков связан с работами П. Вандивер в конце 1970-х гг. [Vandiver, 1983]. С этого времени исследования красочных пигментов становятся одним из постоянных направлений изучения европейских верхнепалеолитических памятников с образцами монументального искусства.

В отечественной науке первые исследования минеральных пигментов связаны с работами Н.Д. Праслова на костенковских стоянках [Праслов, Галибин, 1982; Праслов, 1992, 1997]. Самая ранняя публикация результатов изучения минерального состава пигментов с настенных изображений пещерных памятников появилась в монографии В.Т. Петрина, посвященной Игнатиевской пещере [Пальчик, 1992]. Однако еще задолго до этого О.Н. Бадером было инициировано изучение красочных пигментов Каповой пещеры, но итоги, к сожалению, не были опубликованы (напр.: [Вознесенская, Гассель, 1977]). Аналогичные исследования проводились и А.В. Рюминым [1961, с. 727].

Открытие свидетельств новых форм использования охры в верхнем палеолите Южного Урала выявило острую необходимость широкого исследования минеральных красок из разных памятников региона [Житенев, 2006, 2007].

Первоначально изучение минерального состава образцов красных красок, обнаруженных в результате исследования позднеплейстоценовых слоев ряда памятников Сикияз-Тамакского пещерного комплекса (р. Ай), было связано с необходимостью сравнения охры между собой и с естественными пигментами, встречающимися на остеологических материалах и стенах карстовых полостей. После получения первых результатов аналитического изучения красочных пигментов (в том числе с использованием сканирующей электронной микроскопии, рентгенофлуоресцентной спектрометрии, рентгеноструктурных методов) стала очевидной значимость сравнения образцов охры с большего числа памятников.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 13-06-00277.

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

В связи с необходимостью увеличения сравнительного материала, помимо использования опубликованных данных, были отобраны для предварительного исследования мельчайшие образцы пигментов из Игнatieвской, Серпиевской 2 и Мурадымовской 2 пещер.

Работы в Каповой пещере

Капова пещера расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой, на территории ФГБУ «Государственный природный заповедник «Шульган-Таш»», и представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех гипсометрических уровнях (этажах), нижний из которых занят речкой Подземный Шульган.

Изучение памятника имеет долгую историю. Уже в 1760 г. одним из участников первой научной экспедиции, посетившей пещеру, в Купольном зале была найдена «сухая человеческая голова» — по всей видимости, череп человека [Житенев, 2011, с. 464–465]. В 1896 г. экспедиция в составе Д. Соколова, Ф. Симона, И. Заневского обнаружила еще один череп человека [Там же]. Кроме того, вероятно, членами этой же экспедиции были собраны и другие материальные свидетельства посещения пещеры первобытным человеком, в частности — нуклеус янгельского типа [Матюшин, 1976, с. 194].

В 1959 г. А.В. Рюминым, сотрудником заповедника, на территории которого располагается Капова пещера, были открыты настенные красочные изображения [Александр Владимирович Рюмин..., 2009]. Систематические археологические исследования начиная с 1960 г. проводились О.Н. Бадером, В.Е. Щелинским, Т.И. Щербаковой, В.Г. Котовым, а с 2008 г. — коллективом Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ под руководством В.С. Житенева.

В результате работ О.Н. Бадера были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натечных настенные изображения, но в рыхлых отложениях пещеры были найдены лишь отдельные свидетельства антропогенной деятельности (напр.: [Бадер, 1965]). Изыскания В.Е. Щелинского были направлены на изучение выразительного культурного слоя в зале Знаков (особенно с точки зрения обычно крайне бедных палеолитических слоев в пещерах Южного Урала). По древесному углю получены следующие даты: 14 680±150 л.н. (ЛЕ-3443), 13 930±300 л.н. (ГИН-4853), 15 050±100 (KN-5022), 16 010±100 (KN-5023) [Scelinsky, Sirokov, 1999, p. 73].

В 2009 г. впервые были зафиксированы *in situ* следы пребывания человека в пещере не только в палеолитическое время (в том числе голоценовый культурный слой с краниологическими и посткраниальными антропологическими материалами), но и в более поздние археологические эпохи [Житенев, 2011].

Основные работы сосредоточены в залах Купольном, Хаоса и Рисунков. В Купольном зале выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как позднплейстоценового, так и голоценового времени [Житенев, 2012а, б]. Следует особенно подчеркнуть, что ни в одном из 12 голоценовых культурных горизонтов, открытых в шурфе около Западной ниши Купольного зала, не было обнаружено никаких следов охры. В пачке позднплейстоценовых отложений здесь на сегодняшний день зафиксировано восемь горизонтов посещений с культурными остатками эпохи верхнего палеолита², демонстрирующих неоднократно посещение пунктов с настенными изображениями.

Основной целью изучения пигментов является определение минерального состава и рецептуры краски для выяснения и выстраивания относительной хронологии изобразительных ансамблей как внутри пещеры, так и в региональном контексте [Clottes et al., 1997, p. 41–45; Hameau et al., 2001].

В связи с отсутствием базы данных по красочным минеральным пигментам Каповой пещеры проводятся лабораторные исследования образцов, полученных как из культурных слоев, так и с настенных изображений [Pakhunov et al., 2014, p. 71]. Основными методами анализа пигментов являются рамановская спектроскопия, электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом, поляризационная микроскопия.

История изучения минеральных пигментов в Каповой пещере

В 1961 г. А.В. Рюминым опубликована статья, в которой приводятся сведения об анализах образцов из пещеры: «Брались пробы краски с поверхности стены и под стеной на структурный

² Культурные горизонты (горизонты посещений) № 2–5 верхнепалеолитического возраста по характеру археологического материала и стратиграфическому положению хорошо соотносятся с исследованным В.Е. Щелинским в зале Знаков культурным слоем.

анализ и на анализ на железо... химический анализ показал на рисунках и под ними в глине большой процент содержания железа, что указывает на краску охру (до 1,25 % железа). В других местах, где нет рисунков, железа меньше (0,1–0,2 %)». Далее автор пишет, что «рисунки... выполнены желтой, красной и бурой охрой, а также — углем» [Рюмин, 1961, с. 727].

Спустя несколько лет с начала профессиональных научных исследований памятника о первых результатах анализа состава красок О.Н. Бадер пишет: «Химический анализ образцов краски с обеих этажей, сделанный химической лабораторией Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. И.Э. Грабаря в Москве, показал, что краска состоит из красной земли (охры) со следами животного клея» [1965, с. 18]. В тексте не приводится информация о том, откуда отбирались образцы, и не указано название использовавшегося метода или группы методов анализа.

Позднее были опубликованы новые отрывочные сведения: «Прежде исследователи считали, что рисунки в Каповой пещере сделаны красной глиной, подтеки которой в изобилии встречаются на стенах залов... Первобытный художник использовал в своей работе не глину, а совсем иные вещества минерального происхождения. Причем, как оказалось, вещества эти в самой пещере не встречаются. Отдельные образцы этой краски были найдены на берегу реки Белой...» [Вознесенская, Гассель, 1977, с. 28].

В процессе работ экспедиции В.Е. Щелинского особое внимание уделялось визуальному анализу цвета красок. «Охра рисунков пещеры двух, может быть, трех разновидностей. Для основной массы изображений использована красная охра. Однако несколько рисунков сделаны другой, более темной фиолетово-коричневой охрой»; «...в слое найдена минеральная краска... Это оказалась охра красного и фиолетово-коричневого цвета, несомненно, сходная с охрой рисунков на стенах пещеры» [Щелинский, 1990, с. 49].

В 2000-х гг. появилось несколько новых работ, посвященных результатам исследований пигментов из Каповой пещеры. Анализировались следующие образцы: сколы красочного слоя, следы краски на обломках известняка, бурые железняки и «глинистые охры», найденные в районе пещеры. Использовались методы рентгенофлуоресцентного анализа, инфракрасной спектроскопии (ИК) и «спектрального полуколичественного анализа». Данные ИК-спектроскопии не подтвердили наличие связующих веществ в краске с «палитры № 2». Проведенное авторами сравнение результатов полуколичественного анализа предоставленных в лаборатории Эрмитажа и ВСЕГЕИ образцов показало большую разнородность состава красок [Котов и др., 2004, с. 69].

Одним из наиболее широко применяемых для изучения состава красок любого времени методов является КР спектроскопия. Об использовании данного метода для исследования минерального состава красок из Каповой пещеры сообщается в отдельной работе [Морозов, Ляхницкий, 2010, с. 356, 357]. Авторами были проанализированы два образца фрагментов кальцита со следами краски из зала Хаоса. В образцах обнаружены гематит и рутил. При анализе спектра второй палитры, вероятно, ошибочно определен гематит. Приведенный в работе спектр визуально соответствует гетиту (характерная линия на частоте 393). Также в приведенных спектрах не определен кальцит (линия на частоте 1086).

В настоящее время перед научным коллективом Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ стоят следующие задачи:

1. Определить и провести сравнительный анализ минерального состава красок рисунков и образцов из культурного слоя.
2. Определить технологию обработки и по возможности источники исходного сырья, использовавшегося для приготовления красок.
3. Изучить технологию нанесения красок на стену.
4. Оценить состояние сохранности рисунков.

Проведенные ранее исследования не позволяют решить поставленные задачи.

Выбор рисунка для отбора проб

Работы проводились в первую очередь с рисунками, границы которых четко видны. Перед отбором образцов выполнялась исследовательская фотосъемка рисунков в видимом диапазоне и в отраженных инфракрасных лучах. В результате рисунки были разделены на два класса — прозрачные и непрозрачные для инфракрасных лучей. Использовалась как традиционная техника съемки одним кадром, так и мозаичная фотосъемка [Ford, 2005, p. 65; Gunn et al., 2010, p. 131], позволившая получить высокодетализированные изображения целых панно и отдельных

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

рисунков. Для определения состава красок и их сравнительного анализа были отобраны образцы красочного слоя непосредственно с рисунков, принадлежащих к обоим классам.

Отбор образцов

Отбор образцов осуществлялся с использованием медицинского глазного скальпеля и препаровальной иглы. Место выбиралось с учетом особенностей микрорельефа стены: предпочтение отдавалось границам трещин и утратам красочного слоя, а также местам отбора проб предыдущими исследователями.

Образцы помещались в стерильные пробирки типа Эппендорф. Средняя площадь отбора составляла порядка 2–3 мм². Место отбора пробы отмечалось на схеме и фиксировалось с использованием компактной фотокамеры.

Принципы нумерации образцов были выработаны в процессе подготовки к отбору проб, затем эти номера использовались как названия файлов при проведении аналитических исследований. Применялась порядковая нумерация образцов.

Методы и материалы

Во время полевых работ и лабораторных исследований использовались следующие методы и материалы.

Фотосъемка в видимом и ИК-диапазоне

Фотосъемка в видимом и ИК-диапазоне проводилась с использованием модифицированной фотокамеры Canon 500D [Verhoeven, 2008, p. 3095] и стандартного зум-объектива со стабилизатором изображения Canon EF 18-55/3,5–5,6 IS. Камера устанавливалась на штативе ортогонально к плоскости рисунка. При съемке в инфракрасном свете использовался фильтр B+W 093 IR. Изготовленный из стекла Schott RG830, данный фильтр полностью пропускает излучение в диапазоне длин волн от 930 до 1700 нм [Schott RG830..., 2008, p. 1]. Для освещения применялся светодиодный источник излучения с максимумом испускания 960 нм. При съемке в видимом диапазоне использовались фильтр B+W 486 UV/IR Blocking, отражающий ИК- и УФ-излучение, и светодиодный источник излучения, испускающий свет в видимом диапазоне с цветовой температурой 5500 К.

Полученные RAW-файлы [Verhoeven, 2010, p. 2010] конвертировались в изображения в формате TIFF с глубиной цвета 8 бит в программе RPP. Коррекция цветовой температуры и экспозиции осуществлялась с использованием цветовой мишени X-Rite Colorchecker Passport [The AIC Guide to Digital Photography..., 2008, p. 65, 67].

Микросъемка образцов

Съемку проводили с использованием стереомикроскопа Stemi с подключенной к нему фотокамерой Canon CamPS с матрицей 10 Мп. Цветокоррекция выполнялась в программе Photoshop CS6 с использованием кривых в цветовом пространстве Lab.

Образцы помещались в крышку пробирки, что позволило избежать стадии их извлечения. Съемка проводилась при цветовой температуре 5500 К, в кадр программно включалась мера.

Поляризационная микроскопия

Фрагмент образца переносился с использованием препаровальной иглы на предметное стекло в каплю канадского бальзама и накрывался покровным стеклом. Исследование в проходящем поляризованном свете проводилось с использованием микроскопа ПОЛАМ Р-212 (ЛОМО, Санкт-Петербург) в стандартной комплектации. Применялись объективы 9x и 60x. Данный метод был вспомогательным и прежде всего позволил охарактеризовать размеры и морфологию частиц пигмента.

КР спектроскопия

Измерения рамановских спектров проводились на конфокальном рамановском микроскопе DXR Raman Microscope. В качестве источника возбуждения использовалось излучение диодного лазера на длине волны 780 нм. Мощность излучения на образце варьировалась в диапазоне 1–15 мВт. Измерения проводились в диапазоне 50–3500 см⁻¹. Спектральное разрешение составляло 5 см⁻¹. Излучение фокусировалось на образец с помощью длиннофокусного объектива Olympus LMPlan FLN 50X/0,50 BD. Диаметр перетяжки на образце был равен 1,1 мкм. При необходимости из измеренных спектров вычитался широкополосный фон по методике, описанной в работе [Brandt et al., 2006, p. 289]. Определение спектральных компонент осуществлялось с помощью спектральных баз микроскопа и по литературным данным.

Использование метода рамановской спектроскопии позволило провести анализ без разрушения образцов, в отличие от порошковой рентгеновской дифракции, требующей перетирания образца, что приводит к потере информации о его стратиграфии и морфологии.

Подготовка образцов отсутствовала: использование длиннофокусного объектива с большим рабочим отрезком позволило проводить анализ непосредственно из пробирки, в которую помещался образец в процессе отбора, без его извлечения. В процессе анализа фиксировались все места измерения.

Первоначально проводился быстрый скрининг образцов с целью определения минерального состава как можно большего числа образцов, что потребовало сократить время накопления каждого спектра до 1–2 мин. На втором этапе время одного измерения было увеличено до 3–5 мин, это дало возможность получить спектры с большим отношением сигнал/шум.

Сканирующая электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом

Образцы высушивались на воздухе в течение суток, после чего размещались на токопроводящий углеродистый скотч под бинокулярным микроскопом. Схема расположения образцов зарисовывалась от руки. После сушки проводилось напыление углеродом. Толщина напыления составляла порядка 20 нм.

Электронно-зондовый микроанализ, включающий получение изображений исследуемых объектов во вторичных и отраженных (обратно рассеянных) электронах при увеличениях до 4000х, а также рентгеноспектральный микроанализ проводились на цифровом электронном сканирующем микроскопе Tescan VEGA-II XMU с энергодисперсионным спектрометром INCA Energy 450. Изображения во вторичных электронах использовались для оценки размеров частиц пигмента, а изображения в обратно рассеянных — для анализа морфологии образцов.

Исследования выполнялись при ускоряющем напряжении 20 кВ, рабочее расстояние — 25 мм. Съемка микрофотографий осуществлялась главным образом в режиме обратно-рассеянных электронов с вещественным контрастом (BSE — back-scattered electrons).

Анализ элементного состава проводился по площади образца при увеличении 500х. Полученные данные обрабатывались с использованием методов математической статистики в программе KNIME [Berthold et al., 2008, p. 319].

Описание образцов

Настенные изображения выполнены красной краской. Выделяются две основные группы рисунков: светло-красные (Munsell 10R 4/6), расположенные преимущественно на втором этаже пещеры, и вишневого цвета (Munsell 5R 3/4)³. На некоторых рисунках эти краски присутствуют одновременно.

В основном образцы представляли собой кристаллическую массу различной твердости от белого до бордового цвета, в зависимости от состава.

Результаты исследований и обсуждение

По наблюдению научного сотрудника заповедника «Шульган-Таш» О.Я. Червяцовой, в пещере гидрологический и микроклиматический режимы отличаются на разных этажах и в разных залах. Рисунки в течение года могут как находиться в сухом состоянии, так и постоянно увлажняться, что оказывает влияние на процессы коррозии и современного минералообразования. В зависимости от гидрологического и микроклиматического режимов отлагается кальцит различной кристаллической структуры [Chalmin et al., 2008, p. 427]. В наших образцах (рис. 1) кальцит может формировать прозрачные (PS19, 31) и непрозрачные слои (PS24, 28), а также кристаллизоваться в виде параллельно-шестоватых агрегатов (PS26) или игольчато-волоконистого кальцита (PS6) [Червяцова, Пахунов, 2014, с. 8].

Фотосъемка в отраженных инфракрасных лучах

По результатам фотосъемки рисунков в видимом свете и в отраженных инфракрасных лучах их можно разделить на две группы: прозрачные (рис. 2) и непрозрачные (рис. 3) для инфракрасного света, что связано с содержанием угля в образцах [Pakhunov et al., 2014]. При съемке отдельных рисунков были отмечены линии (показаны на фотографиях стрелками), выполненные углеродсодержащим материалом, проходящие по границам красочного слоя. Такого рода линии зафиксированы на изображениях лошадей (рис. 2, 3). Оба рисунка расположены в зале Хаоса. Также на рисунке лошади (композиция «Лошади и знаки») в зале Хаоса было отмечено, что в инфракрасном свете линии ноги выглядят тоньше, чем на фотографии в видимом свете

³ Цвет определялся по атласу Munsell Rock Color Chart.

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

(рис. 4). Это может быть связано с тем, что рисунок был подновлен, при этом использовалась краска без угля. При визуальном осмотре были обнаружены два слоя краски: нижний темно-красного цвета и верхний красновато-оранжевого. На верхнем слое, как и между красочными слоями, присутствует слой кальцита. Данная композиция требует дальнейшего изучения — прежде всего анализа микростратиграфии отдельных изображений.

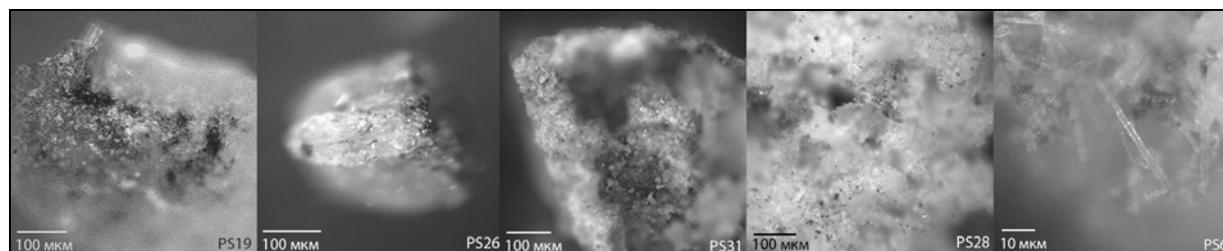

Рис. 1. Микрофотографии образцов PS19, 26, 31, 28 и 6.

Рис. 2 и 3. Изображения в видимом свете и в отраженных инфракрасных лучах.

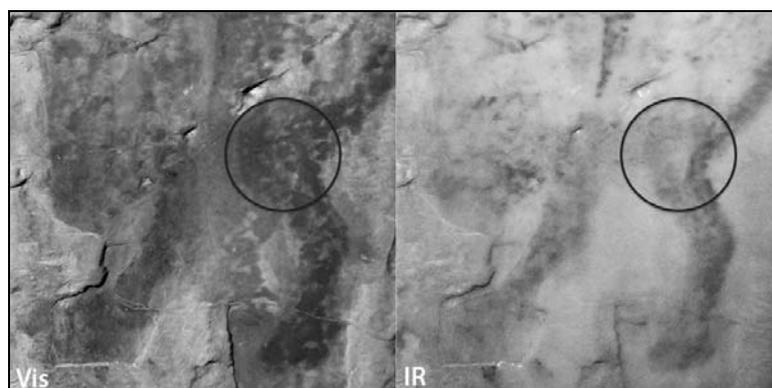

Рис. 4. Изображение фрагмента рисунка лошади.

Электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом

Исследованные образцы существенно различаются по морфологии. Электронно-микроскопические исследования позволили оценить особенности микрокристаллического строения образцов. Полупрозрачные слои кальцита могут быть сформированы как параллельно-шестоватыми агрегатами (PS26), так и плотным слоем кальцита (PS19). Съемка в режиме вторичных электронов (BSE) позволила провести оценку размеров частиц гематита. В отдельных случаях частицы достигают 10 мкм, в других — частицы гематита не различимы и об их присутствии можно судить только по данным элементного анализа.

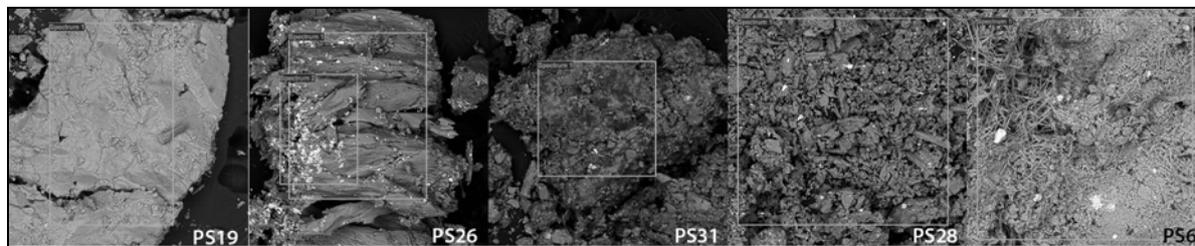

Рис. 5. Изображения образцов PS19, 26, 31, 28 и 6 во вторичных электронах.

Результаты анализа по площади в весовых процентах оксидных форм представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты элементного анализа образцов в весовых процентах

№ образца	№ рисунка	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO ₂	Fe ₂ O ₃
Зал Купольный										
PS2	6-1	1,2	4,1	9,9	—	0,5	77,5	—	—	6,9
PS3	6-1	—	0,9	2,0	—	—	93,2	—	—	3,9
PS4	6-1	—	—	1,3	—	—	96,1	—	—	2,7
Зал Знаков										
PS6	9-1	—	4,0	9,2	—	0,7	77,0	—	—	9,0
PS8	9-1	—	8,0	16,3	—	1,2	60,5	—	—	14,0
PS9	9-3	1,0	3,9	7,8	—	0,7	84,0	0,4	—	2,1
PS10	9-2	1,1	11,3	31,6	—	1,7	35,4	—	—	18,8
PS16	19-6	—	2,7	5,5	—	—	85,2	—	—	6,7
Зал Хаоса										
PS17	20-1	—	20,8	22,3	—	—	36,7	—	—	20,2
PS19	20-1	—	1,5	2,7	—	—	94,2	—	—	1,6
PS20	20-1	1,2	5,6	17,7	—	0,8	70,5	—	—	4,1
PS22	20-2	1,0	4,3	14,5	—	1,1	74,4	—	—	4,7
PS23	20-2	—	25,3	33,0	—	—	7,7	2,5	—	31,4
PS24	20-5	—	1,5	2,7	1,3	0,5	92,3	—	—	1,7
PS26	22-1	—	—	2,9	—	—	64,3	—	—	32,8
PS27	22-3	—	1,4	1,6	—	—	95,6	—	—	1,4
PS28	22-3	—	0,9	0,7	—	—	94,5	—	—	3,9
PS29	20-6	—	7,6	11,9	—	—	62,9	—	—	17,6
Зал Рисунков										
PS31	1-1	1,0	14,6	38,3	4,0	1,8	25,6	—	0,6	14,2
PS32	1-1	0,8	22,8	34,0	0,4	0,9	5,3	1,5	—	34,3
PS33	1-6	2,0	13,8	45,4	0,9	1,4	23,4	1,5	—	11,7
PS34	1-8	4,2	13,3	41,3	1,6	2,0	7,6	—	0,1	29,8
PS35	2-3	0,5	3,2	8,2	—	0,6	81,4	—	—	6,2
PS36	2-1	—	4,1	12,7	—	0,9	79,0	—	—	3,4
PS37	2-3	1,0	6,5	33,4	1,5	1,5	43,3	—	0,6	12,2
PS38-1	2-4	—	9,6	50,9	—	1,9	23,3	—	—	14,3
PS38-2	2-4	1,7	13,1	49,5	0,7	2,1	19,9	1,0	1,0	9,9

Примечание. Номера рисунков даны по [Ляхницкий и др., 2013, с. 37–55].

Измерения выполнялись на неподготовленных образцах, что позволило провести анализ их морфологии, поэтому полученные результаты являются полуколичественными. Однако для

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

задачи классификации важно отметить присутствие или отсутствие характерных элементов, таких как титан и марганец, достоверно определенных в образцах.

Проведение анализа по площади позволило получить усредненные данные по составу образцов. Для анализа полученных данных использовался метод нечеткой кластеризации С-средних [Baxter, 2006, p. 678]. Образцы были сгруппированы в три кластера (табл. 2).

Таблица 2

Результаты кластеризации

Номер кластера	Зал Купольный	Зал Знаков	Зал Хаоса	Зал Рисунков
I		PS8	PS20, 26, 29	
II		PS10	PS17, 23	PS31, 32, 33, 34, 37, 38,
III	PS2, 3, 4	PS6, 8, 9, 16	PS19, 22, 24, 27, 28	PS35, 36

Образцы из второго кластера (преимущественно рисунки с верхнего этажа пещеры) содержат большое количество кремния, алюминия, железа. Также большинство образцов из этого кластера содержат титан и марганец. Данные компоненты встречаются в пещере: марганец-содержащие конкреции были обнаружены на стене в зале Хаоса, оксид титана может быть примесью в глинистых минералах, покрывающих стены верхнего этажа, поэтому данные компоненты, вероятно, относятся исключительно к субстрату, а не к красочному слою. Первый кластер включает образцы с меньшим относительно образцов из второго кластера содержанием алюминия и кремния и большим — кальция. Для образцов из третьего кластера характерно небольшое содержание алюминия и кремния. Железа на порядок больше в образцах, отнесенных к первому кластеру, относительно третьего. В основном эти рисунки выполнены по натечным корам и отличаются большей толщиной красочного слоя.

Полученные данные о принадлежности образцов из зала Рисунков исключительно ко второму и третьему кластеру позволяют предположить неоднородность состава образцов по этажам. Это может быть связано как с применением разных красочных материалов, так и с различным составом кор выветривания.

Анализ изображений образцов во вторичных электронах позволил выделить два класса красок, содержащих частицы гематита разного размера: пластинчатые кристаллы до 10 мкм и сферические частицы менее 1 мкм. Крупные пластинчатые частицы гематита лежат на поверхности образца и хорошо заметны уже при небольшом увеличении ввиду разницы в атомных весах железа и компонентов субстрата. Эти частицы также видны в оптический микроскоп — они имеют хорошо отражающую поверхность, обуславливающую характерный блеск образца.

Размер частиц гематита влияет на цвет краски: пластинчатые кристаллы были обнаружены в большинстве образцов вишневого цвета (Munsell 5R 3/4), в то время как для рисунков светло-красного цвета (Munsell 10R 4/6) характерно присутствие мелких частиц [Mastrotheodoros et al., 2010, p. 52].

КР спектроскопия

В образцах были определены следующие основные компоненты: гематит, гетит, кальцит, уголь. В некоторых образцах были обнаружены анатаз и кварц. Данный набор характерен для палеолитических красок из памятников Франко-Кантабрии [Smith et al., 1999, p. 349–353; Clottes, 1993, p. 231; Edwards et al., 2000, p. 249].

Гематит

Как уже было отмечено, гематит встречается в образцах в двух формах: в виде мелких сферических частиц порядка 1 мкм в диаметре и пластинчатых кристаллов размером до 10 мкм. По рамановскому спектру оба типа частиц однозначно идентифицируются как гематит по характерным линиям 224s, 244m, 291vs, 408s, 498m, 609s и 1311 см⁻¹ [Hernanz et al., 2006, p. 1058].

Гетит

Гетит был обнаружен в ряде образцов по характерным линиям 118 m, 203 w, 241 w, 299 m, 393 s, 553 ms см⁻¹ [Ospitali et al., 2006, p. 1066]. Так как в образцах общее количество частиц гетита невелико, мы предположили, что эти частицы попали в образец со стены, имеющей желтое окрашивание.

Уголь

Добавки угля были обнаружены в ряде образцов по присутствию широких линий, центрированных около 1330 и 1580 см⁻¹ [Smith et al., 1999, p. 351; Bonneau, 2012, p. 290]. Также эти линии присутствуют в спектрах некоторых образцов хроматических пигментов. Нами не были обнаружены

линии, характерные для Mn-содержащих минералов, широко использовавшихся в качестве черных красок в палеолитическом искусстве [Chalmin et al., 2006, p. 215; Ospitali et al., 2006, p. 1068].

Кальцит

Пещера заложена в известняках, поэтому кальцит в различных формах является наиболее часто встречающимся компонентом в отобранных образцах. Интенсивные линии кальцита 151s, 292s, 711s и 1086s cm^{-1} [Goodall et al., 2009, p. 2619] присутствуют в спектрах, снятых в различных точках большинства образцов. Линии 1436w и 1746w cm^{-1} отмечены в образцах, содержащих исключительно кальцит [Behrens et al., 1995, p. 990].

Анатаз

По данным рамановской спектроскопии, анатаз (характерная линия 138 cm^{-1}) содержится в образцах PS10, 31, 34, 35 [Tompsett et al., 1995, p. 59; Murad, 1997, p. 205].

Кварц

Кварц был определен как один из компонентов в образцах PS35, 37, 39 по характерной линии 464 cm^{-1} [Edwards et al., 2000, p. 249; Hernanz et al., 2008, p. 978; Prinsloo et al., 2008, p. 648].

Результаты анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты определения минералов в образцах методом КР-спектроскопии

	Зал Купольный	Зал Знаков	Зал Хаоса	Зал Рисунков
Гематит	PS2, 3, 4, 6	PS6, 7, 8, 9, 10, 16	PS17, 19, 24, 26, 27, 28, 29	PS31, 33, 34, 35, 37, 38, 39
Гетит	PS6	PS7, 8	PS29	PS38
Уголь	PS3, 4, 6	PS6, 8, 9, 10, 16	PS24, 26	PS31, 33, 38
Кальцит	PS2, 3, 4, 6	PS6, 7, 8, 9, 10, 16	PS17, 19, 24, 26, 27, 28, 29	PS31, 33, 35, 37, 38, 39
Анатаз		PS10		PS31, 34, 35
Кварц				PS35, 37, 39

Абсолютное большинство рисунков в Каповой пещере выполнены красной краской, в состав которой входит гематит (рис. 6). Различные оттенки в цвете рисунков могут быть обусловлены, наряду с разным размером частиц гематита, добавками угля (о наличии древесного угля в красной краске по археологическим материалам см.: [Житенев, 2011, 2012б]). Присутствие в образцах из зала Рисунков анатаза и кварца может быть свидетельством использования красной охры (краски, в состав которой входят глинистые минералы); вместе с тем они могут быть компонентами субстрата, наряду с гетитом. При определении цветов красок было отмечено, что в них нет желтой компоненты, что может являться подтверждением отсутствия в составе гетита [Schwertmann, 1982, p. 209]. В настоящее время у нас недостаточно данных для однозначного определения происхождения всех обнаруженных компонентов красок.

Рис. 6. Капова пещера, зал Купольный, рисунок «Решетка». Фото А. Пахунова, 2014 г. (см. также на задней стороне обложки данного издания).

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

Цветные иллюстрации и таблица с результатами кластеризации доступны в сопроводительных материалах к статье [Пахунов, Житенев, 2014].

Заключение

Во время полевого сезона 2013 г. было произведено визуальное обследование пещеры, выполнена фотосъемка рисунков в видимом и инфракрасном диапазоне и осуществлен отбор образцов, которые изучались с использованием различных химико-аналитических методов.

Использование фотосъемки в отраженных инфракрасных лучах позволило провести первичную классификацию рисунков перед отбором образцов по содержанию в составе красок угля, а также обнаружить рисунок, который был «подновлен» в доисторическую эпоху.

Рисунки выполнены по четырем типам поверхностей — полупрозрачному или непрозрачному кальциту, параллельно-шестоватым агрегатам кальцита; кроме того, краски могут быть ассоциированы с игольчато-волокнистым кальцитом, что характеризует разные гидрологические и микроклиматические условия внутри пещеры и объясняет различное состояние сохранности рисунков.

Основным компонентом красок всех рисунков является гематит, других хроматических компонентов не обнаружено. По составу образцы с рисунков первого и второго этажей неоднородны, в образцах со второго этажа отмечен большой процент алюмосиликатной фракции. Различный цвет рисунков, отмечавшийся всеми исследователями, может быть обусловлен как размером частиц гематита, так и наличием угля в составе красок. Это позволяет предположить, что художниками использовались различные рецепты приготовления красок и, возможно, разное сырье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александр Владимирович Рюмин: История открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш в рукописях и документах. Уфа: Информреклама, 2009. 212 с.
- Бадер О.Н. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 35 с.
- Вознесенская Т., Гассель А. Второй цвет Каповой пещеры // Знание — сила. 1977. № 3. С. 77.
- Житенев В.С. Череп пещерного медведя с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России: Материалы ВАС. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 201–203.
- Житенев В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): Перспективы исследований // XVII Урал. археол. совещание: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2007. С. 92–93.
- Житенев В.С. Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: К постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова. М.: ИА РАН, 2011. С. 462–472.
- Житенев В.С. Капова пещера — многослойный памятник археологии: Предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012а. С. 155–178.
- Житенев В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012б. Вып. 227. С. 304–313.
- Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфим. археол. вестн. 2004. Вып. 5. С. 65–71.
- Ляхницкий Ю.С., Минников О.А., Юшко А.А. Рисунки и знаки пещеры Шульган-Таш (Капова): Каталог изображений. Уфа: Китап, 2013. 288 с.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 367 с.
- Морозов М.В., Ляхницкий Ю.С. Рамановская спектроскопия палеолитических охр Каповой пещеры (Южный Урал, Россия) // Современная минералогия: От теории к практике: Материалы XI Съезда РМО. СПб., 2010. С. 355–357.
- Пальчик Н.А. Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнatieвской пещеры // В.Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163–164.
- Пахунов А.С., Житенев В.С. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры: Сопроводительные материалы. 2014 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://csqlab.ru/CaveArt/Vestnik>.
- Праслов Н.Д., Галибин В.А. Палеолитические краски // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 257–259.
- Праслов Н.Д. Использование красок в палеолите // КСИА. 1992. Вып. 206. С. 95–100.
- Праслов Н.Д. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. 9–15 сент. 1997 г. Уфа, 1997. С. 81–84.

- Рюмин А.В.* Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале // *Archelogicki rozhledy*. XIII. 1961. Т. 5. С. 712–731.
- Червяцова О.Я., Пахунов А.С.* Нитевидные микрокристаллы кальцита и их роль в формировании спелеотем в различных гипергенных условиях (на примере пещеры Шульган-Таш, Южный Урал) // *Спелеология и карстология*. 2013. № 11. С. 5–20.
- Щелинский В.Е.* Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале: (Датировка, размещение, культурная принадлежность) // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 1990. С. 47–55.
- Baxter M.J.* A review of supervised and unsupervised pattern recognition in archaeometry // *Archaeometry*. 2006. Vol. 48. P. 671–694.
- Behrens G. et al.* Raman spectra of vateritic calcium carbonate // *Spectroscopy letters*. 1995. Vol. 28. № 6. P. 983–995.
- Berthold M.R. et al.* KNIME: The Konstanz information miner. Springer Berlin Heidelberg, 2008. P. 319–326.
- Bonneau A., Pearce D.G., Pollard A.M.* A multi-technique characterization and provenance study of the pigments used in San rock art, South Africa // *Journ. of Archaeol. Science*. 2012. Vol. 39. № 2. P. 287–294.
- Brandt N.N.* Optimization of the rolling-circle filter for Raman background subtraction // *Applied spectroscopy*. 2006. Vol. 60. № 3. P. 288–293.
- Chalmin E. et al.* Minerals discovered in paleolithic black pigments by transmission electron microscopy and micro-X-ray absorption near-edge structure // *Applied Physics A*. 2006. Vol. 83, № 2. P. 213–218.
- Chalmin E. et al.* Microanalysis and synthesis of calcite. Growth mechanisms on prehistoric paintings in the Large Cave, Arcy-sur-Cure (Yonne, France) // *X-Ray Spectrometry*. 2008. Vol. 37. № 4. P. 424–434.
- Clottes J.* Paint analyses from several Magdalenian caves in the Ariège region of France // *Journ. of Archaeol. Science*. 1993. Vol. 20. № 2. P. 223–235.
- Clottes J. et al.* New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art // M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann, N.G. Jablonski (eds.) *Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol*. Memoirs of the California Academy of Sciences. № 23. SF, 1997. P. 37–52.
- Edwards H.G.M., Newton E.M., Russ J.* Raman spectroscopic analysis of pigments and substrata in prehistoric rock art // *Journ. of Molecular Structure*. 2000. Vol. 550. P. 245–256.
- Ford B.* High-resolution digital photomosaic recording of rock-art // *Australian Aboriginal Studies*. 2005. № 2. P. 65.
- Goodall R.A. et al.* Prehistoric hand stencils at Fern Cave, North Queensland (Australia): Environmental and chronological implications of Raman spectroscopy and FT-IR imaging results // *Journ. of Archaeol. Science*. 2009. Vol. 36. № 12. P. 2617–2624.
- Gunn R.G. et al.* A Method to Visually Rationalise Superimposed Pigment Motifs // *The Journ. of the Australian Rock Art Research Association (AURA)*. 2010. Vol. 27. № 2. P. 131–136.
- Hameau Ph. et al.* Analyse de la peinture de quelques sites postglaciaires du Sud-Est de la France // *L'Anthropologie*. 2001. Vol. 105. P. 611–626.
- Hernanz A., Gavira-Vallejo J.M., Ruiz-López J.F.* Introduction to Raman microscopy of prehistoric rock paintings from the Sierra de las Cuerdas, Cuenca, Spain // *Journ. of Raman Spectroscopy*. 2006. Vol. 37. № 10. P. 1054–1062.
- Hernanz A. et al.* A comprehensive micro-Raman spectroscopic study of prehistoric rock paintings from the Sierra de las Cuerdas, Cuenca, Spain // *Journ. of Raman Spectroscopy*. 2008. Vol. 39. № 8. P. 972–984.
- Mastrotheodoros G., Beltsios K.G., Zacharias N.* Assessment of the production of antiquity pigments through experimental treatment of ochres and other iron based precursors // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2010. Vol. 10. № 1. P. 37–59.
- Murad E.* Identification of minor amounts of anatase in kaolins by Raman spectroscopy // *American Mineralogist*. 1997. Vol. 82. № 1. P. 203–206.
- Ospitali F., Smith D.C., Lorblanchet M.* Preliminary investigations by Raman microscopy of prehistoric pigments in the wall-painted cave at Roucadour, Quercy, France // *Journ. of Raman Spectroscopy*. 2006. Vol. 37. № 10. P. 1063–1071.
- Pakhunov A., Brandt N., Chikishev A.* Raman Microscopy and IR Imaging of the Paleolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia // *Abstracts of Workshop on the Conservation of the Subterranean Cultural Heritage*. S.: IRNAS CSIC, 2014. P. 71.
- Prinsloo L.C. et al.* The first Raman spectroscopic study of San rock art in the Ukhahlamba Drakensberg Park, South Africa // *Journ. of Raman spectroscopy*. 2008. Vol. 39. № 5. P. 646–654.
- Scelinsky V.E., Sirokov V.N.* Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 p.
- Schott RG830 Data sheet* // Schott Advanced optics download library. Official website [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.us.schott.com/advanced_optics/english/download/schott_longpass_rg830_2008_us.pdf.
- Schwertmann U., Murad E., Schulze D.G.* Is there Holocene reddening (hematite formation) in soils of axeric temperate areas? // *Geoderma*. 1982. Vol. 27. № 3. P. 209–223.
- Smith D.C., Bouchard M., Lorblanchet M.* An initial Raman microscopic investigation of prehistoric rock art in caves of the Quercy District, SW France // *Journ. of Raman spectroscopy*. 1999. Vol. 30. № 4. P. 347–354.

Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов...

Tompsett G.A. et al. The Raman spectrum of brookite, TiO₂ (PBCA, Z=8) // Journ. of Raman Spectroscopy. 1995. Vol. 26. № 1. P. 57–62.

The AIC Guide to Digital Photography and Conservation Documentation / Ed. by J. Warda; American Inst. for Conservation of Historic and Artistic Works. Washington, DC, 2008. 224 p.

Vandiver P. Paleolithic pigments and processing / Massachusetts Inst. of Technology, Department of Materials Science and Engineering. 1983. 516 p.

Verhoeven G. Imaging the invisible using modified digital still cameras for straightforward and low-cost archaeological near-infrared photography // Journ. of Archaeol. Science. 2008. Vol. 35. № 12. P. 3087–3100.

Verhoeven G.J.J. It's all about the format — unleashing the power of RAW aerial photography // Intern. Journ. of Remote Sensing. 2010. Vol. 31. № 8. P. 2009–2042.

**Москва, Российский государственный гуманитарный университет*
science@pakhunov.com

***Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*
tasober@mail.ru

****Международный учебно-научный лазерный центр*
МГУ им. М.В. Ломоносова
ach58@yandex.ru

The paper quotes preliminary investigation results regarding samples of coloured pigments in the mural paintings of Kapova cave, obtained using electron microscopy with X-ray microanalysis, Raman spectroscopy, polarization microscopy, as well as photography in the visible and infra-red band. It is hematite composing the main chromatic component of all colours. It was demonstrated that the pictures were made in red colours which shade depends on hematite particle sizes and presence of coal.

Upper Paleolithic, mural paintings, Paleolithic painting, Kapova cave, mineral pigments.

ПОСЕЛЕНИЕ ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАВОДОУКОВСКОЕ XIII¹

Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов

Представлены результаты раскопок памятника Заводоуковское XIII, расположенного в низовьях р. Ук в Тюменском Притоболье. Большинство выявленных древностей относится к ташковской культуре эпохи бронзы. Исследованы остатки трех типичных жилищ, получены комплекты характерной посуды, грузил, фрагменты тигля, булавы. Вскрыты два поздних погребальных сооружения.

Тюменское Притоболье, поселение, ташковская культура, эпоха бронзы, ЕАМП, жилища, керамика, рожковидные грузила, булава, тигли.

В работе представлены результаты раскопок поселения Заводоуковское XIII [Стефанова, А–1992]². Характерные черты большинства полученных артефактов позволяют достаточно уверенно отнести их к древностям ташковской культуры эпохи бронзы Тюменского Притоболья³. В конце 80-х гг. XX в. локальная группа памятников этого образования была выявлена в Заводоуковском районе Тюменской области, на левом берегу р. Ук — правого притока Тобола. Речь идет о поселениях Заводоуковское VIII/1, X, XIII, Ук III. Керамика ташковского типа была найдена также в слоях соседних поселений, преимущественно в качестве примеси. Все названные выше памятники оказались не однослойными: кроме ташковских объектов на их территории были зафиксированы остатки построек алакульской культуры, пахомовские, саргатские (Ук III), бархатовские (Заводоуковское X) жилища, поздние погребальные комплексы (Заводоуковское XIII) и др. Поселение Заводоуковское X было исследовано практически полностью [Сергеев, 1991; А–2003], площади остальных — частично, при этом в научный оборот введены материалы раскопок только одного — поселения Ук III [Корякова и др., 1991].

Большая часть бассейна р. Ук находится в СВ секторе так называемой Ингальской долины и отличается рядом природных особенностей, в том числе — преобладанием лесных ландшафтов [Волков, 2007, с. 9–10; Матвеева и др., 2003]. В частности, неподалеку от г. Заводоуковска расположен обширный реликтовый сосновый бор. Река в нижнем течении заметно меандрирует, огибая довольно высокие, поросшие смешанным лесом, мысы. Их подножия часто окаймлены старицами, как мелкими, пересыхающими, так и глубокими, полноводными. Подтрапецевидная в плане площадка мыса, на которой зафиксированы остатки четырех [Жилина, А–1982] или пяти поселений и около 30 курганчиков [Сергеев, А–1986], пожалуй, наиболее высокая в ближайшей округе. Ее длина около 250 м, ширина в основании около 400 м, западный и юго-западный склоны — крутые, высотой до 3 м, остальные — пологие. Примерно в середине основания мыса находится чашевидная котловина высохшего водоема диаметром около 100 м, поросшая кустарниками и травой. Остатки поселения Заводоуковское XIII примыкают к западному склону данной котловины, к восточному — ташковские и бархатовские объекты поселения Заводоуковское X. До реки отсюда всего около 350 м, но благодаря рельефу террасы поселок в свое время вряд ли просматривался с воды или берега.

Интересен сюжет с регистрацией остатков поселения. И.В. Жилина зафиксировала 6 впадин, размещенных двумя параллельными рядами между склоном мыса и бортом внутренней котловины. А.С. Сергеев увидел здесь 8 впадин, 4 из которых перегораживали гривку, а еще 4 примыкали к ним в виде дуги. Полуинструментальная топографическая съемка, предварившая раскопки памятника, выявила 14 впадин на площади около 1500 м² (рис. 1). Хотя углубления № 10, 12, 13 прослеживались слабее других, было очевидным размещение объектов в виде

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00202.

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

³ Выражаем искреннюю признательность коллегам, оказавшим помощь в полевых исследованиях памятника и подготовке его материалов к публикации: Л.Л. Косинской, обработавшей каменный инвентарь; П.А. Косинцеву, проведшему анализ остеологических остатков; А.А. Плешакову, выполнившему полуинструментальную топографическую съемку поселения.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

почти равностороннего треугольника (возможно, в юго-восточном углу комплекса была еще одна постройка, остатки которой нивелированы сезонными нарушениями береговой кромки внутреннего водоема).

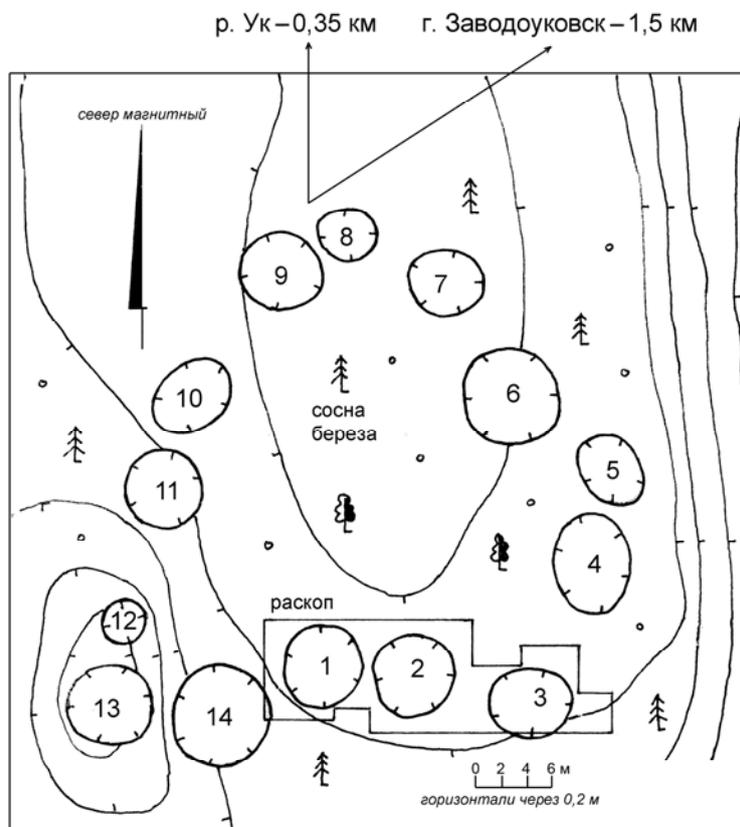

Рис. 1. План поселения Заводоуковское XIII.

Раскоп площадью 189,5 м² включил в себя три смежные впадины в южной части поселения, где было меньше крупных деревьев. Однако и здесь многолетние сосны помешали полному исследованию объектов 2, 3 и «кургана», расположенного между ними. Раскоп был ориентирован по сторонам горизонта и состоял из участков 2х2 м (рис. 2). Замеры глубин производились от единого нулевого репера, стратиграфическая ситуация фиксировалась по бортам раскопа, а также по нескольким контрольным бровкам. Поскольку в ряде квадратов (П, Р/8, 9, 14, 15) уже под лесной подстилкой обнаружались незначительные пласты перемешанной серо-желтой супеси, раскопки производились «зачистками» в рамках условных горизонтов мощностью 5–10 см.

Как выяснилось, обозначенная пестрая супесь маркировала поздние погребальные сооружения, устроенные между заплывшими котлованами ташковских жилищ (рис. 2). Таких объектов в раскопе оказалось три. На поверхности они выглядели как небольшие курганчики, имевшие округлую невысокую насыпь с углублением в центре. Под насыпью скрывалась окруженная ровиком подчетыреугольная площадка (4,0х3,6 м), в центре которой находилась могильная яма вытянуто-овальной формы (2,0х0,6х0,6 м), ориентированная с СЗ на ЮВ. Все могилы были ограблены. У южной стенки одного погребения лежали фрагменты черепа человека, рядом с другим под насыпью были найдены 3 резца и клык лошади. Отсутствие сопроводительного или сопутствующего инвентаря затрудняет датировку погребальных сооружений, но они определенно поздние (эпоха железа?). В свою очередь, некоторые ташковские жилища были размещены вблизи остатков крупных энеолитических объектов, хорошо выраженных в рельефе и в наши дни.

Для памятника в целом характерна следующая стратиграфия (рис. 2): лесная подстилка и темно-серый гумус — до 25 см; светло-коричневая супесь, сопряженная, вероятно, с бытованием и разрушением объектов времени энеолита-бронзы, — до 40 см; светло-серая, белесая су-

песь и плотный коричневый суглинок — материковые формирования. Остатки жилищ и других углубленных объектов эпохи бронзы представлены коричнево-рыжей («тяжелой», с включениями суглинка?) супесью; серо-коричневой (бурой, реже — темно-серой с углистыми включениями) пестроцветной супесью; буровато-серой и серой мешаной супесью. Фиксация очертаний затруднялась слабой вариативностью окраски грунта, особенно после его высыхания, и, как следствие, — нечеткостью, «размытостью» границ. Особо подчеркнем, что в приводимых далее описаниях фигурируют параметры только углубленной части построек. Это важно, потому что, как мы полагаем, собственно стены жилищ возводились не со дна мелких котлованов, а на некотором расстоянии от их краев.

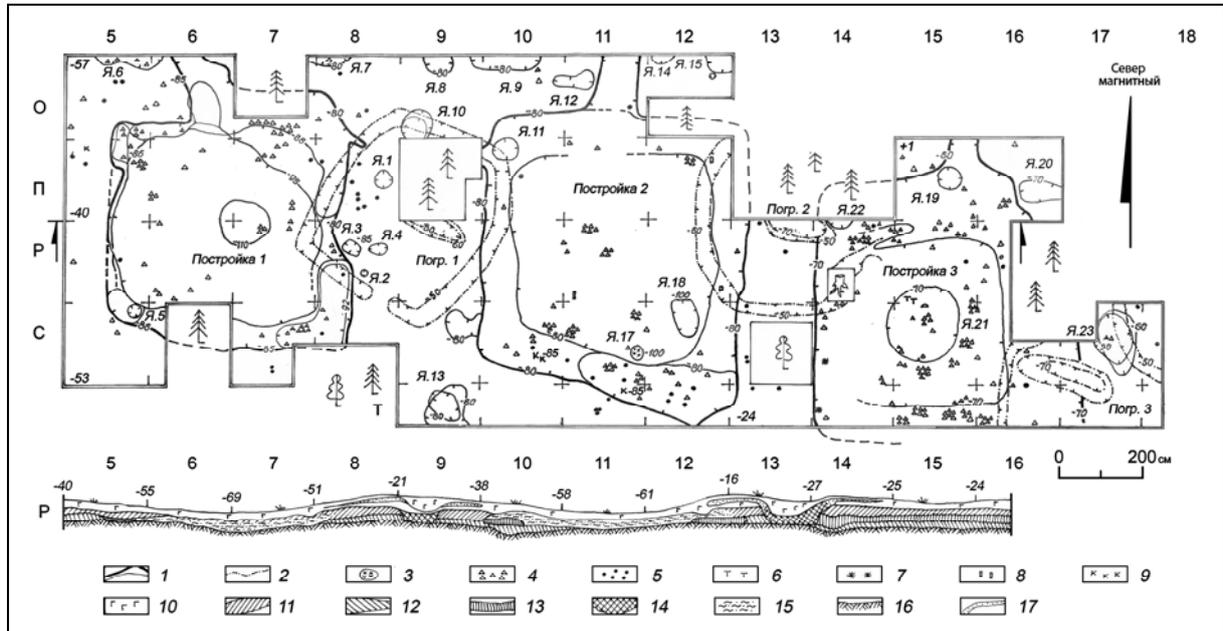

Рис. 2. Поселение Заводоуковское XIII. План раскопа и профиль по линии «Р»:

- 1 — границы построек, ям; 2 — границы погребальных объектов; 3 — угли, углистая супесь; 4 — ташковская керамика; 5 — неолитическая керамика; 6 — фрагменты тиглей; 7 — куски песчаника; 8 — каменные предметы; 9 — кости; 10 — лесная подстилка, темно-серый гумус; 11 — светло-коричневая супесь; 12 — светло-серая, белесая супесь; 13 — серо-коричневая, бурая супесь; 14 — коричнево-серая мешаная супесь; 15 — коричнево-рыжая «тяжелая» супесь; 16 — коричневый суглинок; 17 — серо-желтая супесь.

Постройка 1 (рис. 2). Подквадратное в плане пятно супеси серого и коричневого, с различными оттенками, цвета, размерами около 6х6 м, зафиксировано на глубине 0,4–0,5 м от поверхности. Котлован, судя по очертаниям его нижней части, был ориентирован по сторонам света и имел к моменту раскопок довольно неровные границы. От древней дневной поверхности его глубина едва ли превышала 0,3 м, дно полого понижалось к центру. Примерно от середины северной границы отходила «дорожка» серо-коричневого пестроцвета длиной около 1,5 м и шириной до 1 м, слой которой плавно выклинивался к северу. Еще один выступ серо-пестроцветного грунта (0,42х0,25х0,07 м) фиксировался в СВ углу объекта. Каких-либо характерных, ярко выраженных признаков очажного устройства не прослеживалось (хотя грунт центральных площадок всех трех построек был темнее окружающего и включал обломки сосудов, тиглей, каменные предметы). Периферийный слой серо-коричневой супеси отсутствовал вдоль западной границы и на протяжении примерно 1 м вблизи середины восточной. В ЮЗ углу прослеживалось овальное пятно серо-желтого грунта («яма?» № 5) размерами 0,9х0,6 м. К горизонту материкового суглинка диаметр пятна сократился до 0,3 м, разрез оказался чашевидным, глубина ямы достигала 22 см. В СЗ углу с момента его фиксации (-85 см) и до появления материкового суглинка (-95...-97 см), прослеживалось подпрямоугольное, с закругленными углами пятно коричнево-сероватого грунта (1,1х0,45х0,12 м).

Находки из слоя разрушения и со дна постройки представлены в основном фрагментами сосудов. Из них 10 — сосудов периода неолита и, за исключением трех, найдены в верхних

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

горизонтах руин. Около 200 фрагментов относятся к сосудам ташковского типа. Черепки, как правило, залежали вблизи границ углубленной части постройки, причем их было заметно больше в ее СЗ, СВ и ЮВ углах. Среди прочих находок — три обломка так называемых рожковидных грузил и один скребок — в СВ секторе постройки; три орудия из фрагментов сосудов — на полу СВ и ЮЗ углов; обломок диска из стенки сосуда — в СЗ углу; три ошлакованных фрагмента сосуда — в ЮВ секторе.

Постройка 2 (рис. 2). Западная граница ее углубленной части отстояла от контуров постройки 1 на расстояние около 3 м. Сами смежные границы были при этом практически параллельны. Очертания нижней части прямоугольного углубления, ориентированного по сторонам света, фиксировались с глубины 0,3–0,4 м от поверхности. Размеры пятна — около 6,2×6,6 м (площадь ~ 41 м²), границы довольно ровные, а СЗ и ЮЗ углы почти прямые; СВ угол не удалось проследить из-за крупных деревьев, выросших на насыпи кургана 2. «Тяжелая» коричнево-рыжая супесь фиксировалась на центральных участках руин сразу под гумусовым горизонтом. Ближе к дну пятно этого грунта приобрело подквадратную (около 24 м²) форму и со всех сторон было окружено полосой серо-коричневой (бурой), местами — темно-серой с углистыми включениями, супеси. В пределах углубленной части постройки прослеживались три маломощных грунтовых пятна: № 11 на уч. П/10 — округлое буровато-серое (55×60×7 см); № 17 на уч. С/11 — овальное серо-углистое (32×36×3 см); № 18 на уч. С/12 — овальное темно-серое (90×56×4 см). Пол относительно ровный (-86...-104 см), с незначительным понижением к северу и северо-западу. Каких-либо следов очага не отмечено. Северная граница постройки прерывалась покатою в продольном разрезе «дорожкой» серого пестроцвета шириной около 1,0 м и видимой длиной около 1,4 м. К западной границе, близ СЗ и ЮЗ углов котлована постройки, примыкали выступы буровато-серого грунта мощностью около 7 см.

Среди находок наиболее многочисленны фрагменты сосудов ташковской культуры (около 150 обломков и один развал), лежавшие в основном на дне постройки, ближе к ее границам. К энеолитическому комплексу отнесено 14 фрагментов, собранных по преимуществу в переотложенном слое руин. В этом же слое были найдены сечение ножевидной пластины и плоский скол со шлифованного изделия. На дне «выхода», а также в углах постройки по обе стороны от него обнаружены одно целое и шесть фрагментов рожковидных грузил. В разных местах пола центральной площадки и массива серого пестроцвета залежали орудие из фрагмента ташковского сосуда, обломок шлифованного сверленного навершия, пластинчатый отщеп, боковой скребок на отщепе и мелкая галька. В ЮЗ углу находилось около 15 фрагментов костей. Шесть из них принадлежали собаке, скорее всего одной особи. В 2 м восточнее были найдены еще три фрагмента костей — неопределимых.

Постройка 3 была возведена с восточной стороны от жилища 2. Смежные контуры углубленных частей построек находились на расстоянии около 2 м друг от друга и, как в предыдущем случае, были почти параллельны. Исследования осложнялись наличием поздних перекопов (ровики, могильные ямы, насыпи над ними) и крупных деревьев. В силу этих обстоятельств границы СЗ и ЮВ секторов постройки оказались значительно искаженными, а участки вдоль южной и восточной стенок — неисследованными. Общие контуры и некоторые детали руинированного сооружения прослеживались с глубины 0,2–0,5 м от поверхности. Судя по зафиксированным отложениям, данная постройка не имела принципиальных конструктивных отличий от первых двух. Такой же слабоуглубленный (0,2–0,3 м) котлован прямоугольной формы площадью около 40 м²; аналогичная ориентировка; отсутствие следов очага и ямок от столбов; «дорожка» выхода шириной 0,8 и длиной более 0,7 м, отходящая от северной границы котлована. Так же как в жилищах 1 и 2, периферийные участки углубления выделялись слоем буровато-серой пестроцветной супеси (местами — с углистыми стяжениями) шириной 120–180 и мощностью 15–30 см (кроме полосы вдоль западной границы). Массив охватывал подквадратную площадку коричнево-рыжей пестроцветной супеси (с включением суглинки?) размером 4,5×4,2 м. Отметим наличие в центре объекта пласта бурой супеси (пятно № 21, 168×185×20 см). Дно имело общее понижение к юго-западу. В пределах границ постройки были прослежены две ямы. Одна из них (№ 19), диаметром и глубиной около 0,6 и 0,5 м соответственно, располагалась вблизи основания «дорожки» — выхода. Она имела вертикальные стенки, горизонтальное дно и была заполнена светло-серой супесью с угольками. Другая (№ 22, СЗ угол постройки), глубиной около 20 см, раскопанная частично, имела очень пологие стенки, округлое дно и была заполнена серой пестроцветной супесью. Объектов, примыкающих снаружи непосредственно к контурам по-

стройки, не зафиксировано, но, возможно, с ней связаны ямы № 20, 23, выявленные к востоку от сооружения (см. далее).

Большая часть *находок* залегала на дне и в придонном горизонте постройки. Среди них: около 180 фрагментов и 2 развала ташковских сосудов, 6 обломков — энеолитических; 3 орудия и диск из фрагментов сосудов; 6 ошлакованных обломков посуды ташковского типа; 2 фрагмента тигельных бортиков, обломок грузила, скребок, 2 гальки, отщеп и 9 кусков песчаника. В верхних слоях было собрано около 20 фрагментов ташковских сосудов, 6 — энеолитических, скребок и отщеп.

За пределами видимых границ построек расчищено 16 ям, из которых по крайней мере 12 могут быть соотнесены/функционально связаны с ташковскими жилищами (рис. 2; табл.).

Характеристика ям межжилищного пространства

№ ямы	Участок	Уровень фиксации (от «0»), см	Размер, см	Форма в плане	Форма в разрезе	Заполнение	Находки
1	П/8	-86	42×36×21	Овальная	Конусовидн.	Светло-серая супесь	Нет
2	Р/8	-69	15×14×11	Круглая	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
3	Р/8	-85	42×32×9	Трапециев.	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
4	Р/8	-85	42×26×10	Овальная	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
6	О/5,6	-85	158×?×18	Овальная?	Уплощенная	Буровато-серая супесь	5 фр. ташков. кер. Галька
7	О/7,8	-70	100×?×24	Овальная?	Чашевидная	коричнево-серая супесь	Осколок гальки
8	О/9	-60	72×?×30	Овальная?	Уплощенная	Буровато-серая супесь	Нет
9	О/9,10	-80	172×?×30	Овально-подпрямоуг.?	Уплощенная	Серый пестроцвет	Нет
10	О/9	-80	?×70×41	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
12	О/10,1 1	-60	100×30×15–26	Грушевидная	Аморфная	Лесная подстилка	Нет
13	Т/9	-60	?×80×23	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
14	О/12	-80	54×?×46	Овальная?	Чашевидная	Серый и светло-серый пестроцвет	Нет
15	О/12	-60	?×?×28	Овальная?	Уплощенная	Серый пестроцвет	Нет
16	О/12	-80	16×14×6	Круглая	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
20	П/16	-70	?×52×17	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
23	С/17	-60	154×100×42	Овальная	Чашевидная	Темно-серый пестроцвет	2 фр. ташков. кер.

Крупные ямы № 6, 7 находились к востоку и западу от «выхода» из постройки 1, а углубления № 1–4 — в непосредственной близости от ее видимой восточной границы. В некоторых из них были найдены фрагменты ташковских сосудов. По обеим сторонам «выхода» постройки 2 также фиксировались объекты в виде ям (№ 9, 14–16). Между постройками 1 и 2, равноудаленно от их СВ и СЗ углов соответственно, находилась большая и глубокая яма № 10. В 10–20 см к востоку от постройки 3 расчищены ямы № 20, 23. Не исключено, что яма № 20 входила в СВ сектор постройки, а ее фиксация в виде локального объекта — следствие позднего перемещения слоев. Большая яма № 23 находилась в непосредственной близости от восточной границы углубленной части постройки. Объекты № 8, 12, 13, скорее всего, относительно поздние (фиксировались сразу под слоем «опада», имели нерегулярные очертания и затеки современного гумуса).

Описание находок. В раскопе собрано 786 ед. находок. Большинство из них — фрагменты сосудов: около 650 — емкостей ташковского типа и не более 100 — энеолитических.

Энеолитический комплекс представлен обломками не менее чем 11 сосудов — полуяйцевидной формы, тонкостенных, с «расчесанной» внутренней поверхностью, сплошь орнаментированных оттисками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями, образующими жемчужины на обратной стороне. По целому ряду признаков данный комплекс соответствует стандартам посуды двухозерского этапа лыбаевской культуры Тоболо-Исетского междуречья [Волков, 2002; 2007, с. 30–36].

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

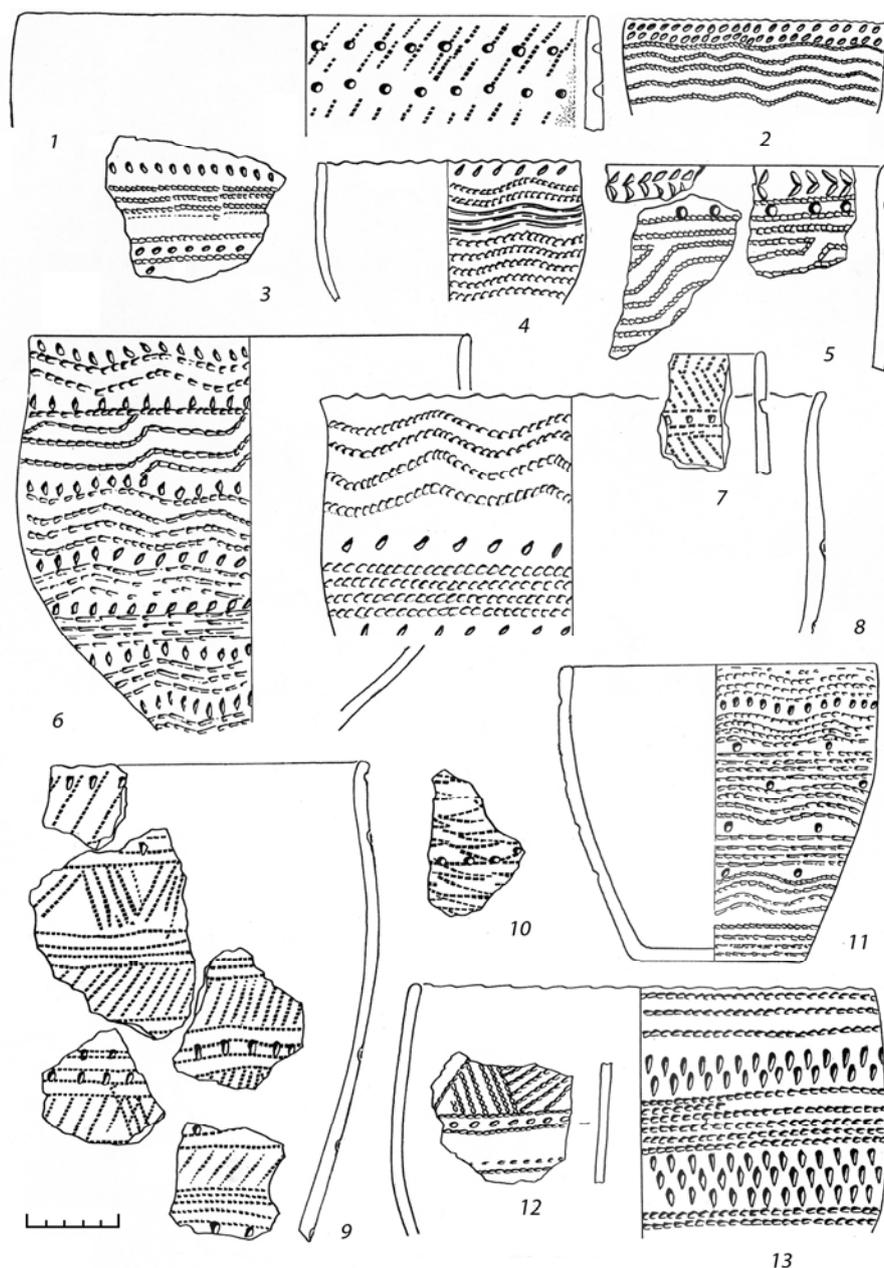

Рис. 3. Поселение Заводоуковское XIII. Керамика ташковской культуры.

Комплекс посуды *ташковского* типа включает фрагменты 25–30 сосудов (рис. 3, 4). Некоторые из них представлены десятками обломков, другие — единичными. Для формовки использовалась пластичная глина с естественным включением пылевидной слюды (возможно, в одном-двух случаях мелкодробленая слюда была добавлена преднамеренно). Фиксируются примеси некалиброванного шамота, иногда — дресвы и органики. Сосуды формовались из широких глиняных лент, соединенных как внахлест, так и встык. Возможно, использовались болванки-основы, о чем говорят характерные следы на внутренних поверхностях днищ и придонов. Толщина стенок и днищ варьируется от 0,4 до 1,0 см (в среднем около 0,6 и 0,7 см соответственно). Диаметры венчиков 14–36 см; туловищ — 14,4–36,5 см; днищ — 8,6–16 см. Высота шеек 0,7–2,5 см; плечиков — 3–12 см; общая — 10–41 см. Наружные поверхности, как правило, гладкие, внутренние — с бороздками, штрихами, порами. Обжиг, скорее всего, костровой. Цвет че-

репков снаружи — коричневым различных оттенков (от розоватого до серо-коричневого), изнутри — серый, серо-черный. Черепки довольно «рыхлые», легко поддаются излому, выкрашиванию. Количество сосудов, у которых удалось измерить те или иные параметры, а затем произвести их графическую реконструкцию, не превышает 14 экз.

Форма емкостей варьируется незначительно. В 10 случаях это «банки» с вертикальной или закрытой верхней частью, покатым или чуть ребристым переходом к придонной зоне (рис. 3, 2, 11, 13; 4, 6). Остальные отнесены к группе горшечно-баночных сосудов, хотя иногда такое определение выглядит довольно условным. Так, всего у двух емкостей были зафиксированы шейки высотой около 2 см, относительно крутые плечики и раздутое тулово (рис. 3, 6; 4, 1). В других случаях шейки короткие — до 0,7 см (скорее, эту деталь можно назвать отогнутым венчиком), плечики и придоны плавно-покатые (рис. 3, 8, 9; 4, 2, 3). Днища — плоские, иногда — слегка вогнутые. Зона перехода в дно — тупоугольная, с четким ребром или скругленная. Венчики анфас — прямые (61 %), волнистые (39 %); в профиль — симметричные (97 %) или скошенные наружу (3 %); срезы — округлые (60,6 %), уплощенные (27,3 %), плоские (12,1 %).

Сосуды орнаментировались сплошь, включая нередко венчик и дно (рис. 3, 4). Декоративные схемы — горизонтально-зональные, но без акцента на обособление той или иной детали емкости, т.е. пояски узора могли «перетекать» с одной части сосуда на другую, одинаковые композиции — украшать шейку и придонную зону. Наиболее распространенный тип орнамента — бордюрный, с довольно скудным набором мотивов: прямые или волнистые — одинарные или сгруппированные линии (49,1 %); дискретные отрезки: вертикальные (3,3 %), наклонные вправо-влево (16,3 %), образующие «елочку» (0,6 %), зигзаг или «качалку» (7,8 %). Единичны взаимопроницающие, «паркетные» мотивы (1,2 %), а также сетчатые (0,9 %) или меандровые (0,9 %). Разделителями служили пояски ямок — круглых, семечковидных, подпрямоугольных (16,0 %), иногда в сочетании с ромбовидными фигурами (0,6 %). Донышки украшены «розетками» — насечками по периметру, крестовидными фигурами, группой семечковидных ямок. Среди технических приемов орнаментации использовались: отступающе-накольчатый (40,2 %); гребенчатый — печатный, шагающий (19,4 %); ямочный (18,1 %); нарезной, «гладкоштампованный» (13,4 %); прочерченно-накольчатый (6,2 %); прочерченный (1,5 %). Сосуды декорировались, как правило, одним из технических приемов, хотя нередким было их комбинирование (рис. 3, 4; 4, 3, 4, 6). Отметим, что в каждом из трех жилищ использовались емкости, орнаментированные всеми упомянутыми техническими приемами.

В коллекции присутствуют 10 *предметов из фрагментов сосудов*: в 8 случаях — ташковских, в 2 — энеолитических (?). Восемь обломков служили, скорее всего, орудиями труда. Их форма в плане достаточно произвольна, на краях видны явные следы работы — затирки, шлифовки и др. Еще 2 изделия, с диаметрами 6,5 и 5,0 см, — дисковидные, с отверстиями: в одном случае — в центре (рис. 5, 8), в другом — у края. Кромки изделий заовалены, сглажены, а местами сохраняют «рваные» следы оббивки.

Свидетельством бронзолитейного дела на поселении являются фрагменты своеобразных *тиглей*. Основой для них служили крупные, овально-подчетыреугольные в плане обломки сосудов, по краю которых формовались глиняные бортики. Очевидно, фрагменты именно таких бортиков были найдены на дне постройки 3. Обломки небольшие (1,5×1,7 и 1,6×2,3 см), выполненные из пористой, рыхлой формовочной массы с обильной примесью песка и, возможно, дробленых кальцинированных костей или раковины (рис. 5, 7). Бортики подтреугольные в разрезе, их внутренние и наружные стенки тщательно заглажены, а плоскости, примыкавшие к основе, — неровные, бугристые. От основ тиглей (?) найдено 9 черепков — ошлакованных, деформированных, с пленками белесовато-розоватого нагара или тонким поверхностным слоем формовочной массы, похожей на ту, из которой делались бортики.

Ташковские *глиняные грузила* представлены 1 целым, 2 обломками археологически целого, а также 7 фрагментами торцевых и 3 — срединных частей изделий. За исключением трех последних, можно с уверенностью говорить о принадлежности грузил к типу так называемых рожковидных (рис. 5, 4–6). Длина и диаметр изделий около 9 и 1,5 см соответственно; сечения обычно овальные, реже — круглые; торцы приплюснуты, отогнуты или скошены и смоделированы в виде «рожек». Иногда выступы высокие, седловина между ними — глубокая, V-образная. В других случаях торцы грузил почти горизонтальные, так называемые Т-образные.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

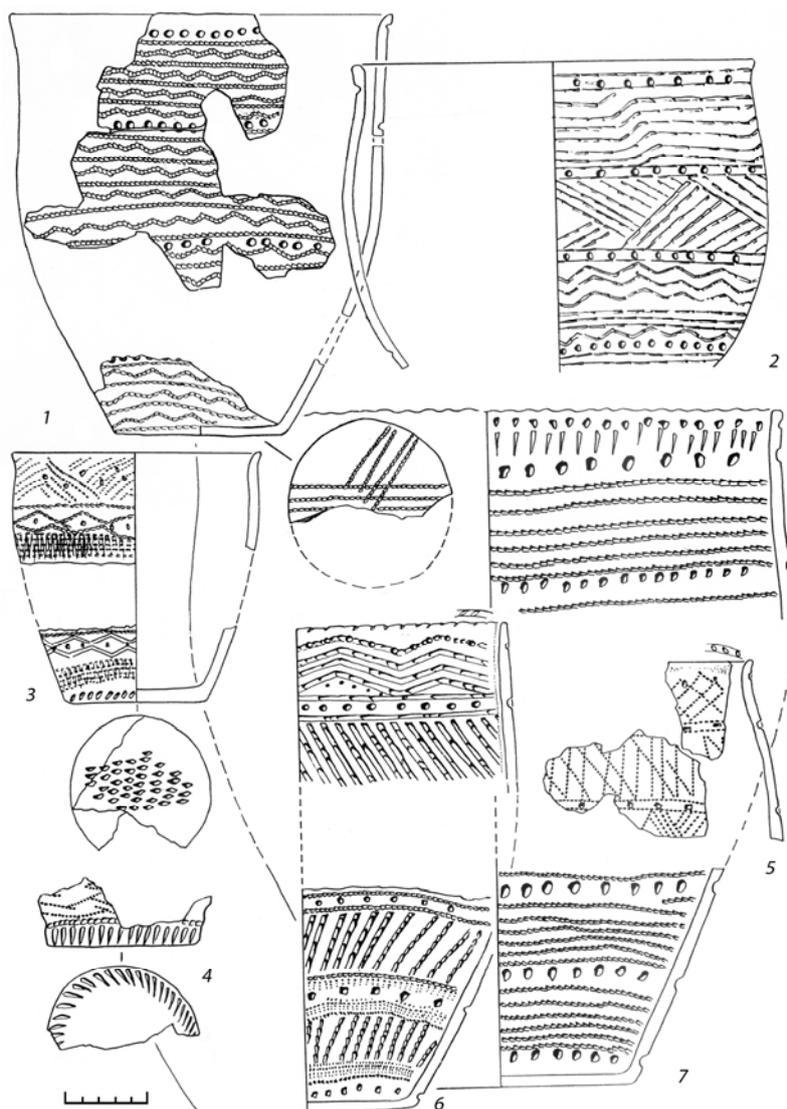

Рис. 4. Поселение Заводоуковское XIII. Керамика ташковской культуры.

В раскопе обнаружено 29 предметов из камня. Вероятность того, что какие-то из них, в том числе найденные в ташковских объектах, соотносятся с энеолитическим комплексом, весьма высока. А поскольку расчленить каменный инвентарь на разновременные группы практически невозможно (может быть, за одним исключением), мы вынуждены охарактеризовать его в целом.

Из 19 предметов, залежавших в нижних горизонтах ташковских объектов, выделяется крупный обломок сверленной булавы из породы плотной, массивной текстуры, черной, слабо просвечивающей, похожей на кремь (но излом не раковистый). Форма изделия в плане диско-видная, в поперечном разрезе уплощенно-выпуклая (рис. 5, 3). Диаметр диска около 5–5,5 см, сверлины — около 1,3–1,5 см. Изделие тщательно отшлифовано и заполировано до блеска. На поверхности и в сверлине фиксируются царапины разной направленности, а также гравировки. Так, на стенках отверстия прослежены круговые царапины (свидетельство сверления), а на поверхности изделия и в сверлине — группы параллельных нитевидных царапин (следы абразивной обработки). Затем, очевидно, была выполнена гравировка в виде расходящихся от центра к краям лучей. На уплощенной поверхности они сильно стерты, залощены, а на выпуклой — частично подновлены. В свою очередь, поверх нитевидных царапин и гравированных линий часто фиксируются короткие беспорядочные царапины — видимо, следы использования.

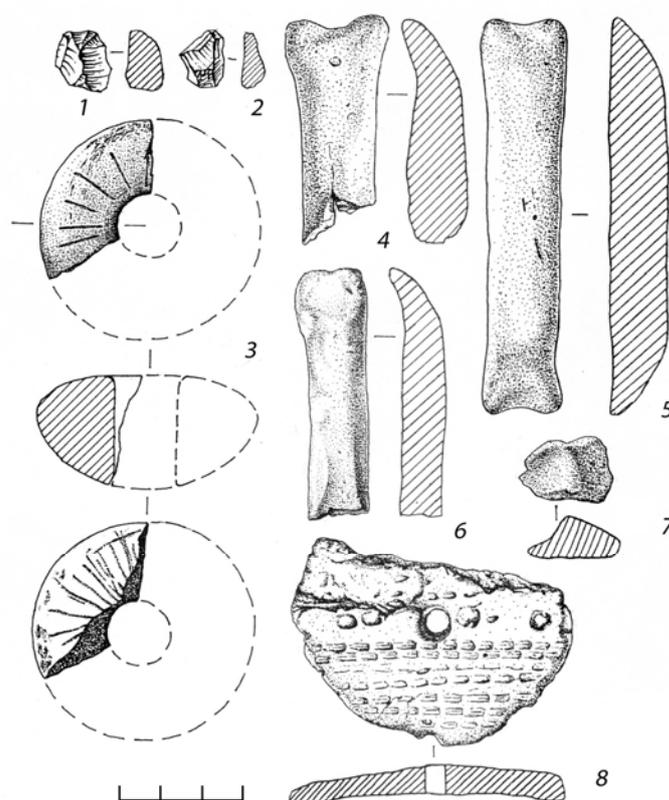

Рис. 5. Поселение Заводоуковское XIII. Вещевой комплекс:
1-3 — камень; 4-8 — глина.

Девять предметов из коллекции представлены бесформенными окатанными кусками коричнево-рыжего песчаника, еще пять — обыкновенными гальками без следов использования. Сырьем для остальных предметов служили кварцит, кремль и кремнеземная порода. На отщепах оранжевого и желтого кварцита выполнены скребки. Первый из них (14×14×9 мм; рис. 5, 1) — высокой формы, со скребковой концевой ретушью и чешуйчатой дорсальной на правом боковом крае; концевое лезвие прямое с плавным переходом на правом углу; слом торца подправлен поперечным сколом (снят карниз?). На отщепе желтого кварцита, фрагментированном вдоль, исполнен боковой скребок (25×12×8 мм), дуговидный скребковый край которого оформлен пологой дорсальной ретушью. Из черного кремня выполнен крупный пластинчатый отщеп (34×21×5 мм) с параллельной однонаправленной огранкой спинки, выраженным ударным бугорком, петлевидным дисталом. В проксимальной части отщепа — негативы глубоких отщеповых снятий и заломов, по левому боковому краю — двухсторонняя микровыкрошенность. Из серо-пестрого кремня изготовлен скребок (13×10×8 мм) с дуговидным лезвием, оформленным крутой ретушью (в качестве заготовки использован, очевидно, обломок наконечника с зауженным скругленным насадом).

В переотложенном слое руин и межжилищном пространстве найдено 10 предметов из кремня, кремнистых и других пород. Так, из серого кремня выполнены осколок пластины (16×6×1,5 мм) с краевой полукруглой чешуйчатой дорсальной ретушью по боковому краю, а также 2 сечения пластин. Одно (12×13×3 мм) — с неправильным правым боковым краем и красной желвачной коркой на левой дорсальной грани; второе (9×14×3 мм) — с дорсальной ретушью по боковым краям. Из коричнево-сургучного кремня сделано еще одно сечение правильной пластины (23×11×2 мм), по обоим боковым краям которой фиксируется микровыкрошенность. Из красного кремня выполнены плоский осколок (18×18×4 мм), а также продольный боковой скол (21×12×9 мм) с пробным микропластинчатым негативом на проксимальном ребре. Из светлой желтоватой кремнистой породы сделан отщеп (23×23×4 мм) с диагональной огранкой дорсала. Еще один крупный отщеп (34×17×9 мм), без следов использования, выполнен из бежевого

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

алевролита. Использовался также пестрый, желтовато-красный кварцит — на укороченном массивном отщепе выполнен скребок (14×11×6 мм; рис. 5, 2), боковые стороны и дистал которого оформлены полукруглой ретушью. Интересен плоский скол (33×13×3 мм) со шлифованного изделия с гравировкой. Сырье — серо-зеленый сланец или туффит. Одна сохранившаяся грань — плоская, заполированная до слабого блеска, с затертыми параллельными абразивными следами. На второй — узкой, тоже заполированной, видны 9 параллельных гравированных линий с затухающими к ребру концами.

Культурная принадлежность памятника вряд ли может вызвать сомнения. География и планировка поселка, особенности построек, специфика вещевого материала (обломки оригинальных тиглей, характерные наконечники стрел, рожковидные грузила, орудия из фрагментов сосудов, булава), и в первую очередь керамики, определяют место памятника в кругу древностей ташковской культуры эпохи бронзы [Ковалева, 1988; Ковалева и др., 2000; Сатыга XVI..., с. 60–85; Корочкова, 2012; и др.]. На сегодняшний день поселение маркирует восточную границу компактного ареала этой культуры (В.А. Зах склонен причислять к ней материалы поселения Боровлянка 2 в южно-таежном Приишимье [2009, с. 235]). Далее к востоку встречены единичные находки керамики ташковского типа и рожковидных грузил [Стефанова, 1985; Тихонов, Таууров, 2002].

Несмотря на довольно обширную библиографию — свыше 40 работ, целиком или частично посвященных проблемам ташковской культуры,— многие аспекты ее бытования и компоненты вещевого комплекса требуют, на наш взгляд, специального анализа и обсуждения. К сожалению, лимитированный объем публикации позволяет нам вкратце коснуться лишь некоторых из них. Прежде всего, памятники р. Ук заставляют подвергнуть сомнению тезис о том, что замкнутый ряд ташковских построек формируется в круг или овал, выражая/символизируя тем самым целый пласт мировоззренческо-идеологических практик ташковского общества, неразрывно связанных с его генезисом [Ковалева, 2012]. Если впадины, зафиксированные топографической съемкой на поселении Заводоуковское XIII, маркируют собой ташковские постройки (а это, скорее всего, именно так), то следует еще раз подчеркнуть их структурированность в виде замкнутой фигуры в форме треугольника. На соседнем мысу, примерно в 0,4 км восточнее, зафиксирована еще одна группа впадин, также образующих замкнутую фигуру, но подтрапечиевидную (пос. Заводоуковское VIII/1 [Стефанова, А–1991]). Материал, полученный здесь из зачистки лесопосадочной траншеи, представлен керамикой только ташковского типа. На наш взгляд, планировка ташковских поселков была обусловлена в первую очередь сложными, динамичными и отнюдь не мирными процессами, происходившими на территории Зауралья и Западной Сибири в конце III — начале II тыс. до н.э. [Бочкарев, 1995; Черных, 2013]. Археологически фиксируется консолидация мелких разрозненных групп аборигенов в более крупные и жизнеспособные объединения (так, на территории Ингальской долины известно 49 памятников эпохи энеолита и лишь 11 — начального этапа бронзового века [Волков, 2007, с. 21]). По мнению специалистов, распространение билингвизма и бикультурализма облегчало процесс консолидации, а ключевым в этот период являлось социальное родство [Шнирельман, 2013, с. 58–59]. Инновации в устройстве мест обитания, очевидно, диктовались настоятельной необходимостью «защиты» коллектива и собственности в самом широком смысле слова [Борзунов, 1997, с. 227, 230–231; 2011, с. 218–225; Бочкарев, 2010, с. 109].

Оборонительную/защитную функцию при замкнутой планировке поселка — неважно, в какой форме реализованной,— трудно осуществить, если он состоит из отдельных, автономных строений, даже с минимальным расстоянием между ними. Обособленные постройки или кострища, зафиксированные на внутренних площадках некоторых ташковских поселков, вероятно, служили местами, где выполнялись в том числе функции наблюдения/охраны. Не исключено, конечно, и проведение здесь каких-то ритуально-обрядовых действий. Хотя, на наш взгляд, сакральным целям более соответствуют автономные уединенные постройки, подобные объекту, исследованному на памятнике Ук III, с его нестандартными размерами, комплектом находок и большим количеством ташковской керамики неподалеку [Корякова и др., 1991].

Обратимся еще раз к изученным нами объектам. Это остатки трех построек, судя по интерьеру и находкам — жилых. Малая глубина земляных выемок (предположительно 0,2–0,3 м от дневной поверхности) позволяет толковать их как наземные сооружения. Малочисленность инвентаря, отсутствие следов очага, прокалов, золы, значительных углистых стяжений, столбовых ям и редкость прочих углублений на дне, возможно, указывают на их временный или се-

зонный характер, нежели на стационарный. Выходы из жилищ были ориентированы в сторону реки или, если говорить о поселении, на внутреннюю площадку. О вариантах архитектурного устройства жилищ, подобных ташковским, исследователи писали неоднократно [Борзунов, 2011, с. 187–188; Корочкова, 2012, с. 26; Очерки культурогенеза..., 1994, с. 124–128]. Для суждений об истинных размерах, внешнем облике сооружений и организации внутреннего пространства полученных нами данных недостаточно, поэтому ограничимся общими замечаниями.

Прямоугольные очертания мелких котлованов, вероятно, соответствуют такому же контуру основания самих построек. Если, как мы полагаем, стены возводились не со дна котлованов, а на каком-то расстоянии (1,0–1,5 м, вряд ли больше) от их границ, то площадь жилищ значительно превышала площадь их углубленной части. К примеру, площадь постройки 1 составляла предположительно не менее 50 м². Пространство между стенами и котлованом могло использоваться для самых разных нужд. Стены жилых сооружений, похоже, были наклонными (скаты-кровля), хотя не исключены и другие варианты их оформления. Вариант с самонесущими срубными стенами представляется наименее вероятным [Борзунов, 2011, с. 187]. Не исключено, что стены смежных построек были общими или сопряженными при помощи тамбуров-переходов (см., напр.: [Соловьев, 2000, с. 19, рис. 18]), что логично дополняет перечень фортификационных свойств обустройства поселка. Наличие в толще руин обширных пластов «тяжелой» коричнево-рыжей супеси, возможно, свидетельствует о применении обмазки каркаса стен/кровли глинисто-песчаной массой. Никаких бесспорных свидетельств того, что исследованные постройки, как и поселок в целом, погибли от преднамеренного пожара/сожжения, в результате раскопок не зафиксировано. Пласты темно-серого грунта, регулярно фиксируемые в ташковских жилищах по периметру их углубленных частей и практически идентичные по своим признакам (ширине, мощности, большему, чем в других местах, количеству находок), маркируют, скорее всего, места расположения нар-помостов. На них сооружались лежанки, размещались предметы домашнего обихода, выполнялись различные хозяйственные работы; под ними хранились запасы, накапливался мусор, в том числе зола, угольки и др. Сравнительный анализ исследованных нами построек и находок в них позволяет предполагать эгалитарный характер проживающей здесь общины [Григорьев, 1999, с. 109].

Хронологическая позиция ташковских комплексов, несмотря на наличие основательных исследований, остается одной из наиболее дискутируемых проблем. Обширная база данных радиоуглеродного датирования, сформированная в последние годы, позволила объединить в общий хронологический горизонт — XXII–XVIII/XVII вв. до н.э. — памятники абашевско-синташтинско-петровского и сейминско-турбинского типов [Бочкарев, 2010, с. 119–120; Епимахов и др., 2005; Трифионов, 1996; Черных, 2007, с. 48–49; 2008]. В том же временном диапазоне, согласно ¹⁴C-датировкам, существуют комплексы елунинской культуры [Кирюшин, 2002, с. 80–82; Кирюшин и др., 2003, с. 105–107; 2005, с. 137–141]. Оценка калиброванного возраста памятников ташковской культуры, произведенная по серии радиоуглеродных дат, помещает их в интервал 2050±200 лет до н.э. [Ковалева, 2005, с. 105].

Сосуществование вышеназванных, а также ряда других культур и культурных образований восточной зоны позднебронзовой Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) устанавливается и при рутинном сопоставлении присущих им категорий и типов артефактов (укрепленные и подкрепленные поселения и жилища, характерные наконечники стрел, рыболовные грузила, тигли и орудия труда на фрагментах сосудов, каменные булавы, костяные панцирные пластины, глиняные орнаментированные шарики и др.). Поражает степень сходства целого ряда сосудов ташковского керамического комплекта с образцами посуды сопредельных или отдаленных, но, на наш взгляд, одновременных культурных образований. Близость морфологии и орнамента, доходящая порой до идентичности, обнаруживается в комплексах логиновского [Генинг, Евдокимов, 1969, рис. 52, 9, 13, 14; Крижевская, 1977, табл. XIX, 20; XXI, 3], одиновского [Крижевская, 1977, табл. XXII; XXIII; XXVI, 2] и вишневого [Татаринцева, 1984, рис. 2, 2, 7, 11] типов на Ишиме; кротовского в Прииртышье [Стефанова, Стефанов, 2007, рис. 6]; елунинского в Верхнем Приобье [Кирюшин, 2002, рис. 76; 105, 2, 4; 106]; полымьятского [Стефанова, Кокшаров, 1988, рис. 4, 1, 5, 7] и кульеганского [Борзунов и др., 2011, рис. 9, 4, 5] в таежном Приобье; абашевского [Ткачев, 2007, рис. 67, 23] и синташтинского [Ткачев, Хованский, 2006, рис. 29, 1] на Южном Урале; петровского в Северном Казахстане [Зданович, 1988, рис. 3, 1, 3, 4, 8; 7, 1–3, 6, 10, 11]; чирковского в Марийском Поволжье [Соловьев, 2000, рис. 44, 7, 8]; атаманнюрского в Северном Приуралье [Стоколос, 1988, рис. 37, 38] и др.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

Свидетельством каких конкретных процессов являются вышеуказанные связи и параллели — тема специальных исследований. В данном случае для нас важен хронологический аспект сопоставления артефактов указанных типов и культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Жилина И.В. Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районам в 1981 г. Тюмень, 1982 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8541.

Сергеев А.С. Отчет о разведке в Заводоуковском и Ялуторовском районах Тюменской области в зоне проектирования строительства газопровода «СРТО — Омск». Свердловск, 1986 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 420.

Сергеев А.С. Раскопки поселения Заводоуковское X в Заводоуковском районе Тюменской области в 2002 году. Екатеринбург, 2003 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 642.

Стефанова Н.К. Полевые материалы разведочного обследования поселений Заводоуковское VIII/1; VIII/2 в Заводоуковском районе Тюменской области. Екатеринбург, 1991 // АКА УрГУ. Ф. I, д. 759.

Стефанова Н.К. Отчет об исследованиях археологических памятников в Заводоуковском районе Тюменской области летом 1989 г. (пос. Заводоуковское XIII, мог. Заводоуковский III, пос. Ук X). Екатеринбург, 1992 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 490.

Литература

Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 224–236.

Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: Проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 170–238.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульеган-38 — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Наука, 2011. Вып. 2 (46). С. 55–69.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы: (Опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. 21–25 авг. 1995 г. Саратов; СПб., 1995. С. 18–29.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 57–70.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв. до н.э.) // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8: Археологические памятники Ишимской лесостепи. С. 102–127.

Григорьев С.А. «Протогородская цивилизация» и реалии синташтинской культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы к конф. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 107–110.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья: (По материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Т. I. 288 с.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 29–47.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 102–109.

Ковалева В.Т. Генетический аспект изучения ташковской культуры // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого: К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 132–137.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов

Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 24–33.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препр. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. 71 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 128 с.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 489 с.

Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.

Сергеев А.С. Поселение Заводоуковское-Х — новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа, 1991. С. 55–58.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археол. экспедиции; Т. VI).

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 54–62.

Стефанова Н.К., Кокишаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. 161–174.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: (К 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 84–94.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 104–113.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово IX // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. С. 121–129.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. 384 с.

Ткачев В.В., Хованский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1. С. 60–64.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 386–400.

Шнирельман В.А. Этничность в археологии — реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола / Отв. ред.: В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 48–72.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
n.k.stefanova@urfu.ru

The article presents excavation results regarding Zavodoukovsk XIII site located in the lower reaches of the Uk river in Tyumen Low Tobol basin. The most part of the obtained antiquities refers to the Tashkovo culture of the Bronze Age. Subject to investigation being remains of three typical dwellings, with obtaining sets of typical dishes, sinkers, fragments of a crucible and mace. Subject to opening being two late burial constructions.

Tyumen Low Tobol basin, settlement, Tashkovo culture, Bronze Age, Eurasian metallurgic province, dwellings, pottery, V-shaped sinkers, mace, crucibles.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОПТЯКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПОДТАЕЖНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

А.А. Ткачев, В.В. Илюшина

Рассматриваются материалы коптяковской культуры поселения Оськино Болото, расположенного на территории Тюменского Притоболья. Представлены данные о конструктивных особенностях сооружений, инвентарном комплексе, керамике. Рассматриваются вопросы генезиса и датировки коптяковской культуры на территории подтаежного Притоболья.

Тюменское Притоболье, поселение Оськино Болото, коптяковская культура, жилища, инвентарь, керамика, технико-технологический анализ, орнаментация.

Одним из своеобразных культурных образований горно-лесного Зауралья и подтаежной зоны Притоболья являются коптяковские древности. Существуют две основные гипотезы относительно особенностей их развития: первая связана с местными автохтонными линиями формирования [Сальников, 1964, с. 7–10, рис. 2], вторая — со смешением и ассимиляцией автохтонного населения пришлыми носителями степных традиций [Хлобыстин, 1976; Шорин, 1999, с. 97–101; Зах, 2012, с. 38–39]. Относительная близость керамических комплексов горно-лесного Зауралья и подтаежного Притоболья позволила авторам данной статьи при первоначальном анализе коптяковского комплекса с поселения Оськино Болото отдать предпочтение ассимиляционной гипотезе [Ткачев, Илюшина, 2012, с. 42].

На территории подтаежного Притоболья известно несколько поселенческих памятников, содержащих материалы коптяковского типа. Одним из наиболее полно исследованных является поселение Оськино Болото (изучено 3302,5 м² его площади), которое расположено на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Исети в Ялуторовском районе Тюменской области (рис. 1). Исследованиями в южной части жилой площадки памятника выявлены остатки трех поселков, бытовавших на данном участке в разные хронологические периоды бронзового века [Ткачев, 2012]. Расширение источниковой базы вновь позволяет обратиться к анализу материальной культуры, оставленной носителями коптяковских традиций.

Коптяковский поселок располагался на пологом склоне мыса, плавно переходящем в высокую пойму р. Исети. В пределах исследованного участка полностью или частично изучены остатки шести коптяковских построек, три из которых частично прорезаны сооружениями паховского поселка эпохи поздней бронзы (рис. 2).

Жилище 24 представлено прямоугольной конструкцией, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 3,9×3,1 м, площадью около 13 м², глубина котлована от уровня древней дневной поверхности 0,2–0,3 м, придонная часть углублена в слой материковой глины на 0,1 м. В западном углу располагался узкий коридорообразный выход (1,75×0,8 м), ориентированный на запад, обрамленный с северной стороны материковым уступом подтреугольной формы. В центральной части помещения прослежен участок прокаленного пола в виде пятна удлинненно-овальной формы кирпично-красного цвета, размером 1,7×1,3 м с мощностью прокала до 0,2 м. Центральную часть прокаленной поверхности перекрывала глиняная прокаленная лепешка размером 0,28×0,22×0,07 м, насыщенная мелкими кальцинированными костями. У северо-восточного края прокаленной площадки располагалось хозяйственное углубление округлой формы (диаметр 0,6 м, глубина 0,15 м), заполненное черным сажистым песком. У северо-восточного края ямы обнаружен сосуд, вкопанный в материковый грунт (рис. 6, 13). Яма имела диаметр не более 33–35 см при глубине 32–33 см. Пространство между стенками сосуда и ямы было плотно забито коричневым глинистым грунтом, спекшимся в процессе воздействия высоких температур. Внутреннее пространство сосуда заполнено черной жирной сажой. На дне сосуда обнаружена костяная поделка.

В сооружении обнаружены два раздавленных горшка (рис. 6, 1, 5), односторонняя литейная форма с крышкой для отливки ножа (рис. 4, 1–5), обломки глиняного сопла (рис. 5, 3), каменные абразивы (рис. 5, 6, 7), орудие на пластине (рис. 5, 10), подвеска из раковины сем. Pectenidae (рис. 5, 9).

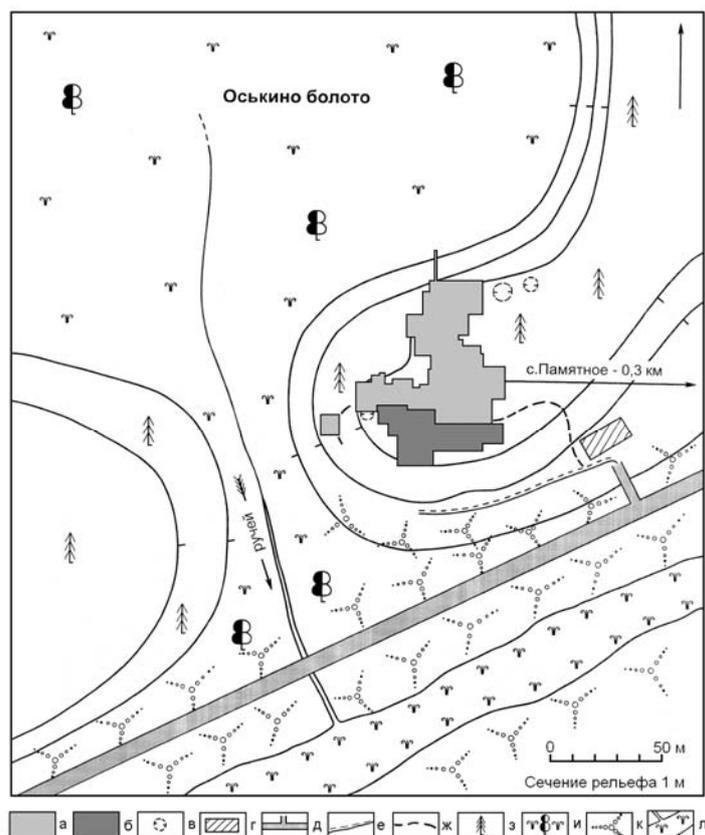

Рис. 1. Поселение Оськино Болото. План местности:

а — раскопы 2000–2009 гг.; б — раскопы 2010–2013 гг.; в — западина; г — заброшенное зернохранилище;
 д — асфальтированное шоссе; е — проселочная дорога; ж — лесная дорога; з — сосновый бор;
 и — заболоченная низина; к — кустарник; л — старица р. Исети.

Жилище 34 находилось в 5,5 м юго-восточнее постройки 24, имело котлован неправильно-прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированный по линии 3–В, размером 4,8×4,1 м, площадью 20 м². В СЗ углу располагался выход в виде короткого тамбура (1,4×1,2 м), направленного на северо-запад. Вдоль стенок котлована прослежена канавка (ширина 0,2–0,4 м, глубина до 0,3 м), ограничивавшая внутреннюю ровную прямоугольную площадку (4,3×3,6 м) в 15 м², углубленную в материковый грунт на 0,1–0,15 м. Глубина канавок относительно внутренней площадки 0,17–0,24 м. Канавка шириной 0,3 м отделяла пол выхода от основной части помещения, образуя единую ограничительную систему. Глубина придонной части помещения от уровня древней дневной поверхности 0,3–0,35 м. На дне канавок и полу помещения обнаружено семь столбовых углублений.

Жилища 35–42–43 образуют единый трехкамерный жилищно-хозяйственный комплекс.

Жилище 42 — основное — имело котлован подквадратной формы, ориентированный по сторонам света с небольшим отклонением к югу (6,7×6,1 м), площадью 41 м², глубиной от уровня древней дневной поверхности 0,15–0,3 м. В южной стенке близ юго-западного угла располагался выход в виде тамбура (1,3×1,5 м), ориентированный на юг, в сторону реки. За пределами котлована в углу, образованном южной стенкой постройки и восточной стенкой выхода, стоял сосуд (рис. 7, 17). Помещение обогревалось сложно устроенным очагом с использованием глиняной обмазки. На полу выявлено пять столбовых углублений, два из которых располагались у очажной ямы напротив друг друга. У северной стенки постройки обнаружены развалы трех сосудов (рис. 5, 16), а близ очага найден каменный шлифованный топорик (рис. 5, 4).

Жилище 35 соединено переходом с жилищем 42, располагавшимся в южной части восточной стенки. Переход оформлен в виде короткого проема в стене (ширина 0,7 м, длина 0,4 м). Крыша перехода и прилегающие к нему участки построек перекрыты желтой глиной мощностью

О некоторых особенностях коптыковских древностей подтаежного Притоболья

до 0,3–0,4 м. Основная часть глины после обрушения кровли частично перекрыла стенки котлованов, прилегающих к проему. Внутренние размеры жилой камеры, ориентированной по сторонам света, 2,3×1,7 м, площадь около 4 м²; глубина котлована от уровня древней материковой поверхности 0,2 м. Конструкций интерьера не выявлено.

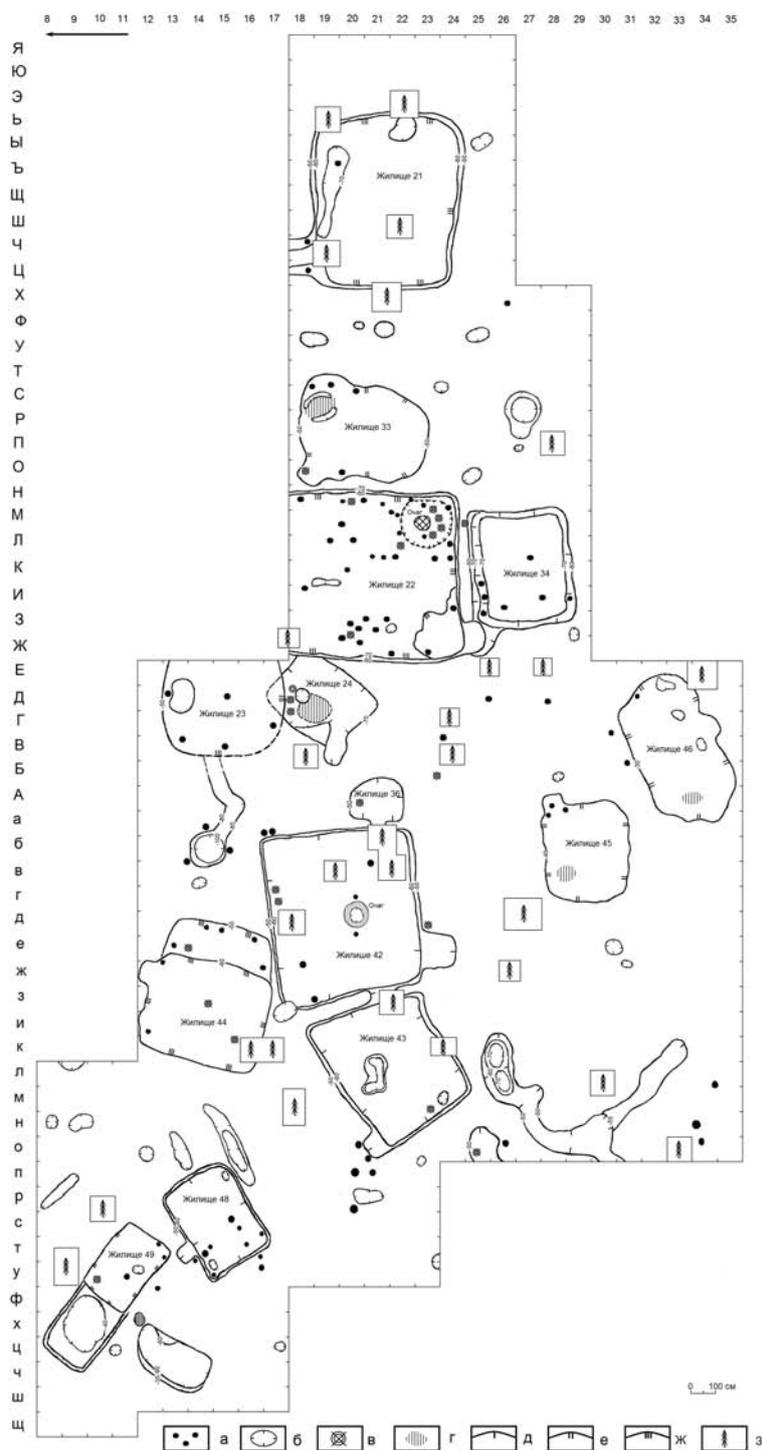

Рис. 2. Поселение Оськино Болото. Остатки коптыковского поселка на южном участке раскопа: а — столбовые ямы; б — хозяйственное углубление; в — сосуд в развале; г — провал; д — очертания коптыковских построек; е — очертания ташковских построек; ж — очертания пахомовских построек; з — отдельно стоящие деревья.

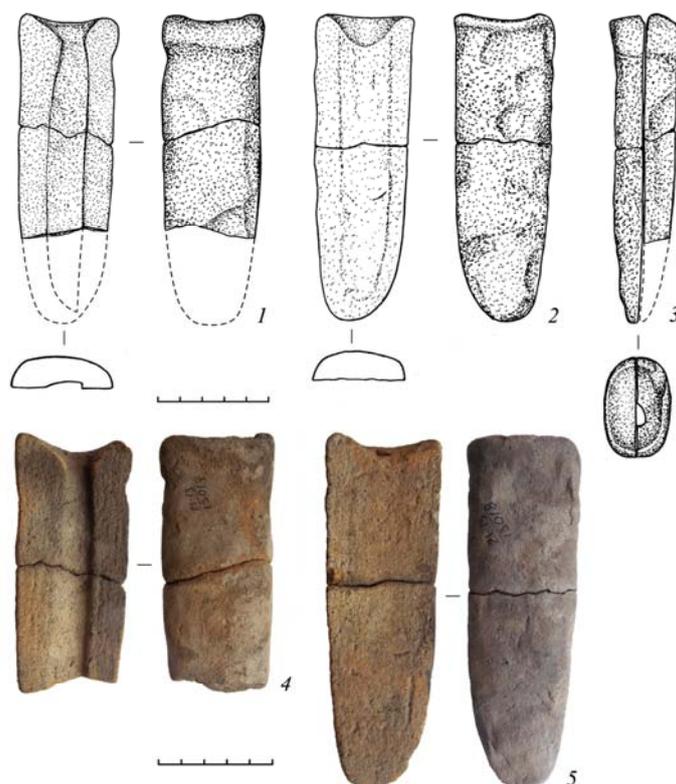

Рис. 3. Глиняная литейная форма коптяковской культуры поселения Оськино Болото (жил. 43):
1, 4 — матрица; 2, 5 — обломок крышки; 3 — глиняная форма в профиле (вид сбоку).

На полу близ северной стенки располагался раздавленный сосуд (рис. 5, 4), внутри которого обнаружены бронзовая иглочка и фрагменты горшковидной емкости алакульского облика (рис. 7, 16). С южной стороны сосуда фиксировались сильно разложившиеся кости животного, принадлежавшие, скорее всего, собаке мелкой породы. В 0,5 м южнее сосуда на полу помещения найдена нижняя челюсть бобра (?).

Жилище 43. Котлованы построек 42 и 43 разделены материковой перемычкой, в южной части которой располагался проход из одного помещения в другое. Ширина проема около 1,0 м, глубина 0,7 м. Крыша перехода и прилегающие к нему участки построек перекрыты желтой глиной мощностью до 0,3–0,4 м. После обрушения кровли глиняное перекрытие частично оказалось на прилегающих к проему стенках построек. Котлован жилища имел неправильно-прямоугольные очертания, общую ориентацию по линии СВ–ЮЗ, размер 6×4,5×5,5 м и площадь около 23 м². В северо-западной стенке у западного угла располагался выход в виде короткого тамбура (0,7×1,0 м), ориентированный на СЗ. Пол выхода плавно спускался к ровному дну, на поверхности которого зафиксировано два хозяйственных углубления. На участке, примыкавшем ко входу, располагалось несколько столбовых ям, связанных с обустройством выхода. На полу у западной стенки ямы найден развал придонной части сосуда, у южной — глиняная фишка (рис. 5, 11), односторонняя глиняная литейная форма с крышкой для отливки ножа (рис. 3, 1–5), ложило на гальке (рис. 5, 8).

Жилище 48 расположено в 5,5 м северо-западнее постройки 43, имело котлован прямоугольной формы (3×4 м) площадью 12 м², ориентированный по линии СВ–ЮЗ. Глубина котлована от уровня древней дневной поверхности 0,1–0,2 м. В северной стенке, близ центра, располагался выход в виде короткого прямоугольного тамбура (0,7×0,6 м), направленный на СЗ. К конструкциям интерьера относятся два хозяйственных и 10 столбовых углублений, три из которых располагались на участках, примыкающих к котловану постройки. На полу помещения найдены абразивный камень, бронзовый нож (рис. 5, 1) и зернотерка (рис. 5, 5).

Незначительное количество столбовых ям позволяет предполагать, что основой построек являлись бревенчатые конструкции с отдельными опорными столбами для поддержки перекры-

О некоторых особенностях коптяковских древностей подтаежного Притоболья

тия. Судя по особенностям размещения коптяковских построек в пределах исследованного участка, они располагались по кругу диаметром около 20–22 м.

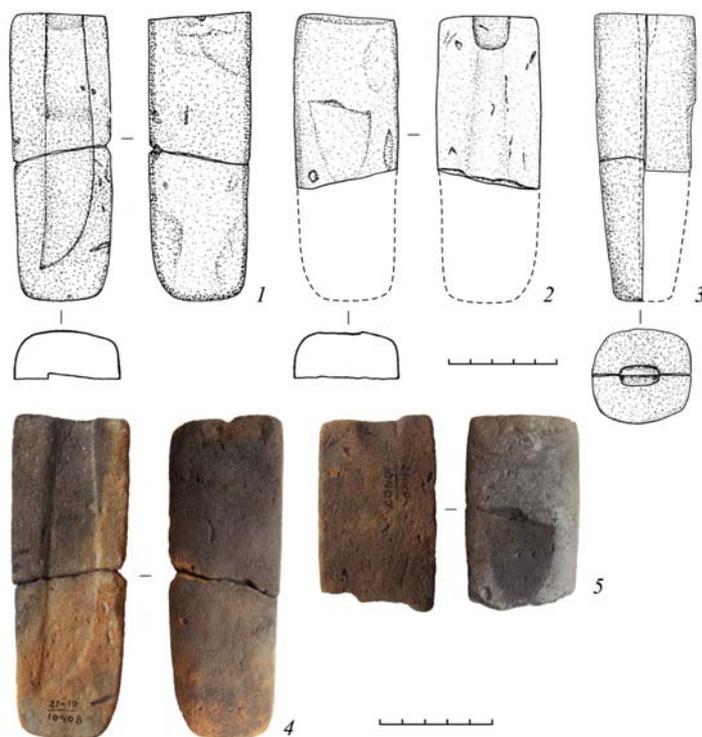

Рис. 4. Глиняная литейная форма коптяковской культуры поселения Оськино Болото (жил. 24): 1, 4 — матрица; 2, 5 — обломок крышки; 3 — глиняная форма в профиле (вид сбоку).

Инвентарь коптяковской культуры представлен изделиями из глины, камня, бронзы, керамики. Каменные предметы — абразивы из плотной породы серо-зеленого цвета (рис. 5, 6, 7), топорик с шлифованными боковыми и торцевыми гранями (рис. 5, 4), орудие, изготовленное на пластине светло-серого кремня (рис. 5, 10), зернотерка из плотной серо-зеленой породы с овальным углублением около 5 мм на одной из уплощенных сторон (рис. 5, 5), лоцило на гальке (рис. 5, 8). Изделие из керамики — заготовка фишки (рис. 5, 11).

Изделия из бронзы немногочисленны. Это нож (длина изделия 6,8 см, длина клинка 3,1 см, максимальная ширина 1,9 см, толщина черешка около 0,3 см, сечение черешка 1,4×0,2 см) с выделенной рукоятью и двулезвийным овально-удлиненным клинком уплощенно-ромбического сечения, плавно переходящим через округлые плечики в уплощенную рукоять прямоугольного сечения со слегка расширяющейся пяткой (рис. 5, 1). Еще от одного ножа сохранился лишь двулезвийный клинок линзовидного сечения (длина 7,4 см, максимальная ширина 2,4 см, толщина около 3 мм), в районе насада клинок сужается и переходит в округлые плечики, фиксируемые в виде слегка загнутого края (рис. 5, 2).

С бронзолитейным производством связаны две литейные формы и фрагменты сопла, изготовленные из сильнозапесоченной глины, возможно, с добавлением органики.

Одна из *литейных форм* имеет уплощенно-овальное сечение, длина сохранившейся части 10,2 см, ширина 4,2 см, толщина 1,4 см (рис. 3, 1, 4). На внутренней уплощенной поверхности прослеживается отпечаток негатива однолезвийного ножа с короткой выделенной уплощенной рукоятью, ровным лезвием и едва выпуклой уплощенной спинкой. Длина отпечатка ножа составляет 8,5 см, максимальная ширина лезвия 1,7 см, толщина около 3 мм, длина овально-уплощенного черешка около 2,4 см, ширина 0,9–1,2 см. Заливка металла происходила через овально-конический литник (размер 3,3×0,9 см, глубина около 1 см), расположенный в верхней части формы, плавно переходящий в треугольно-уплощенное входное отверстие негатива размером 0,8×0,8 мм.

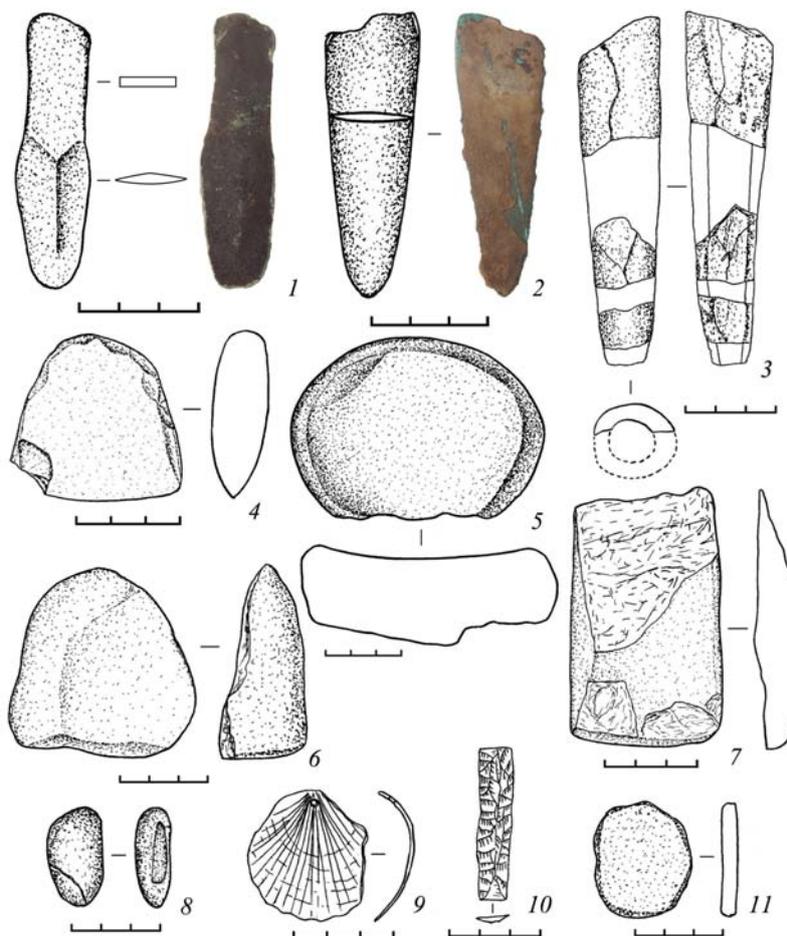

Рис. 5. Инвентарь коптяковской культуры поселения Оськино Болото (1, 5 — жил. 48; 2 — межжилищное пространство; 3, 7, 9–11 — жил. 24; 4 — жил. 42; 6, 8 — жил. 43): 1 — бронзовый двулезвийный нож; 2 — обломок бронзового двулезвийного ножа; 3 — глиняное сопло; 4 — каменный топорик; 5 — каменная зернотерка; 6 — керамическая заготовка фишки; 7 — каменное орудие; 8 — ложило на гальке; 9 — подвеска из раковины; 10, 11 — каменные абразивы.

Крышка данной формы уплощенно-овальная, длиной 13,8 см, шириной 3,3 см, толщиной 1,3 см (рис. 3, 2–5). На уплощенной поверхности слабо фиксируются выщерблины, совпадающие с внешними очертаниями негатива ножа, выдавленного на основной части формы. В верхней части уплощенной поверхности прослеживается негатив овально-конического литника размером 0,8×3,3 см, глубиной 1,2 см.

Вторая *литейная форма* также уплощенно-овальная (длина изделия 13,2 см, ширина 4,6 см, толщина 2,1 см) (рис. 4, 1, 4). На уплощенной поверхности прослеживается отпечаток негатива однолезвийного ножа с ровным лезвием, выпуклой спинкой и выделенной уплощенной рукоятью. Общая длина отпечатка ножа составляет 11,4 см, максимальная ширина лезвия 2 см, толщина до 2 мм, длина трапециевидного черешка около 4 см, ширина 1,8–1,5 см.

Обломок крышки данной формы уплощенно-овальный; длина сохранившейся части 8 см, ширина 4,8 см, толщина 2,2 см (рис. 4, 2, 5). На уплощенной поверхности слабо фиксируется выпуклость, совпадающая с негативом ножа, выдавленного на основной части формы. В сохранившейся части уплощенной поверхности прослеживается негатив уплощенно-овального литника размером 1,4×1,7 см, ширина входного отверстия около 4 мм. Максимальная ширина литейного отверстия при соединении обеих частей литейной формы до 0,9 см.

Обломки глиняного сопла (рис. 5, 3). Изделие имело коническо-цилиндрическую форму, реконструируемая длина 10–12 см, внешний диаметр составляет 2–3 см, внутренний — около 1 см.

О некоторых особенностях коптяковских древностей подтаежного Притоболья

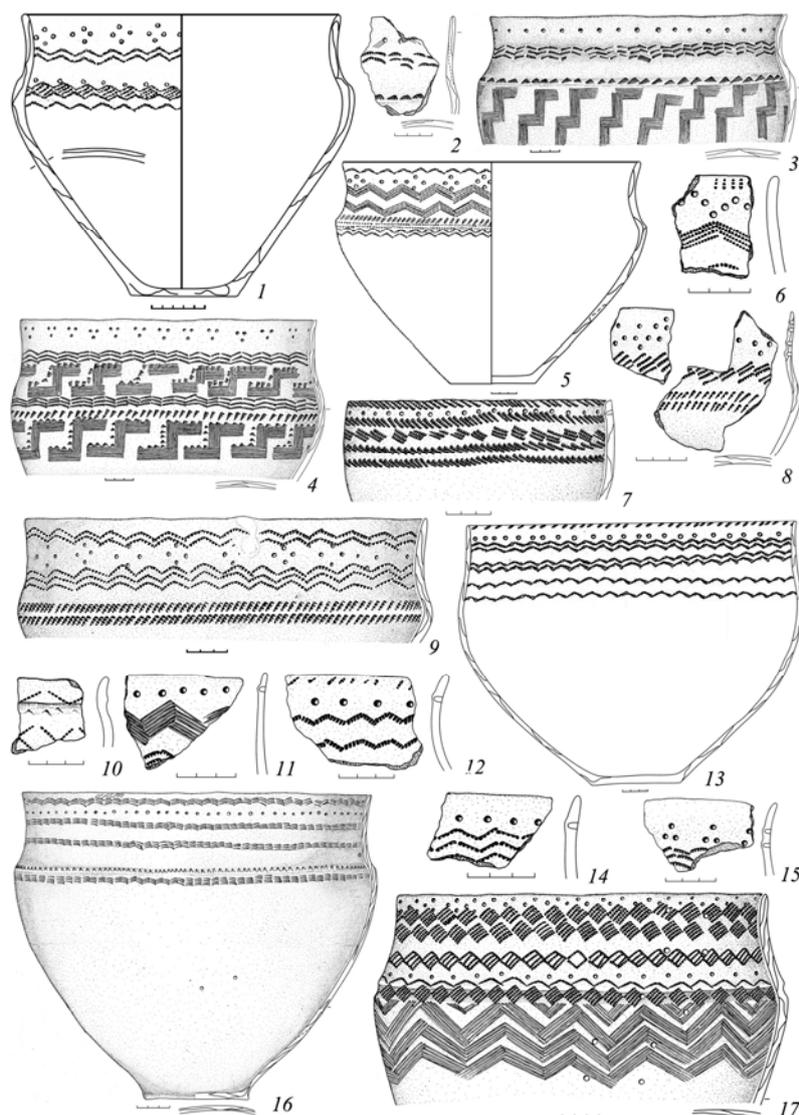

Рис. 6. Керамика коптяковской культуры поселения Оськино Болото.

Керамический комплекс, полученный при исследовании поселения, насчитывает около 80 сосудов. Из них 53 (крупные верхние части изделий и развалы) подвергнуты технико-технологическому анализу в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999, с. 9–11]. Для статистического анализа удалось использовать данные по фрагментам 52 сосудов. В морфологическом отношении это плоскодонные горшки (75 %), сосуды горшечно-баночных (15,4 %) и баночных (9,6 %) форм преимущественно с округлым срезом венчика (94,2 %). Сосуды часто имеют высокую отогнутую наружу шейку и уступчик, ребро или сглаженное уступ-ребро при переходе от шейки к тулову. Посуда по форме и орнаментации имеет сходство с древностями коптяковского типа, распространенными в горно-лесном Зауралье и Притоболье [Сальников, 1967, с. 353–375; Хлобыстин, 1976; Косарев, 1987, с. 268–269; Сериков и др., 2009; Викторова, 2011; Зах и др., 2014; и др.].

Анализ показал, что гончарами коптяковской культуры отбиралось два вида ИПС — природные ожелезненные глины и глиноподобное сырье, которое по качественным характеристикам может быть соотнесено с илистыми глинами [Васильева, 2010, с. 156–157].

Природные глины (ОГ) (43,4 %) в качестве естественных примесей включают различное количество кварцевого окатанного песка, железистые включения округлой и аморфной формы, а также оолитовые частицы бурого железняка и пылевидные листочки слюды.

Илистые глины (ИГ) (30 обр., или 56,6 %) кроме вышеперечисленных естественных примесей содержат обломки или целые включения чешуи или косточек рыб размером 0,4–5,0 мм, единичные отпечатки либо полуразрушенные включения раковин речных моллюсков размером 0,2–7,0 мм, отпечатки обрывков стеблей и листьев растений, единично — отпечатки водорослей в виде пучков, семян растений, обуглившиеся остатки насекомого, окатанный комочек чистого глинистого вещества.

Гончарами в основном использовалось средне- (20,7 %) и сильнозапесоченное (49,1 %) сырье. Анализ свидетельствует, что все виды ИПС применялись в состоянии естественной влажности. По исследованному материалу в качестве искусственных примесей зафиксированы шамот и органические добавки.

Шамот (Ш) не подвергался калибровке, а допускалась верхняя его крупность, составляющая в основном 2,0–3,0 мм, часты фракции до 5,0–6,0 мм. Концентрация шамота чаще всего составляет 1:4/5 (83 %).

Наличие в изломах некоторых сосудов небольшого количества отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,3–4,0 мм, аморфных или трещиноватых как бы стянутых внутри пустот размером 0,5–4,5 мм, стеночки которых сглажены, зачастую покрыты коричневым «рыхлым» налетом либо имеют бесцветные матовые поверхности, позволило предположить использование гончарами выжимки из навоза жвачных животных (В).

Чаще всего органический компонент фиксируется по присутствию в изломах аморфных, округлых или в виде трещин пустот размером 0,5–4,0 мм, покрытых белесыми, сероватыми или, чаще, бесцветными или углистыми пленками, имеющими жирный блеск, которые отмечаются и на отдельных участках изломов и минеральной примеси. Данные признаки указывают на наличие органических растворов (ОР) в формовочных массах изделий.

На основании сочетания различных видов добавок с ИПС удалось выделить пять рецептов составления формовочных масс: «ИГ + Ш + В (?)» (3,8 %); «ИГ + Ш + ОР» (51 %); «ИГ + Ш» (1,9 %); «ОГ + Ш + В» (9,4 %); «ОГ + Ш + ОР» (33,9 %).

Технико-технологическому анализу также подвергался шамот. Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной для изготовления шамота, чаще всего в своем составе имеет только шамот (88,7 %). В формовочной массе шести сосудов отмечен шамот с шамотом и шамот с тальком (11,3 %). В шамоте двух сосудов зафиксированы единичные пустоты от раковины речных моллюсков, которая, скорее всего, являлась естественной примесью, на основании чего возможно предполагать использование илистых глин для изготовления сосудов, пошедших потом на шамот.

Изучение четырех сосудов (рис. 6, 1, 13, 16; 7, 3, 7) позволило выявить, что изготовление их начинов производилось в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с применением лоскутов или коротких жгутиков, которые накладывались по траектории, близкой к спиралевидной. Полое тело этих сосудов и еще 26, изученных по верхним частям, также изготавливалось лоскутным спиралевидным налетом (рис. 6, 1–5, 8, 9, 16, 17; 7, 1–10, 12–15).

Начин еще одного сосуда предположительно изготовлен в соответствии с донной программой (рис. 7, 13). Отсутствие многослойности в изломе дна позволяет предполагать, что оно выполнено из одного комка глины. При конструировании полого тела данного изделия, а также еще одного сосуда (рис. 7, 7), возможно, использовались ленты, наращивавшиеся по кольцу.

Формообразование изделий производилось в процессе конструирования с помощью выдавливания пальцами, а также выбивания гладкой колотушкой. Достоверных признаков использования форм-моделей не зафиксировано.

Поверхности сосудов обрабатывались простым заглаживанием пальцами, тканью, а также деревянными или костяными скребками, гребенчатым штампом. На внутренних поверхностях 27 сосудов и внешних поверхностях 40 изделий зафиксированы следы лощения галькой по еще влажной или подсушенной основе.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок осуществлялось смешанными способами [Бобринский, 1999, с. 85–106] — обжигом высушенных изделий в условиях окислительной и смешанной окислительно-восстановительной среды в простых кострищах или очагах, чаще всего при кратковременном действии температур каления глины (не ниже 650 °С), и введением органических компонентов в формовочную массу.

Орнаментировались сосуды после заглаживания поверхностей, не орнаментировано лишь одно изделие. Узор наносился в основном гребенчатым штампом приемом штампования и, ре-

О некоторых особенностях коптыковских древностей подтаежного Притоболья

же, протаскивания, а также орнаментом с округлым рабочим краем техникой вдавления. Единично представлены оттиски гладкого штампа. Орнамент нанесен на шейку и верхнюю часть тулова. Единичны сосуды, имеющие орнаментированный срез венчика и верхнюю часть внутренней поверхности. Своеобразие комплексу придают округлые и овальные ямочные вдавления, сгруппированные по 2–4, в шахматном порядке или хаотично (40,4 %), а также расположенные в ряд (46,1 %) (рис. 4, 1–9, 13–17; 5, 1, 2, 4, 5, 7–9, 12, 13, 15, 17). В целом же наиболее распространенными элементами орнамента являются горизонтальные зигзаги (92,3 %), наклонные и вертикальные оттиски штампа (23,1 %), вдавления уголком гребенчатого штампа (23,1 %), которые довольно часто наносились в зоне перехода шейки в тулово (рис. 4, 2, 3, 9; 5, 1, 2, 12, 15). На тулове 7,7 % сосудов нанесен «ковровый» орнамент. Характерно сочетание различных техник нанесения узора гребенчатым штампом на одном сосуде.

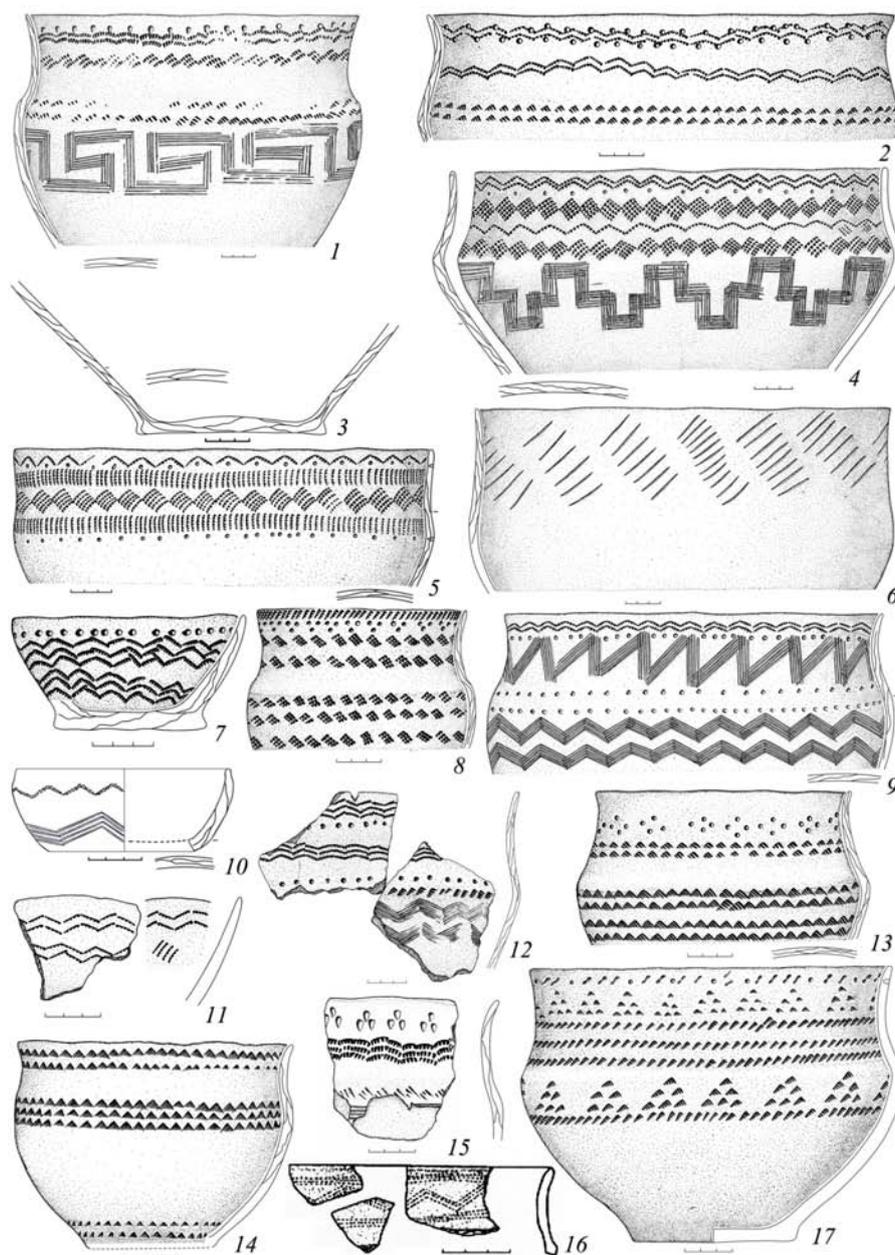

Рис. 7. Керамика коптыковской культуры поселения Оськино Болото.

Из всего сказанного выше можно заключить, что гончары поселения Оськино Болото в качестве ИПС отбирали как природные (43,4 %), так и илестые (56,6 %) глины. Сосуды, изготовленные из различных видов ИПС, зафиксированы во всех жилищах. В формовочные массы всегда добавлялся шамот и в большинстве случаев органические растворы (84,9 %). Технологический анализ шамота показал устойчивость, во-первых, навыков отбора в качестве ИПС глин и илестых глин, во-вторых, использование шамота при составлении формовочных масс. Вместе с тем присутствие единичных включений шамота, в состав которого входит тальк, возможно, указывает на контакты коптяковского населения с культурной группой, для которой было характерным применение талька. Подчеркнем, что пока на территории Притоболья не найдено ни одного коптяковского сосуда, содержащего тальк в качестве естественной или искусственной примеси, при этом такие изделия известны на коптяковских памятниках горно-лесного Зауралья. Кроме того, тальк как искусственная примесь отмечается в керамике алакульской культуры (например, поселение Нижнеингалское 3).

Любопытен тот факт, что в заполнении сооружения 35 были найдены фрагменты алакульского миниатюрного сосуда, при этом залегали они в развале коптяковского изделия. Технико-технологический анализ алакульского сосуда показал, что он изготовлен из слабозапесоченной илестой глины, содержащей обломки раковин речных моллюсков (до 30 включений на 1 см²), с добавлением шамота в концентрации 1:6 и органического раствора. В составе шамота отмечены раковина в виде естественной примеси, а также включения шамота и талька. Сосуд орнаментирован тонким гребенчатым штампом, которым выполнен узор, состоящий из горизонтальных зигзагов и горизонтальных линий.

Находка данного изделия позволяет предполагать, что обитатели коптяковского поселка Оськино Болото могли взаимодействовать с мигрировавшими на территорию Притоболья группами носителей алакульской культуры.

Полученные данные о наиболее консервативных навыках в гончарном производстве — конструирование начина и полого тела сосудов, их формообразование — позволяют отметить неоднородность традиций коптяковских гончаров. В частности, зафиксированы две программы конструирования начинов изделий — донная (1 сосуд) и донно-емкостная (4 сосуда). При этом полое тело изделия, начин которого изготовлен в соответствии с донной программой, делалось с помощью лент. Следует отметить, что применение донной программы конструирования и ленточного налепа зафиксировано по некоторым изделиям коптяковского поселения Чепкуль 5 [Зах и др., 2014, с. 40]. В подавляющем же большинстве случаев использовался лоскутный спиралевидный налеп. Анализ сосудов пока позволяет предполагать лишь способ скульптурной лепки на плоскости.

Обработка поверхностей во всех случаях осуществлялась способом простого заглаживания различными инструментами, после чего производилось лощение внешних и внутренних стенок сосудов.

Данными для *датировки* коптяковских древностей поселения Оськино Болото являются обнаруженные в культурном слое литейные формы для отливки однолезвийных ножей и бронзовые орудия данного класса. Двулезвийный пластинчатый нож (рис. 5, 1) связан с энеолитическим временем, когда подобные изделия сосуществуют с ножами с треугольным клинком [Матюшин, 1982, с. 122, рис. 34, 8; Потемкина, 1985, рис. 47, 5]. Типологически они предшествуют ножам «срубного» типа, доживая до алакульского времени [Стоколос, 1972, с. 35, рис. 63]. Близкие по типу изделия найдены в могильниках Убаган I и Майтан, соотносимых с раннеалакульским временем, т.е. XVII–XVI вв. до н.э. [Потемкина, 1985, с. 262, рис. 47, 5; Ткачев, 1987, с. 27, рис. 2, 6]. Найденный нами нож сочетает ранние черты (подтреугольная форма клинка) и алакульские (появление ромбовидного клинка, плоского насада и округлой пятки). Обломок другого ножа (рис. 5, 2) типологически соотносится с ножами-копьями, распространенными в памятниках раннеалакульского времени Северного [Зданович, 1974, с. 65, рис. 2, 5, 10], Центрального [Ткачев, 1987, с. 29, рис. 2, 4; 2002а, рис. 26, 6] и Восточного [Максимова, 1959, табл. XX, 9; Черников, 1960, табл. XLII, 2] Казахстана. Подобные обнаруженным (рис. 3, 4) литейные формы наиболее широко представлены в памятниках степной зоны Казахстана, что позволяет соотнести их возникновение и развитие с андроновской средой [Ткачев, 2002б, с. 169–170, рис. 20, 6, 7; рис. 135, 9; Аванесова, 1979, с. 10]. Простота форм ножей позволила носителям коптяковских традиций не только заимствовать эти формы, но и освоить производство данных предметов.

Рассмотренный коптяковский комплекс очень близок материалам поселения Чепкуль 5 [Зах и др., 2014, с. 36], имеющего радиоуглеродную дату с некалиброванным значением 3415±115 лет

О некоторых особенностях коптяковских древностей подтаежного Притоболья

(СОАН-8895). Таким образом, предварительно можно говорить, что коптяковский поселок Оськино Болото существовал в пределах второй четверти II тыс. до н.э. В сложении комплекса материальной культуры коптяковского населения Оськиного Болота принимало участие местное население — носители ямочно-гребенчатых традиций (вопрос об их культурной принадлежности остается открытым) при взаимодействии с пришлыми петровско-алакульскими группами, проникшими в подтаежное Притоболье из лесостепной зоны Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1979. 26 с.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И.Н.* О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Хвалынский энеолитический могильник и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. Самара: Поволжье, 2010. С. 153–179.
- Викторова В.Д.* Генезис коптяковской культуры // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 98–106.
- Зах В.А.* Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 29–40.
- Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В.* Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 36–49.
- Зданович Г.Б.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (по материалам раскопок 1970 г.) // ИИС. 1974. Вып. 15. С. 61–68.
- Косарев М.Ф.* Первый период развитого бронзового века Западной Сибири: (Самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 268–275. (Археология СССР).
- Макимова А.Г.* Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 86–161.
- Матюшин Г.И.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сальников К.В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАН. 1964. Вып. 6. С. 5–23.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 67–78.
- Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья: (Хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.
- Ткачев А.А.* Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопр. периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 25–35.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. Ч. 1. 289 с.; 2002б. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев А.А.* Комплексы эпохи бронзы поселения Оськино Болото // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 174–178.
- Ткачев А.А., Илюшина В.В.* Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.
- Хлобыстин Л.П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.
- Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. 1960. 272 с.
- Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999. 182 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
sever626@mail.ru
vika_tika@mail.ru

The article considers materials of the Koptyaki culture from the settlement of Os'kino Boloto on the territory of Tyumen Low Tobol basin. Subject to presentation being data on particulars of constructions, an inventory complex, and pottery. The paper discusses questions of genesis and dating of the Koptyaki culture on the territory of the sub-taiga Low Tobol basin.

Tyumen Low Tobol basin, settlement of Os'kino Boloto, the Koptyaki culture, dwellings, inventory, pottery, technical and technological analysis, ornamentation.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АНДРОНОИДНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

В.М. Костомаров

Рассматриваются проблемы развития андроновских традиций в лесостепной части Тоболо-Ишимья. Сделана попытка синхронизировать культуры андроновского и андроновидного круга. Выдвигается гипотеза о двух параллельных линиях культурогенетических процессов, которые при тесной взаимосвязи имели существенные отличия.

Пахомовская культура, ташковская культура, коптяковская культура, традиции, хозяйство, культурогенез, хронология.

Территория лесостепного Зауралья во II тыс. до н.э. характеризуется сложными культурогенетическими процессами. Традиционно обозначенный хронологический промежуток исследователи связывают с так называемыми андроновскими и андроновидными древностями. Если понятие «андоновская культура» или «андоновская общность» единодушно соотносится с носителями алакульской, федоровской и отчасти черкаскульской культуры¹, то термин «андронеидный» трактуется учеными по-разному. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает неоднозначность в оценках происхождения населения, оставившего подобные памятники, его материальной культуры и порождает дискуссии в определении характера его взаимоотношений с другими группами.

Термин «андронеидный» был предложен еще в 60-х гг. прошлого столетия К.В. Сальниковым по отношению к черкаскульским древностям или, по-другому, памятникам «лесного андрона». Происхождение оставившего их населения исследователь связывал с местными неолитическими племенами при незначительном участии андроновских групп [Сальников, 1967, с. 364–365]. Данную концепцию поддержал и развивал в своих работах Л.П. Хлобыстин. Исследователь рассматривал коптяковские и черкаскульские древности как андронеидные [Хлобыстин, 1976, с. 3–4]. Неоднозначно оценивались андронеидные культуры и М.Ф. Косаревым, первоначально он относил к ним и федоровскую [1974, с. 66], но впоследствии отказался от этой идеи и обозначил круг андронеидных культур без федоровских групп, включив в него коптяковские, сузгунские, черкаскульские и еловские древности [1981]. С середины 1980-х гг. источниковая база по эпохе бронзы существенно пополнилась и выделяются новые археологические культуры (пахомовская, ордынский этап, корчажнинская) [Корочкова, 1987; Матвеев, 1993]. За последние годы вышло немало работ, посвященных различным аспектам андронеидных культур, а также исследования, позволяющие дать оценку генезиса андронеидных традиций [Матвеев, 2000а, б; Полеводов, 2003; Костомаров, 2010; Зах, 2012].

Из историографии мы видим, что четкой и однозначной позиции по генезису и составу культур андронеидного типа на данный момент нет. Различные трактовки и гипотезы о происхождении и критериях андронеидных древностей вносят элемент неопределенности и как следствие вызывают дискуссии об их хронологии, происхождении и дальнейших судьбах.

Исследуя проблемы культурогенеза, в первую очередь необходимо дать краткую историко-культурную характеристику всем выделенным типам, этапам и группам памятников, давших уникальные материалы.

Несомненно, важно описать традиции и самые яркие культуры, в материале которых имеются признаки гребенчато-ямочной орнаментации. Ташковские древности наиболее близки к байрыкским [Косарев, 1981] (байрыкско-лыбаевским) комплексам Притоболья. Об этом неоднократно упоминалось в различных работах [Волков, 2007; Зах, 2009]. В действительности, если рассматривать композиции на байрыкских и ташковских сосудах, можно отметить сходство орнаментики и профилировки, тогда как форма днища у них различается (байрыкская посуда, как

¹ Автор придерживается концепции А.В. Матвеева [2000а] о единой связной линии федоровско-черкаскульского генезиса в Зауралье и относит черкаскульскую культуру к андроновским.

К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья...

правило, остродонная). Кроме этого, можно провести параллели в инвентарном наборе. В первую очередь это наличие однотипных рожковых грузил, которые встречаются и на памятниках с энеолитическим байрыкским слоем, и в слоях ташковских поселений. Отмечается сходство телесел и топоров [Ковалева, 1997, с. 130; Костомаров, 2013]. Рассматриваемые археологические культуры имеют общий ареал, для них характерно сходное географическое расположение памятников: например, в идентичных условиях в пределах заводоукского археологического микрорайона отмечены как ташковские, так и байрыкские комплексы. Это указывает на то, что традиции местного населения были четко привязаны к одной территории. Данный горизонт можно обозначить как подоснову андронидных традиций, некий базис.

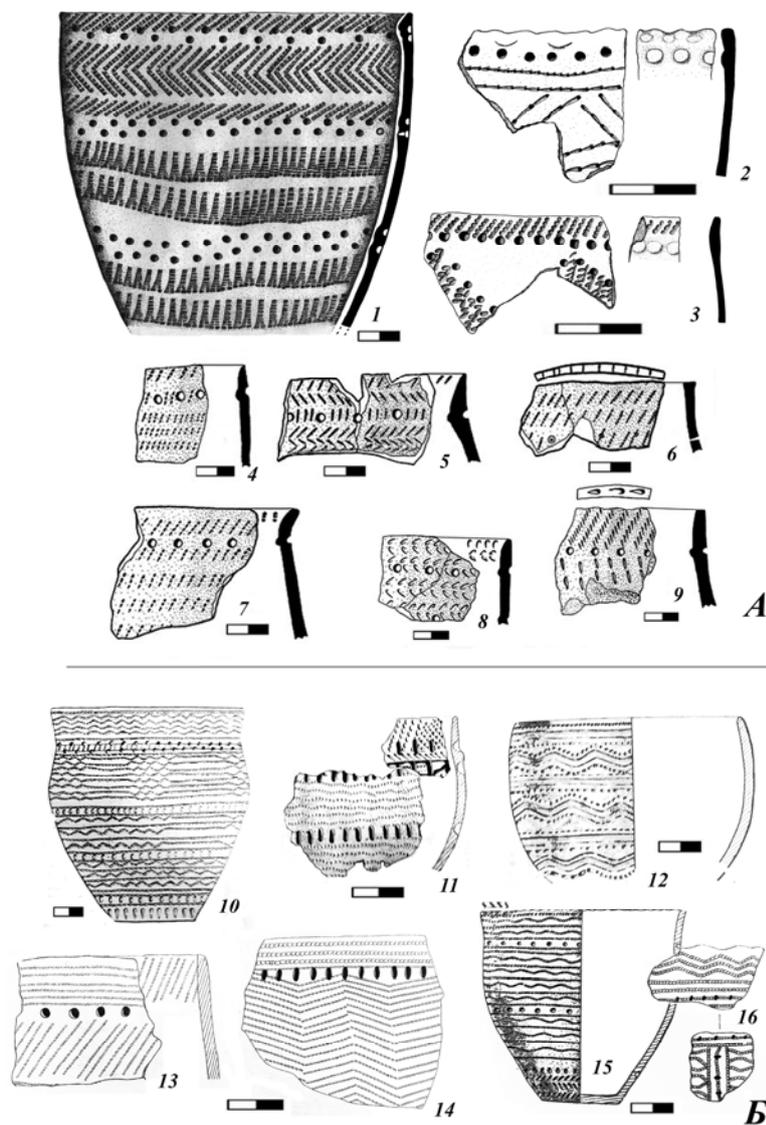

Рис. 1. Керамика байрыкской (А) и ташковской (Б) культур:
1–3 — поселение Ук XIV (Ук 6); 4 — Старолыбаево 4а; 5 — Устюг 2; 6, 7 — Остров 2а; 8 — Ук 5; 9 — Остров 2б;
10–16 — Ташково II: 4–9 — по [Волков, 2007]; 10–16 — по [Ковалева, 2000].

Согласно общепринятой хронологии, на смену ташковскому населению пришли коптяковские группы. Изначально коптяковский тип памятников был охарактеризован К.В. Сальниковым, который писал об эволюционном развитии компонентов коптяковского декора на местной неолитической основе [1964, с. 10]. Сегодня эта точка зрения однозначно не подтверждается какими-либо материалами в Притоболье, и это в большей степени связано с проблемами датировок и генезиса самих

неолитических культур в регионе. За последние годы в Притоболье было исследовано несколько новых коптяковских памятников, позволяющих сформировать целостное представление о культуре и механизмах ее генезиса, особенно в восточной части ареала [Зах, 2012; Зах и др., 2014]. В.А. Захом и коллегами изучены представительные комплексы поселений Чепкуль 5 и Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007; Зах и др., 2014]. Говоря кратко о керамическом материале и в целом о коптяковской культуре, можно отметить своеобразную посуду, сочетающую черты алакульского декора и гребенчато-ямочные раппорты. Инвентарь этих памятников разнообразен и представлен большим количеством каменных орудий, грузил из глины, различного рода глиняными изделиями.

Памятники пахомовского типа, хронологически следующие за коптяковскими и федоровскими древностями, распространены на достаточно обширной территории Тоболо-Иртышья. Известно уже более 30 поселенческих и погребальных комплексов, позволяющих достаточно хорошо охарактеризовать это культурное образование. До недавнего времени относительно происхождения пахомовских древностей исследователи высказывались осторожно, основываясь на анализе керамических комплексов различных культур. Единодушные суждения практически всех участников дискуссии о пахомовских традициях касаются определения основных компонентов, участвовавших в сложении данной культуры: местного — гребенчато-ямочного и андроновского, характер которого по ряду причин установить затруднительно, но большинство исследователей склоняются к тому, что это федоровское население [Корочкова, 1987; Матвеев, 2000а; Полеводов, 2003; Костомаров, 2010].

Таким образом, видим, что все эти культуры хорошо диагностируются и дифференцируются по керамическим традициям. Ранние коптяковские комплексы имеют своеобразный колорит, с элементами алакульского, федоровского и ташковского вида. Пахомовский декор ближе к федоровскому и черкаскульскому, отчасти напоминает сузгунский, что, на наш взгляд, указывает на связи этих культур генетического и хронологического характера. При этом несомненно, что производственные мощности, набор навыков, приемы изготовления орудий у андроновского населения были выше, совершеннее и имели передовое значение. Данный тезис иллюстрирует и более эффективная экономическая система. Скотоводство у андроновцев было перенято местным населением и стало одной из основных отраслей вплоть до рубежа II–I тыс. до н.э., хотя и сохранялась достаточно высокая доля присваивающего, охотничье-рыболовческого хозяйства [Зиминова и др., 2012]. Если исследовать инвентарный набор, то также можно проследить прямые параллели в типах грузил, каменных орудиях и др. В целом данный вопрос заслуживает отдельного исследования.

Обратимся к хронологии обозначенных комплексов. Датировка, как и собственно хронологическая атрибуция любой культуры, базируется в первую очередь на серии радиоуглеродных дат. При этом необходимо учитывать и типологические характеристики вещей (металл, грузила, каменная индустрия). Исследователи ташковской культуры определяют интервал ее существования концом III тыс. до н.э. — начале II тыс. до н.э., а абсолютные даты позволяют синхронизировать существование отдельных поселков в рамках XXIII–XVIII вв. до н.э. [Рыжкова, 1994; Ковалева и др., 2000; Молодин и др., 2014]. Данный хронологический промежуток отчасти сопоставим с алакульскими датами, полученными по материалам памятников Притоболья (Хрипуновский могильник, Чистолепяжское 3 поселение), которые указывают на функционирование алакульских комплексов в XVIII–XVII вв. до н.э. [Матвеева и др., 2003]. По материалам Алакульского могильника приводятся и другие верхние границы — в пределах XV в. до н.э. [Куприянова, 2008, с. 217–236]. Хронологию зауральской группы коптяковских древностей можно определить по серии радиоуглеродных дат с памятников на оз. Чепкуль, которые указывают на существование данных объектов в XIX–XVII вв. до н.э. [Зах и др., 2011, с. 220]. Дата, полученная из очага сооружения поселка Чепкуль 5, говорит о его существовании в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. [Зах и др., 2014, с. 36]. Для федоровской культуры в Притоболье имеются даты с ряда поселков в промежутке XVIII–XIV вв. до н.э. [Зах и др., 2013, с. 18; Матвеев, 2000а]. Для черкаскульской культуры А.В. Матвеев определял хронологический отрезок XIII–XI вв. до н.э. [2007, с. 35–36]. Для поселения Хрипуновское 1 получена серия радиоуглеродных дат в рамках XVI–XIV вв. до н.э. [Костомарова и др., 2011, с. 24]. Радиоуглеродные даты с пахомовских памятников укладываются в интервал XIV–XII вв. до н.э. [Матвеев, Костомаров, 2011, с. 53; Костомаров, 2010; Матвеева, Костомаров, 2009].

Данные датировки показывают, во-первых, наложение интервалов существования коптяковских и ташковских групп по верхней границе; во-вторых, частичную синхронизацию федоровских древностей в Притоболье с коптяковскими также по верхней границе. Таким образом, видим, что хронологические позиции некоторых групп населения отчасти совпадают, что еще раз может свидетельствовать об этапах сосуществования нескольких разнокультурных групп на одной территории.

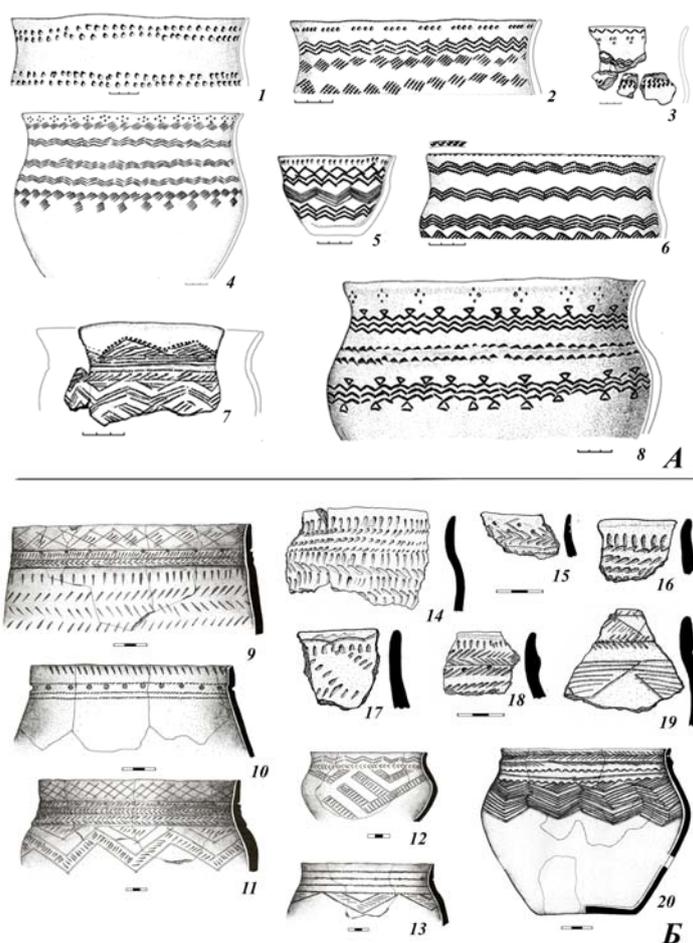

Рис. 2. Керамика коптяковской (А) и пахомовской (Б) культур:
 1–8 — Чепкуль 5 [Зах и др., 2014]; 9–13 — Большой Имбиряй 10 [Матвеев, Костомаров, 2011]; 14–19 — Тюрмитяки 3 (коллекция находится в музее ОмГПУ (поселение открыто Е.М. Данченко). Мы признательны за возможность обработки и использования данных материалов); 20 — Ук XIV (Ук 6).

Обратимся к анализу металлообработки указанных культур, что позволит отчасти охарактеризовать их экономику и установить направление культурных связей. С точки зрения исследования андронидных культур большой интерес представляет металл ташковских памятников. Коллектив авторов [Дегтярева и др., 2014] не только проанализировал все имеющиеся источники, но и дал оценку отрасли в целом. Особенностью ташковской металлообработки, по мнению авторов, являлась неустойчивость производственного процесса (эксперименты с температурами), наличие импортных предметов сейминско-турбинского типа [Там же, с. 21]. В целом характер обработки металла можно определить как периферийный, выраженный в подражании и неустойчивости технологии, отрасль базировалась на импорте из более развитых районов, орудия имели архаичный облик. Но главным, указывающим на связи ташковского населения, является вывод о том, что ташковские группы были вовлечены в круг производства, основанного на легированных сплавах, миновав стадию освоения меди [Там же, с. 23]. Учитывая принятую хронологию ташковских древностей и приведенные точки зрения, можно предположить, что в качестве поставщиков такого сырья выступали носители алакульских традиций, как наиболее вероятный партнер в импорт-экспортных отношениях.

Продолжая тему развития металлообработки у андронидного населения Тоболо-Ишимья, можем дать лишь приблизительные характеристики, так как металлических изделий немного, хотя поселений, изученных большими площадями, достаточно. По данным, приводимым О.Н. Корочковой [2010], население коптяковской культуры на Урале было одним из передовых в рас-

смаатриваемой отрасли. На исследованных поселениях Притоболья нет настолько выраженных свидетельств металлообработки. Данное наблюдение относится и к пахомовским древностям Зауралья, где в целом количество найденных бронзовых изделий и их заготовок или фрагментов — не более двух десятков. Вместе с тем их географические соседи в Притоболье, носители черкаскульской традиции, имели достаточно развитую металлообработку, генетически связанную с традициями федоровской и алакульской культур [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 43].

В результате анализа полученных ранее материалов, а также новых данных наиболее вероятным представляется наличие двух линий развития в культурогенезе лесостепной части Притоболья. Если говорить о генеральных направлениях, то можно выделить следующие. Автохтонное представлено эволюцией культур ташковско-кротовского пласта в группы населения — носителей коптяковских или подобных им традиций. Основой сложения коптяковского компонента, как и подобных ему, в Тоболо-Ишимском междуречье, скорее всего, являлись местные группы, носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в гончарстве, а также пришедшие андроновские группы. Предположительно характер контактов и их продолжительность определялась на взаимовыгодных условиях, данное сосуществование объяснялось также разделением экологических ниш и разнонаправленной экономической составляющей.

Данный тезис позволяет характеризовать территорию Тоболо-Ишимья как контактную зону разнонаправленных векторов — андроновского с юга и юго-запада, гребенчато-ямочного с востока и севера. Как показывают датировки, ташковские и алакульские племена хронологически сосуществовали. Они, несомненно, вступали в контакты, что, скорее всего, привело к появлению коптяковских традиций.

Впоследствии коптяковские группы, на наш взгляд, послужили основой для формирования древностей пахомовского облика, что согласуется и с хронологией, и с данными анализа декора керамики, хозяйства и в целом историко-культурной обстановки в регионе. Однако не следует воспринимать появление пахомовских традиций как прямую эволюцию коптяковской культуры. Согласно датировкам, коптяковское население вполне могло иметь связи с федоровским населением. О том, что федоровские группы на территории Притоболья ассоциируются с культурой мигрантов, говорят результаты технико-технологического анализа глиняной посуды [Илюшина, 2014, с. 37]. Хотя в последнее время появляются новые точки зрения о формировании собственно федоровских комплексов на территории Притоболья и их последующем распространении [Зах, 2014]. Но говорить об автохтонном происхождении федоровской культуры на основе коптяковских комплексов на данный момент преждевременно из-за скудности источниковой базы. Также не решена проблема несогласованности датировок этих комплексов, да и в целом различной культурно-хозяйственной составляющей. На наш взгляд, неуместно включать в круг культур андроновидного типа памятники черкаскульской культуры Нижнего Притоболья, так как комплексный анализ материалов (керамического комплекса, хозяйства, датировок) указывает на непосредственное развитие черкаскульских традиций из федоровских, предшествовавших им, и, вероятно, черкаскульская культура может быть соотнесена с заключительным этапом развития федоровской культуры в Притоболье. Кроме того, общность традиций и хозяйственно-культурного типа этих групп населения не вызывает сомнения, а различия можно объяснить хронологией. Данное положение неоднократно было детально рассмотрено в ряде работ, аргументирующих преемственную связь этих групп населения [Матвеев, 2000а, 2007; Костомарова и др., 2011].

Приишимье, как промежуточная зона между притобольским и прииртышским очагами культурогенеза, имеет свою специфику генезиса традиций в эпоху бронзы, но вместе с тем соответствует общим тенденциям в развитии культур соседних территорий. Здесь отмечены комплексы и ранней бронзы, и местные, связанные с развитием гребенчато-ямочной традиции. На данный момент в Приишимье из андроновидных наиболее изучены и широко известны лишь пахомовские памятники. По отношению к пахомовской культуре в наших предыдущих работах мы употребляли термин «древности», с более широким смыслом, нежели в классическом понимании археологической культуры. Именно пахомовские памятники, традиции и культурное окружение позволяют применять подобную характеристику. О схожести керамических комплексов Притоболья и Приишимья говорят и сравнительно-статистические параметры декора пахомовской посуды [Матвеев, Костомаров, 2011]. Ранее автором была поддержана точка зрения А.В. Матвеева о миграции части пахомовского населения в район Притоболья. Однако на данный момент, в связи с появлением новых источников, более логично предполагать, что процесс формирования пахомовских групп протекал на обширной территории Тоболо-Иртышья, где на ос-

К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья...

нове местных традиций под воздействием различных андроновских групп и формировался андронидный массив, ассоциировавший множество культур, который ранее был выделен как ордынско-пахомовский пласт [Корочкова, 1987]. В современном понимании данный термин приобретает более узкое значение, а памятники ордынского типа, на наш взгляд, следует объединять в особую группу андронидных древностей Приобья, соотнеся их с ордынскими, раннееловскими и корчажкинскими комплексами. Вопрос о наличии пахомовских памятников за пределами Тоболо-Иртышского региона остается открытым, хотя сам процесс появления таких комплексов, несомненно, протекал на всей территории Зауралья, Прииртышья и Приобья.

На основании обобщения всего фактического материала можно сделать некоторые выводы. Во-первых, андронидные древности, собственно, как и андроновские, ассоциируются у исследователей с общностью культур, имеющих специфические традиции. При этом большинство авторов указывают, что материал, относимый ими к андронидным древностям, имеет практически те же признаки, что и андроновский (алакульский, федоровский). Наиболее ярким моментом является дискуссия о характере черкаскульских групп в Притоболье. Во-вторых, как правило, ареал андронидных культур совпадает с окраинами ареала андроновского населения. При этом неоднократно отмечалось, что андронидные памятники находятся на периферии размещения андроновских комплексов. Однако не нужно забывать, что это были и основные территории расселения автохтонных групп с гребенчато-ямочными традициями, но при этом тут же присутствуют памятники с чистым андроновским материалом. В-третьих, хронология комплексов андронидного типа указывает на полную или частичную синхронность их с андроновскими. Вместе с тем следует иметь в виду сложный процесс культурного взаимодействия человеческих коллективов. Поэтому определить четко, была та или иная община ассимилирована, следовала моде при декорировании сосудов и ведении хозяйства или внедрила свои элементы культуры, не представляется возможным. Таким образом, термин «андронидный» требует переосмысления и может использоваться с оговоркой, что конкретно исследователь под ним подразумевает. На наш взгляд, более логично выделять культуры, сформировавшиеся на преимущественно автохтонной основе при участии андроновских групп, и собственно андроновские культуры.

Подводя итог, можем говорить о нелинейном развитии культур в Тоболо-Ишимском регионе. Автохтонное население с гребенчато-ямочной традицией орнамента керамики развивалось и изменялось на протяжении всего бронзового века при постоянном вливании пришлых андроновских групп, которые оказывали влияние на производственно-экономический комплекс старожилов, участвовали в активных ассимиляционных контактах, что приводило к появлению новых культур и формированию оригинальных традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков Е.Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья: (Эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 22–35.

Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В. Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 3. С. 14–24.

Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 30–46.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 319 с.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 29–40.

Зах В.А. Формирование федоровской культуры в Нижнем Притоболье и пути миграции ее носителей на восток // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (14). С. 50–60.

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 12–21.

Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 36–49.

В.М. Костомаров

Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1. С. 10–23.

Зими́на О.Ю., Костомаров В.М., Цембалюк С.И. Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (8). С. 73–81.

Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье // РА. 2014. № 3. С. 26–38.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 26 с.

Корочкова О.Н. Андронидные культуры Урала и Западной Сибири: Генезис, динамика, связи // УИВ. 2010. № 2. С. 46–51.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: Культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.

Костомаров В.М. Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций древнего населения Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 28–35.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 4–32.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как текст. Челябинск: Автограф, 2008. 244 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000а. 50 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская проблема и метаморфозы концепции «лесного андрона» // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Омск, 2000б. С. 75–77.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–56.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской Долины. Новосибирск: Наука, 2003. 176 с.

Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. ТюмГУ. 2009. Вып. 4. С. 14–24.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 27–43.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Рыжкова О.В. Ташковская культура в Нижнем Притоболье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 18 с.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВДУ. 1964. Вып. 6. С. 5–23.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vkostomarov@yandex.ru

The article is devoted to consideration of development questions regarding Andronoid traditions in the forest-steppe part of Tobol and Ishim basin. The author attempts to synchronize cultures of the Andronovo and Andronoid circle. The paper sets up a hypothesis of two parallel trends in the culturogenetic processes which, under close interrelation, were noted for substantial differences.

The Pakhomovo culture, the Tashkovo culture, the Koptyaki culture, traditions, household, culturogenesis, chronology.

РАННИЙ КОМПЛЕКС КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 2 В ПРИИШИМЬЕ¹

В.А. Зах, О.Ю. Зимина

Рассматриваются новые материалы переходного периода от бронзы к раннему железному веку поселения Мергень 2 в Приишимье. Исследования показали, что материалы этого и других поселений, изученных в долине Ишима, характеризуются чертами раннего этапа красноозерской культуры Ишимо-Иртышского междуречья.

Приишимье, оз. Мергень, поселение Мергень 2, красноозерская культура, керамика, инвентарь.

В начале 2000-х гг. на территории Западной Сибири значительно увеличилось количество источников по переходному периоду от бронзы к раннему железному веку, в том числе красноозерской культуры, в свое время выделенной и охарактеризованной по материалам памятников Прииртышья Красноозерское, Инберень 5–7, Новотроицкое 1, Алексеевка 19, Хутор Бор 1 [Косарев, 1976; Абрамова, Стефанов, 1985; Труфанов, 1983, 1990; Татауров, Шерстобитова, 2008; Шерстобитова, 2010].

На территории Приишимья в 1970-х гг. исследователи относили к этому периоду комплексы карьковского типа, полагая, что они формируются на рубеже II–I тыс. до н.э. в результате взаимодействия носителей керамики еловско-десятовского типа и посуды с крестовым орнаментом при некотором влиянии карасукско-ирменских элементов и прослеживаются до VIII–VII вв. до н.э. [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 63–64]. М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов рассматривали карьковские материалы как промежуточные между нижнеобскими и красноозерскими «крестовыми» Прииртышья, датируя в целом красноозерскую культуру IX (концом IX) — VII вв. до н.э. [1985, с. 123, 126]. В 1980–1990-х гг. на территории Приишимья были исследованы новые памятники переходного времени от бронзового к раннему железному веку, среди которых городище Ефимово 1 и поселение Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54]. Полученные материалы сравнимы с посудой Старо-Маслянского поселения и комплексами красноозерской культуры Прииртышья, в большей степени с материалами жертвенного места Хутор-Бор 1 [Труфанов, 1983]. Основываясь на сходстве посуды, исследователи предложили рассматривать ишимские комплексы в рамках красноозерской культуры, отмечая при этом несомненное различие в «не крестовых» ишимской и иртышской группах керамики, обусловленное разной субстратной основой — бархатовско-сузгунской в Приишимье и сузгунско-ирменской в Прииртышье. Высказано предположение о существовании переходных ишимских материалов не позднее VIII в. до н.э. [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1991, с. 54; 1993, с. 54–55].

Представительные материалы переходного времени от бронзы к раннему железу получены при исследованиях сотрудниками ИПОС СО РАН с начала 2000-х гг. в Приишимье поселений Мергень 2, 6, Марай 1, Борки 1 [Зах и др., 2008; Зимина, Скочина, 2008; Цембалюк, 2013] (рис. 1). Характеристике комплекса поселка Мергень 2 посвящена настоящая работа.

Поселение находится в Ишимском районе Тюменской области, на левобережье р. Ишима, в 3,5 км к ЮЗ от г. Ишима и в 2 км к ЮЮЗ от д. Сорочкино, на северо-восточном берегу оз. Мергень в 0,5 км к юго-востоку от истока р. Мергеньки. В 1988 г. Н.П. Матвеевой, открывшей памятник, обнаружено скопление керамики красноозерской культуры. По современному геоботаническому районированию территория, прилегающая к озеру, относится к северной лесостепи [Атлас Тюменской области, 1971; Бакулин, Козин, 1996]. Водоем у берега окружен полосой тростниковых зарослей и переувлажненных осоково-ситниковых лугов. Борта озерной котловины

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проекты «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» и «Социальная структура древнего общества (по материалам археологических памятников Урало-Сибирского региона)».

заняты разнотравно-злаковым лугом и пашнями, более высокие уровни террасы и гривы заняты парковым березово-осиновым лесом, местами с подсаженной елью и сосной [Зах и др., 2008].

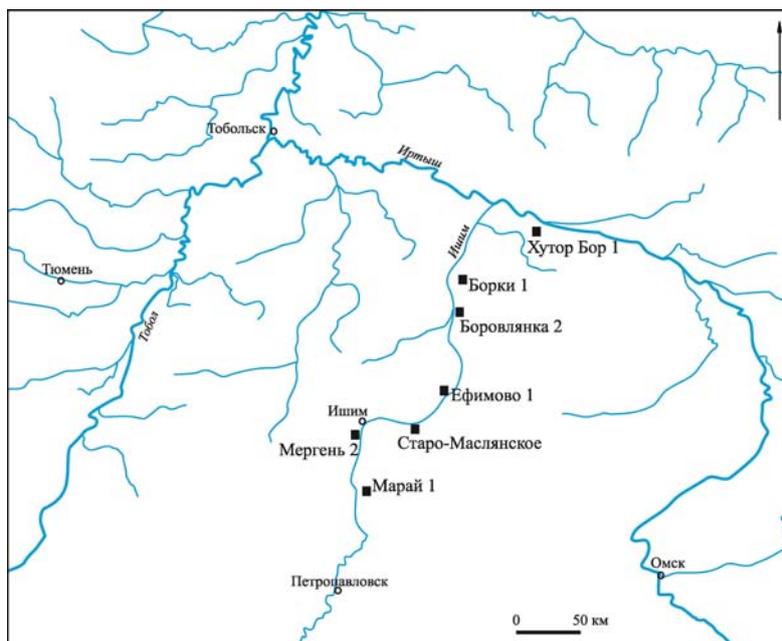

Рис. 1. Карта исследованных поселений красноозерской культуры в Пришимье.

На краю террасы, высота которой в месте расположения поселения составляет около 4,5 м, покрытой березовым лесом и посадками ели, прослеживаются восемь западин размером от 4х5,5 м до 7,5х7,5 м, глубиной не более 0,1–0,3 м, слабо выраженных на поверхности и расположенных двумя рядами (рис. 2).

В 1990 г. экспедицией ИПОС СО РАН на северо-западном краю поселения на одной из западин, размерами 6х6 м, глубиной 0,35 м, был заложен раскоп площадью 167 м². Выявлены остатки неуглубленного в материк жилища с восьмью ямами (№ 1–8), в четырех из которых найдены фрагменты сосудов красноозерской культуры, обломки литейной формы и целая льячка. Слой светло-коричневой супеси содержал разрозненные фрагменты сосудов и костей, четыре скопления керамики (неполные развалы сосудов), частично исследован прокол [Матвеев и др., 1997] (рис. 3).

В 2011 г. исследования на памятнике были возобновлены, к раскопу 1990 г. с южной стороны сделана прирезка площадью 136 м², наложенная на западину 2 размерами 6,5х6,5 м, глубиной не более 0,2–0,3 м, расположенную к югу от жилища 1, и часть межжилищного пространства на краю террасы.

Стратиграфия следующая. Сверху фиксировался довольно мощный (0,15–0,30 м) дерново-гумусовый горизонт, с дерном толщиной 0,05–0,1 м. Под ним находилась темно-серая гумусированная супесь (0,15–0,2 м), содержавшая небольшое количество находок. Ниже лежал культурный слой, представленный супесями нескольких оттенков. Светло-коричневая супесь, мощностью 0,1–0,4 м, заполняла ямы на уровне 0,07–0,18 м от уровня материка; коричнево-серая супесь, мощностью от 0,1 до 0,45 м, выявленная под слоем темно-серой, также служила заполнением некоторых ям. Под слоем коричнево-серой супеси на некоторых участках раскопа (на площади жилища и отчасти на межжилищном пространстве) фиксировался коричневый суглинок, смешанный с серой супесью, его мощность составляла не более 0,05–0,1 м. Две большие ямы (№ 25 и 42), содержавшие большое количество находок, были заполнены темно-коричневой супесью. Материк — коричневатый суглинок (рис. 3).

Вдоль стенок раскопа у края террасы прослеживались небольшие участки серой и коричневой супеси, с которых происходит 30 предметов каменного инвентаря, среди них сверло, два скребка на пластинах, пластины и отщепы. В слое серой супеси каменный инвентарь найден на глубинах

Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье

-90...-94², в слое коричневой супеси — -68...-87. В восточной части раскопа на глубине -79 обнаружен наконечник стрелы листовидной формы, размером 3х1,1 см, двусторонне обработанный, со смещенным центром (рис. 5, 4). На этих же уровнях найдены два фрагмента шеек без орнамента с волнистым приостренным венчиком, предположительно от сосуда боборыкинской культуры эпохи неолита (рис. 5, 5). Три фрагмента стенок сосудов орнаментированы при помощи широкой лопаточки в отступающей манере (рис. 5, 7).

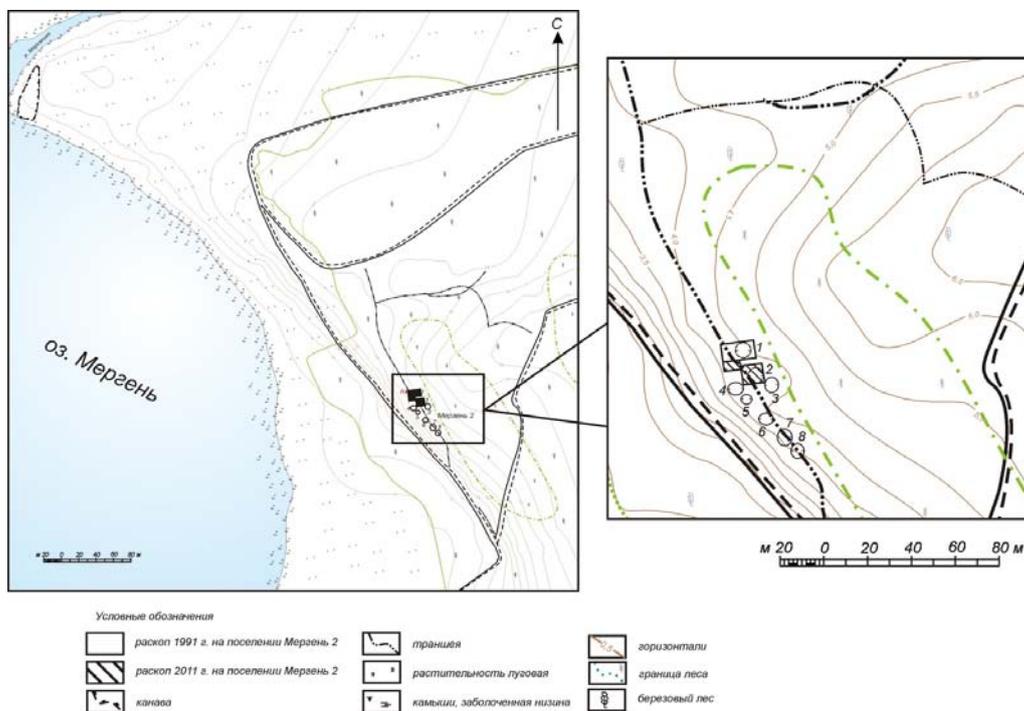

Рис. 2. План поселения Мергень 2.

Скорее всего, фрагменты посуды и каменный инвентарь относится к эпохе неолита — раннего металла, хотя подобные узоры на керамике и орудия из камня могут принадлежать и комплексу красноозерской культуры переходного времени от бронзового века к железному, так как в этот период отмечается всплеск «интереса» к орнаментам в технике отступления и прочерчивания, присущим более ранним периодам [Труфанов, 1990, с. 12], и частичное возвращение каменной индустрии.

Культурный слой на участке понижения поверхности в виде неглубокой западины 2 представлял собой обширное аморфное пятно коричнево-серой супеси размером 6,25–7х8 м, которое выделялось на фоне светло-коричневой супеси межжилищного пространства на глубинах -55...-78. В центре сооружения на глубине -64 фиксировалось пятно коричнево-рыжей прокаленной супеси размером 1,75х1,1 м — предположительно остатки очага открытого типа, мощностью не более 0,06 м. На глубинах -70...-80 коричнево-серая супесь над материком сменилась прослойкой коричневого суглинка, смешанного с серой супесью, на которой у западной и южной границ сооружения расчищены обширные скопления обломков посуды. В южной и западной части в пределах границ предполагаемого жилища фиксировались участки серой и коричнево-серой супеси, по периметру — светло-коричневая супесь.

Объектов в материке, так же как и в первом раскопе, немного. Преимущественно это ямки небольшого диаметра и глубины. В раскопе 2011 г. выявлено 36 ям, в числе которых несколько больших — № 11, 25, 26, 35, 42, 44; все они, за исключением ямы № 35, не попали полностью в пределы раскопа. В трех из них, № 25, 35, 42, содержались большие скопления керамики. Всего из ям происходит 584 находки: 569 фрагментов керамики, 9 обломков костей животных, 3 обломка глиняных изделий, 2 предмета из камня и небольшой бронзовый сплеск. В большинстве случаев ямы были небольшие и неглубокие — размером от 0,15 до 0,4 м в диаметре и глубиной

² Здесь и далее глубина в сантиметрах от условного «0».

от 0,05 до 0,18 м от уровня материка, из них лишь яма № 38 имела диаметр 0,3 м и глубину 0,6 м. В ней обнаружен скребок на пластине из серого кварцевого песчаника и скол из зеленой яшмы. В яме № 32 находился развал сосуда красноозерской культуры. В основном небольшие и неглубокие ямки были сосредоточены на межжилищном пространстве в северо-западной части раскопа — это группа ям, расположенных по кругу (№ 14–24), и две ямы чуть поодаль (№ 12, 13) — в 1 м к северу от этой группы.

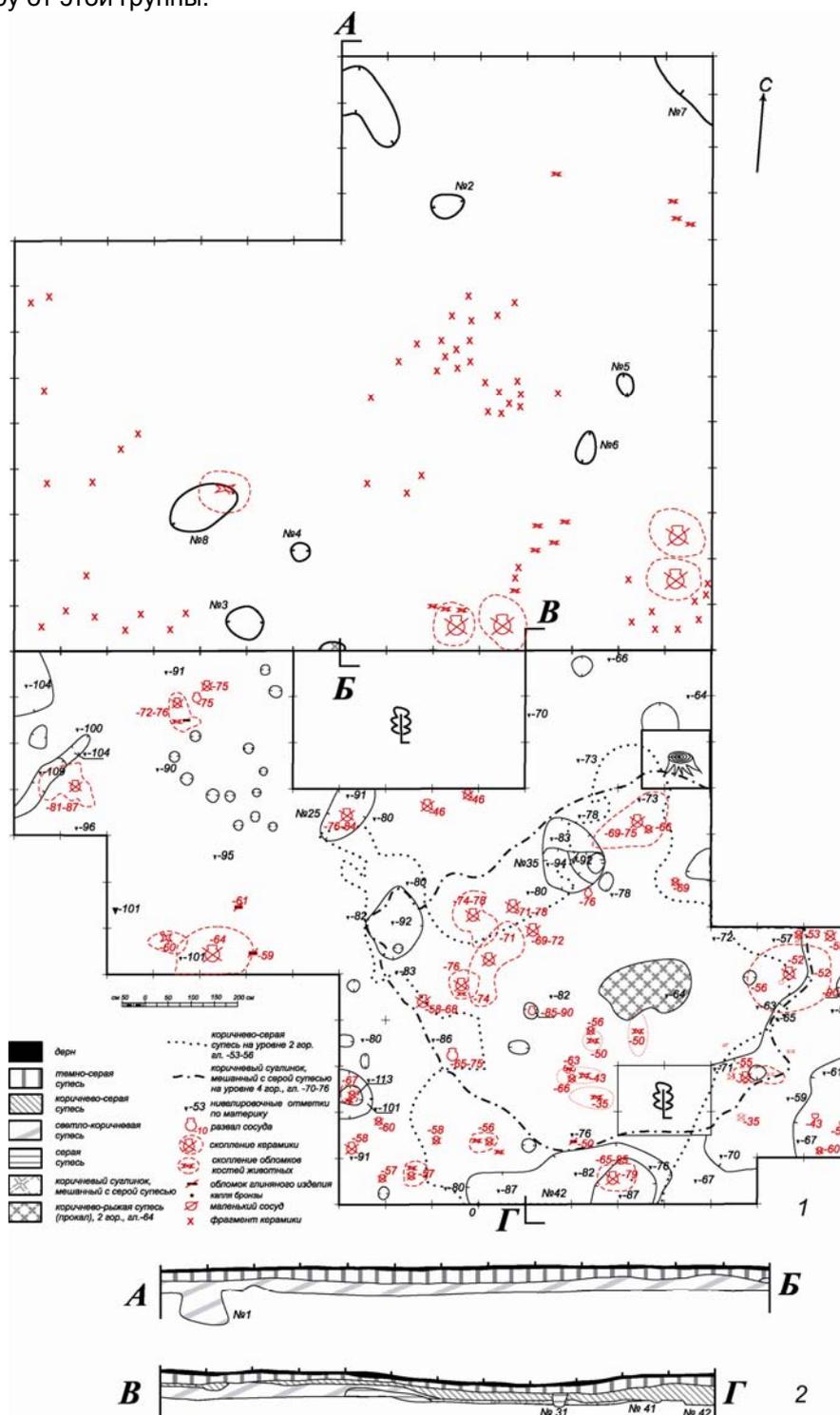

Рис. 3. План раскопа (1) и разрезы (2) поселения Мержень 2.

Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Пришимье

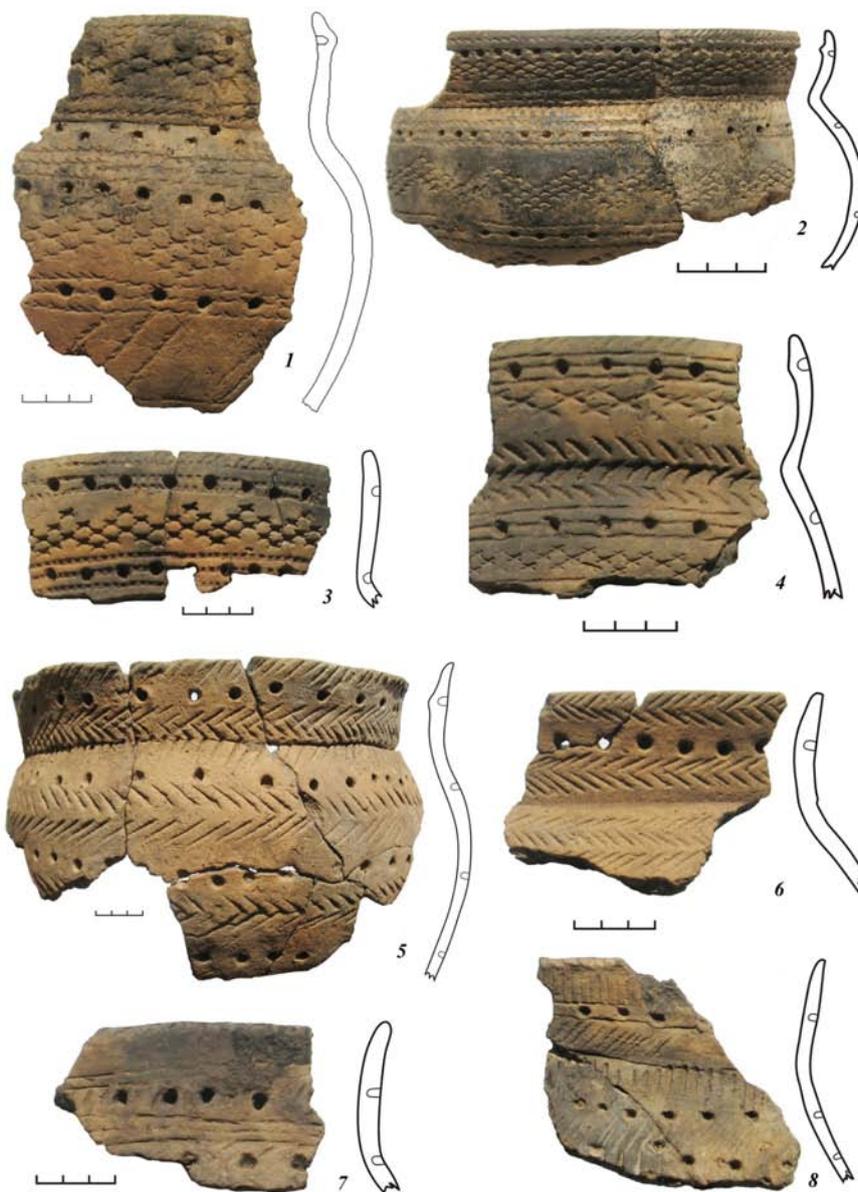

Рис. 4. Керамика красноозерской культуры поселения Мергень 2.

В юго-восточной части раскопа на материке выявлены два небольших понижения в виде ступенек. Их назначение не определено; не исключено, что они относятся к другому сооружению или объекту.

Таким образом, исследованное в 2011 г. сооружение 2 предположительно было наземным. По остаткам ям, сохранившимся в материке, описать постройку достаточно сложно. Опорные элементы конструкции могли быть углублены в грунт, но не доходили до материка. На наш взгляд, границы сооружения маркирует светло-коричневая супесь на глубинах -70...-80; наиболее отчетливо был прослежен западный край сооружения. Культурный слой в пределах постройки представлен коричнево-серой супесью, в которой на различных горизонтах остатки конструкции фиксировались в виде серых и коричневых пятен небольшого диаметра (0,25–0,4 м). Полom жилища мог служить коричневый суглинок, смешанный с серой супесью. Хозяйственную зону у западной, северной и восточной предполагаемых границ сооружения маркируют обширные скопления керамики.

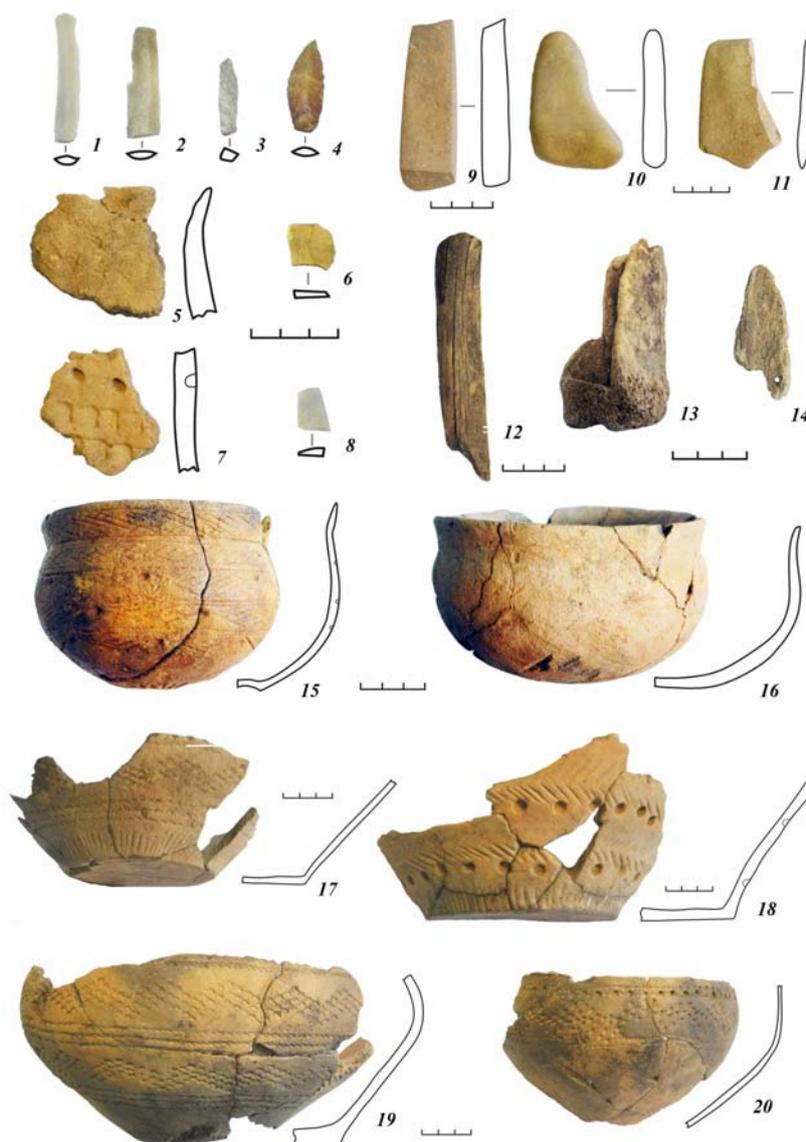

Рис. 5. Керамика и инвентарь эпохи неолита — энеолита (1–8) и красноозерской культуры (9–20) поселения Мергень 2:
1–4, 6, 8–11 — камень; 12–14 — кость; 5, 7, 15–20 — керамика.

Коллекция содержит 4097 предметов, в том числе 3702 фрагмента керамики, 44 предмета из камня, 14 обломков изделий из глины, 336 обломков костей животных, предмет из бронзы. Вероятнее всего, часть изделий из камня и несколько фрагментов керамики принадлежали более раннему хронологическому периоду.

Красноозерский инвентарь немногочислен. В жилище 2 и на прилегающем межжилищном пространстве обнаружено три фрагмента стенок сосудов со следами использования в качестве скребков. Один из них подквадратной формы, размером 3,9×3,2×0,6 см, возможно заготовка «фишки». Подобные изделия нередко встречаются в коллекциях поселений эпохи поздней бронзы Зауралья. Предметы из глины представлены в основном обломками, возможно, тигля и так называемых кирпичиков. Капля бронзы небольшого размера, 0,7×0,5 см. Среди орудий из камня присутствуют оселок из коричневого песчаника в виде прямоугольного бруска размерами 8×1,9–2,3×1,1–1,5 см, два лощила из крупных галек, остальные крупные сколы с галек не имеют следов использования. Все предметы залежали в пределах сооружения либо в непосредственной близости от него.

Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье

Костей немного (336 обломков), основная часть (191 фрагмент) получена из верхнего горизонта культурного слоя. Кости залегали преимущественно скоплениями (в 3 скоплениях обнаружено 115 обломков костей на глубинах -35 и -43). На нижних горизонтах обнаружено соответственно 34, 50 и 43 фрагмента, в ямах встречены единичные кости (9 экз.). Костей, пригодных для определения³, оказалось 260 экз.: лошадь — 2/1⁴; лось — 43/3; млекопитающие (не определимые) — 215 (кости принадлежат крупному копытному, предположительно лосю). Среди костей лося — фрагменты трубчатых костей и кости черепа, при этом самые многочисленные в скелете — позвонки, ребра, фаланги — отсутствуют.

На некоторых костях (8 экз.) имелись следы обработки⁵. На обломке рога размером 7,7×2,5×1,4 см отмечались следы резки и рубки; следы обработки имел обломок лопатки размером 11×4,7×3 см. Предположительно как шпатель использовалось расщепленное ребро размером 9,3×2,1×0,4 см, один торец которого скруглен (рис. 5, 12). В качестве рукояти, возможно, применялся обломок эпифиза крупной кости, размером 7,7×4,3×0,5 см, у которой была удалена губчатая масса, вследствие чего образовалось углубление подпрямоугольной формы (рис. 5, 13). В остальных случаях назначение не определено.

Керамический комплекс представлен 120 сосудами, шесть из которых высотой не более 10 см (рис. 5, 15, 16). Посуда сильно фрагментирована, залежала преимущественно скоплениями, целых сосудов собрать не удалось, за исключением трех небольших емкостей. В коллекции имеются придонные части 14 сосудов (рис. 5, 17–20).

Комплекс представлен преимущественно плоскодонными горшками, имеющими, как правило, отогнутые или вертикальные шейки (61 %), встречаются сосуды с дугообразно выгнутыми горловинами (38,6 %). Орнамент выполнен гладким или гребенчатым штампом — 70,2 и 14,9 % соответственно, это в основном ряды вертикальных или наклонных оттисков, горизонтальная «елочка», редко — вертикальный зигзаг и сетка. Аналогичными штампами практически на всех сосудах под срезом венчика нанесен ряд наклонных или вертикальных оттисков (табл.).

Практически на всех сосудах присутствуют ямки (91,2 %), расположенные на шейках и туловах, выступающие в качестве разделителей зон и как самостоятельный элемент композиции. Крестовым штампом выполнены одно- и многорядовые пояски, ленты, зигзаги, ромбы, треугольники (рис. 4, 1–4). Основные мотивы на шейках — сочетания ямок с рядами разнонаклонных отрезков, горизонтальной «елочкой», зигзагами, горизонтальными линиями (рис. 4). Придонные части сосудов украшены теми же элементами: ленты из оттисков креста, ряды горизонтальных или наклонных линий, «елочка» из оттисков гладкого штампа, иногда поверх орнамента нанесены ряды ямок (рис. 5, 17–20). На придонные части двух сосудов узор нанесен округлым или приостренным инструментом в отступающей манере (рис. 5, 20). Два небольших сосуда и придонная часть от еще одной емкости — без орнамента (рис. 5, 16). Два небольших сосуда украшены только рядами ямок.

На небольшом сосуде орнамент в виде сетки, горизонтального зигзага и треугольников, разделенных горизонтальными линиями, нанесен тонким гладким штампом, создающим впечатление резного узора (рис. 5, 15), напоминающего орнаментацию посуды ирменской культуры Новосибирского Приобья [Молодин, 1985; Матвеев, 1993].

Комплекс красноозерской культуры у большинства исследователей ассоциируется с памятниками инберенского этапа, локализованными преимущественно в лесостепном Прииртышье [Труфанов, 1983; Абрамова, Стефанов, 1985; Шерстобитова, 2010], где некоторые группы посуды составляют своеобразие красноозерских материалов, а именно: «сетчатая» керамика; керамика, украшенная многорядными горизонтальными линиями, выполненными гладким или гребенчатым штампом, посуда с луночной и отступающе-накольчатой техникой орнаментации, «елочная» и «псевдоструйчатая» (фигурноштампованная) группы» [Шерстобитова, 2010, с. 28]. Наибольшее сходство Мергень 2, как и приишимские керамические комплексы Ефимово 1, Боровлянка 2, Старо-Масляное, имеют с материалами жертвенного места Хутор Бор 1. Комплекс этого памятника, по мнению А.Я. Труфанова, характеризует «начальный этап в сложении красноозерской культуры» — сосуществование «на одном памятнике двух генетически разных, практически еще не слившихся керамических традиций (и их носителей)... двух различных культур — «местной» и пришлой» [Труфанов, 1983, с. 76].

³ Определения выполнены П.А. Косинцевым (ИЭРиЖ УрО РАН). Авторы выражают ему искреннюю благодарность.

⁴ В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей.

⁵ Определения выполнены С.Н. Скочиной (ИПОС СО РАН). Авторы выражают ей искреннюю благодарность.

Характеристика керамики поселения Мергель 2 (114 экз.)

№ п/п	Форма шейки	Кол.	%	№ п/п	Элементы орнамента	Кол.	%
1	Отогнутая	70	61,4	2	Зигзаг гориз. (крест./гл./греб. шт.)	27	23,7
2	Дуговидно выгнутая	44	38,6	3	Лента из оттисков креста	12	10,5
	Группы (по орнаменту)	Кол.	%	4	Треугольники из оттисков креста	1	0,9
3	С крестовым орнаментом	67	58,8	5	Ромбы из оттисков креста	21	18,4
4	Без крестового орнамента	47	41,2	6	Ряды наклон. оттисков (гл./греб. шт.)	72	63,2
№ п/п	Техника нанесения орнамента	Кол.	%	7	Ряды верт. оттисков (гл./греб.шт.)	30	26,3
1	Крестовый штамп	67	58,8	8	«Елочка» гориз. (гл./греб. шт.)	17	14,9
2	Гладкий штамп	80	70,2	9	Зигзаг верт. (гл./греб./крест. шт.)	6	5,3
3	Гребенчатый штамп	17	14,9	10	Сетка (гл./греб. шт.)	3	2,6
4	Волнистый/мелкоструйчатый штамп	2	1,8	11	Ряд ямок	100	87,7
5	Ямки	104	91,2	12	Ряд жемчужин	7	6,1
6	Жемчужины	7	6,1	13	Сдвоенные ямки	4	3,5
7	Наколы	2	1,8	14	Небольшой валик	2	1,8
8	Прочерчивание/неглубокие желобки	6/12	5,3/10,5	15	Неглубокий желобок	9	7,9
9	Отступающая палочка	3	2,6	16	Гориз. линии (гл./греб./волн. шт./прочерч.)	18	17,5
10	Фигурный штамп (скобочки)	1	0,9	17	Горизонтальные ряды наколов	4	3,5
№ п/п	Элементы орнамента	Кол.	%	18	Ряды ямок по верху и низу шейки	9	7,9
1	Ряды из оттисков креста	64	56,1	19	Защипы	1	0,9

Основными инокультурными морфологическими и орнаментальными признаками в керамических комплексах переходного времени от бронзового к раннему железному веку на территории Ишимо-Иртышья являются дуговидно выгнутые шейки сосудов и крестовый штамп, характерные для атлымской культуры позднего бронзового века Среднего и Нижнего Приобья [Васильев, 1982]. В приишимских комплексах посуда, украшенная с помощью крестового штампа, составляет от 30,3 до 60,6 % — это несколько больше, чем в комплексе Хутор Бора 1 (25,9 %). Сосудов с дуговидно выгнутыми («молчановскими») горловинами на приишимских лесостепных памятниках — 32,2–59,1 %, а в коллекции подтаежного поселения Боровлянка 1 — всего 9,8 %, однако в целом этот показатель значительно выше, чем для Хутор Бора 1, где количество подобных сосудов 1,8 % (рис. 6).

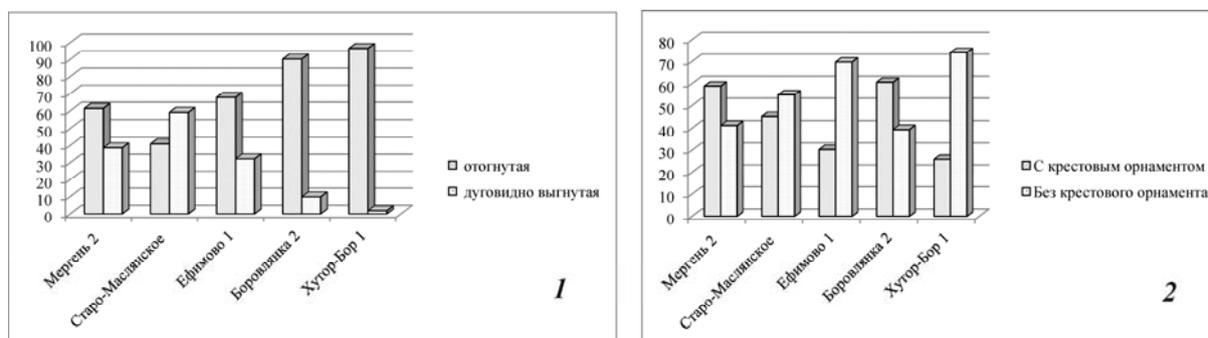

Рис. 6. Сравнение красноозерских комплексов Приишимья и жертвенного места Хутор Бор 1 в Прииртышье по форме горловин (1) и технике нанесения орнамента (2).

Из других технических приемов широко использовался гладкий штамп⁶ (от 48,5 до 80,9 %), значительно реже — гребенчатый (от 2,3 до 14,9 %). С помощью прочерчивания в 15,8–24,2 % случаев наносились горизонтальные линии на шейках сосудов, иногда их несколько и они выглядят как неглубокие желобки. Накольчатая и отступающая техники применялись редко — в 1,8–15,2 % и 2,6–4,5 % случаев. Изредка на сосудах встречается фигурный штамп в виде скобочки — 0,9–3 % (рис. 7).

⁶ В ряде случаев исследователи используют термин «резная» орнаментация.

Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье

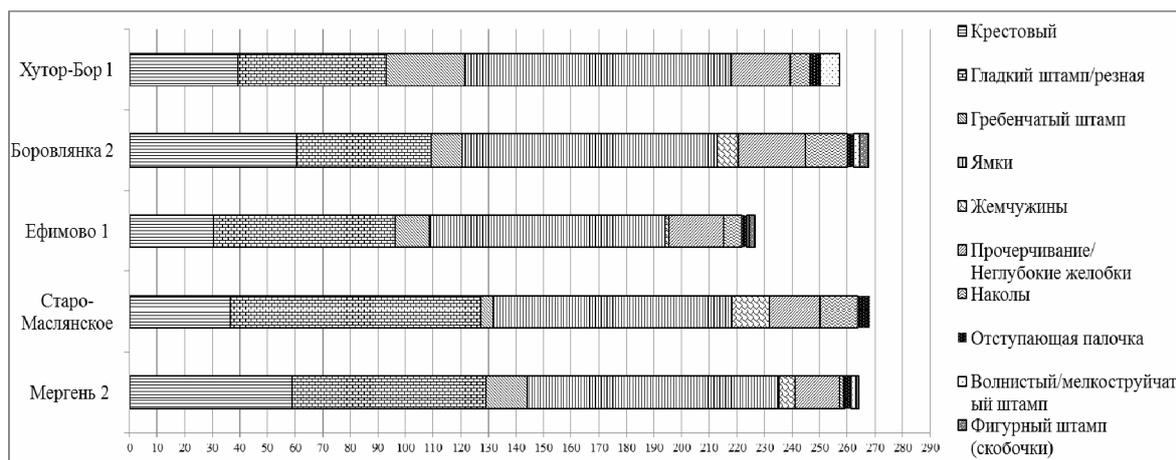

Рис. 7. Сравнение красноозерских комплексов Приишимья и жертвенного места Хутор Бор 1 в Прииртышье по технике орнамента.

При сравнении по элементам орнамента также выявлены близкие процентные показатели использования в декоре одних и тех же элементов. Обязательный компонент — ямки (от 85,5 до 97,6 %), присутствуют на шейках сосудов, а также в зоне тулова и придонной части, иногда сгруппированы попарно (3,5–11,4 %). Жемчужины — довольно редкий элемент на посуде ишимских поселений (1,3–13,6 %). На многих сосудах нанесены ряды наклонных (63,2–69,7 %) или вертикальных (23,7–50 %) оттисков гладкого или гребенчатого штампа, во многих случаях этот элемент присутствует под срезом венчика. В 13,6–27,3 % случаев на сосудах встречается горизонтальная «елочка». Горизонтальные зигзаги (одно- и многорядовые) отмечены в 9,8–23,7 % случаев, чаще в технике крестового штампа. Кроме того, оттисками креста выполнены следующие элементы: один или несколько рядов (32,2–62,9 %); ромбы (13,6–9,7 %) ленты (7,2–10,5 %). Такие элементы, как треугольники из оттисков креста, сетка, нанесенная гладким или гребенчатым штампом, вертикальный зигзаг, горизонтальные ряды или ромбы, выполненные наколами, заштрихованные ленты, меандровые фигуры в технике крестового штампа, ряд скобочек или защипов, — единичны и составляют от 0,7 до 5,3 % (рис. 8).

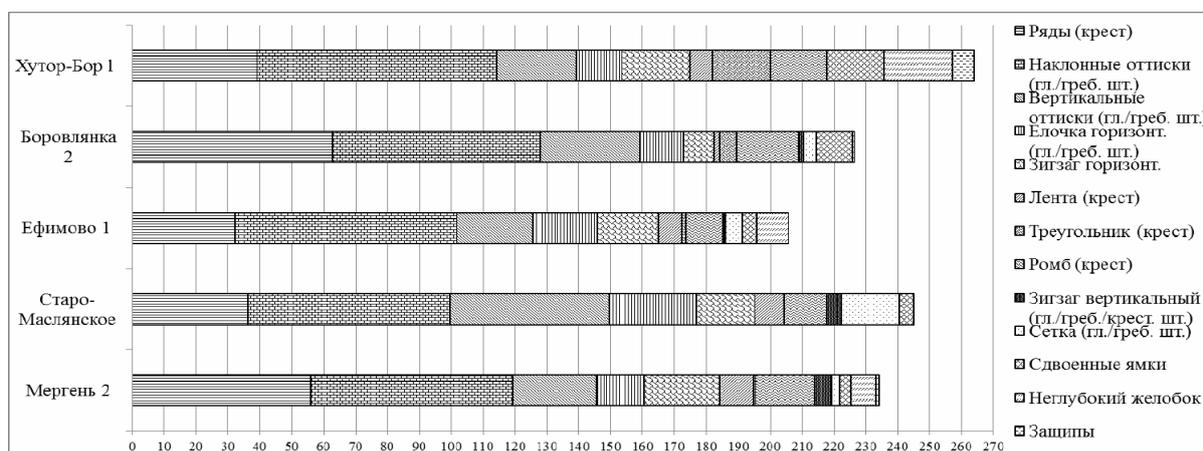

Рис. 8. Сравнение красноозерских комплексов Приишимья и жертвенного места Хутор Бор 1 в Прииртышье по элементам орнамента.

Элементы и технические способы их нанесения на сосуды приишимских комплексов близки орнаментации посуды жертвенного места Хутор Бор 1; правда, в последнем меньший процент сосудов украшены гладким штампом, но при этом выше процент использования «гребенки».

Для большинства ишимских памятников абсолютные даты отсутствуют, за исключением полученной по керамике с поселения Мергень 2 — 2570±100 (К1-17084) с калиброванными значениями 1σ 830–520 BC; 2σ 900–400 BC. Инберенские комплексы красноозерской культуры лежат в пределах IX–VII вв. до н.э. Материалы Хутор Бора 1, по мнению исследователей, «по времени несколько раньше...» [Труфанов, 1983, с. 74; Абрамова, Стефанов, 1985, с. 123]. Исходя из этого материалы поселения Мергень 2 и других приишимских поселенческих комплексов пока могут быть отнесены к IX–VIII вв. до н.э. В лесостепных приишимских поселениях количество сосудов с дуговидной шейкой уже значительно больше — до 32,2–38,6 %⁷ (Ефимово 1 и Мергень 2 соответственно). Постепенное увеличение количества «молчановских» форм является хронологическим показателем⁸ [Труфанов, 1983, с. 74]. Однако тот факт, что сосуды с дуговидной шейкой имеют преимущественно узоры, выполненные крестовым штампом, подтверждает достаточно ранние хронологические позиции приишимских комплексов, так как в целом в красноозерской культуре по мере ее развития наблюдается тенденция к постепенному увеличению на сосудах с «молчановской» профилировкой «местной» позднебронзовой орнаментации [Труфанов, 1983, с. 75]. В то же время по мере развития культуры на материалах Прииртышья исследователи отмечали уменьшение количества сосудов с дуговидно выгнутыми шейками [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 122].

Рассмотренные материалы поселения Мергень 2 и приишимских комплексов этого периода имеют достаточно большое сходство как между собой, так и с материалами раннего этапа красноозерской культуры, локализованного исследователями в лесной зоне Прииртышья [Шерстобитова, 2010, с. 29, рис. 1]. При этом в них отражено развитие красноозерской культуры, в частности постепенное увеличение влияния пришлого населения и его интеграция в местную среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.
- Атлас Тюменской области / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.; Тюмень: ГУКГ, 1971. Вып. 1. 28 с.
- Бакулин В.В., Козин В.В. География Тюменской области: Учеб. пособие. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. С. 103.
- Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: (Хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 3–14.
- Генина В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Масляное поселение // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 57–64.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зимина О.Ю., Скочина С.Н. Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 187–189.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 76–114.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1991. С. 51–54.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С. Городище Алексеевка XIX и некоторые проблемы территориально-хронологического соотношения красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья //

⁷ В комплексе Старо-Маслянского поселения количество сосудов с дуговидной шейкой составляет 59,1 %, однако небольшая выборка (22 экз.) не позволяет опираться на эти цифры.

⁸ По материалам красноозерских поселений Прииртышья исследователи установили, что сначала отмечается постепенное увеличение количества сосудов с «молчановской» профилировкой, а к финалу развития культуры их количество вновь снижается [Труфанов, 1983, с. 74; Абрамова, Стефанов, 1985, с. 122].

Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мерген 2 в Приишимье

Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 78–91.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор 1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 63–76.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 15 с.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Междунар. конф. молодых ученых. Москва, 19–21 марта 2013 г. М., 2013. С. 70–72.

Шерстобитова О.С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: Динамика развития // РА. 2010. № 4. С. 28–35.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
o_winter@mail.ru

The article considers new materials on a transition period from Bronze to early Iron Age from the settlement of Mergen 2 in the Low Ishim basin. The investigations showed that the materials of this and other such settlements investigated in the Ishim valley, being noted for distinctions of the early stage of the Krasnoozersky culture from the Ishim and Irtysh interfluvium.

Low Ishim basin, Mergen' lake, settlement of Mergen 2, Krasnoozersky culture, pottery, inventory.

О ПЕРСПЕКТИВАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕСТ ЗИМОВОК ДРУЖИНЫ ЕРМАКА¹

Н.П. Матвеева*, О.М. Аношко**

Рассмотрены основные аспекты изучения сибирского похода Ермака. На основе анализа сибирских летописей отмечены противоречивые моменты этого события (хронология, маршрут движения, локализация мест сражений и стоянок). Показаны перспективы археологического исследования зимовок дружины Ермака на примере легендарного Карачина горodka.

Начальный этап российской колонизации Сибири, хронология похода Ермака, места сражений и зимовок казаков.

Несмотря на огромное историческое и патриотическое значение процесса российской колонизации Сибири многие стороны «Сибирского взятия» остаются неизвестными. Этому важнейшему периоду отечественной истории посвящены сотни научных трудов, изданных как в прошлом столетии, так и совсем недавно, но дискуссии среди ученых по многим ключевым вопросам, особенно связанным с походом Ермака, до сих пор не прекращаются. Причина заключается в характере используемых источников. На протяжении длительного времени исследования, ориентированные на реконструкцию процесса присоединения Сибири к России, предпринимались в рамках одного подхода: детального изучения и интерпретации письменных источников, круг которых весьма ограничен, а содержащиеся в них сведения зачастую отрывочны и противоречивы. Информационный потенциал исторического подхода уже исчерпан, необходим поиск альтернативных способов решения проблемы.

Сибирские летописи создавались спустя 40–60 лет и позднее после завершения похода казаков под руководством Ермака и являются скорее историческими повестями, нежели погодным описанием событий. Они несомненно тенденциозны, что уже давно установлено многочисленными исследовательскими работами [Дергачева-Скоп, 1965; Ромодановская, 1981; Сибирские летописи, 1987]. Известны десятки редакций и списков, дающих множество вариантов описания этого события. Часть из них восходит к не сохранившейся Тобольской летописи, созданной по заданию Тобольского архиепископа Киприана на основе казачьего «Написания» [Бахрушин, 1955, с. 30–31]. Несмотря на то, что огромная источниковедческая и текстологическая работа с рукописями и их публикациями уже проведена [Ромодановская, 2002], установить подлинность или ошибочность тех или иных фактов при расхождении сведений во многих случаях не удалось. Непротиворечивая на первый взгляд концепция похода Ермака, основанная на архивных документах, представлена в трудах Р.С. Скрынникова [1986, 2008], но и в ней имеются слабо аргументированные позиции.

Данные письменных источников XVII в. о походе дружины Ермака не отличаются ни точностью, ни согласованностью. Есиповская, Ремезовская, Строгановская и другие летописи очень скупо, противоречиво и запутанно освещают историю похода. Расхождения во взглядах историков на эти события объясняются лишь различной интерпретацией имеющихся летописных сведений. К настоящему времени так и не сложилось общего представления о длительности «сибирского взятия», численности дружины, хронологии отдельных этапов и даже о маршруте казачьего отряда Ермака, хотя были попытки приурочить его к ландшафтным особенностям местности.

Не ставя перед собой задачи рассмотреть все дискуссионные стороны похода Ермака, локализацию всех сражений и географических пунктов, маркирующих передвижение по Сибири, что является важнейшими задачами будущих исследований, остановимся на самом его главном отрезке — от перевала через Урал до взятия Кашлыка.

Длительность сибирского похода в научной литературе определяется как двух- либо трех-, четырех- и даже шестилетняя, в рамках 1580–1585 гг. Стронником «прямого маршрута»

¹ Работа выполнена при поддержке целевого спонсорского договора № 8-18-14 «Об организации археологической экспедиции по местам сражений дружины Ермака» с Антипинским нефтеперерабатывающим заводом. Авторы благодарят за поддержку С.И. Сметанюка и Г.Н. Чеботарева.

О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака

и относительно «короткой» хронологии в интервале 1582–1585 гг. является Р.Г. Скрынников, по мнению которого бои по Туре и Тоболу, взятие Карачина городка, сражение у Чувашского мыса, бегство Кучума из Искера имели место всего через два месяца после начала похода [2008, с. 104–105]. Считаем, что существенным аргументом в пользу этой точки зрения, помимо приведенных исследователем документов, служит информация о сроках преодоления Урала русским посольством в Китай в 1692 г., двигавшимся из Нижнего Чусовского городка. На небольших лодках, управляемых пятью гребцами, они прошли по Чусовой до устья Серебрянки за восемь дней [Идес, Брандт, 1967, с. 75–77]. «Длинную» хронологию экспедиции Ермака дает Румянцевский летописец, в котором приход за Урал и взятие города Сибири, Абалакское побоище датируются 7089 г. (1580 г.), а зимовка с прибытием воевод — 7091 г. (1583 г.), доставка в Москву пленного кучумовского полководца Маметкула — 7092 г. (осенью 1583 г.), осада Сибири Карачей — 1584 г., гибель Ермака — 5 августа 1584 г., уход оставшихся в живых казаков — 1585 г. [Сибирские летописи..., 2008, с. 33–34].

По вопросу о *начале* похода Ермака дискутируются в основном две даты: 7089, т.е. 1581 г., и 7090, т.е. 1582 г. Первая из них обоснована сообщениями о приходе казаков на Каму 28 июня 1579 г. и их службой в течение двух лет и двух месяцев в строгановских вотчинах [Сибирские летописи, 1987, с. 9, 57]. Вторая — 1 сентября 1582 г. — опирается на документ чердынского воеводы В. Перепелицына, являвшегося свидетелем и противником похода, о чем он и донес царю Ивану Грозному. Эту дату поддерживает и Р.Г. Скрынников, так как им найдены документы, свидетельствующие, что в июле 1581 г. атаман Ермак еще участвовал в Ливонской войне и находился под Могилевом [2008, с. 45]. По Кунгурской летописи известна дата 12 июня 1579 г., когда казаки вернулись к Максиму Строганову за припасами после незапланированной зимовки на Сылве, и, стало быть, они вышли в поход в начале 1580 г. [Сибирские летописи, 1987, с. 405]. В Строгановской летописи по Толстовскому списку есть сведения о получении Строгановыми опальной грамоты от дьяка Щелкалова с указанием даты похода 1 сентября 7091 г., т.е. 1583 г. [Сибирские летописи, 1987, с. 62]. Как видим, разброс дат велик, и, учитывая, что календарный год в XVI в. начинался с 1 сентября по 31 августа, речь идет об интервале 1580–1583 гг. В качестве гипотезы, опирающейся на предшествующие данные о многократных набегах на Пермский край вогулов, татар и экспедициях против них, а также отчасти примиряющей противоречивые сведения летописей, выскажем соображение, что летописные описания похода Ермака — это соединение в народной памяти нескольких военных мероприятий по защите русских владений на Урале от посягательств зауральских князьков и Сибирского ханства. Вполне возможно, что все даты летописей являются подлинными, но относящимися к разным событиям.

Окончание похода исследователи, как правило, связывают с возвращением казаков на Русь после гибели их атамана (1583–1584 гг.) и приурочивают к году, следующему за этой датой.

Маршрут движения дружины Ермака до взятия столицы Сибирского ханства излагается в письменных источниках также с вариациями (рис. 1). Начальной точкой во всех повествованиях являются Чусовские городки, откуда казаки пошли на юго-восток, вверх по Чусовой. Следующим пунктом в летописях упоминается р. Серебрянка; лишь в Кунгурской описывается, что дружина прошла по Сылве вверх ошибочно и зимовала там до 9 мая 1579 г. [Сибирские летописи, 1987, с. 404], на следующий год казаки двинулись на северо-восток, в Серебрянку и Тагил, а зимовали после Тагильского волока на городище Буй [Там же, с. 405]. Третьим пунктом, по Погодинскому списку, называется волок на восток по речке Жеровля либо волок по речке Баранча [Там же, с. 276]. На местности они находятся рядом, один за другим, и представляли этапы одного пути. Четвертый пункт в источниках изложен противоречиво. По Ремезовской летописи, дружина пошла на восток, в Тагил (поскольку Баранча впадает в Тагил) и сделала стоянку в урочище Абугай, затем казаки воевали в Пельимских землях до весны² [Ремезовская летопись..., 2006, с. 121]. Некую вариацию дает Строгановская летопись: из Туры соратники Ермака вышли в Тавду [Сибирские летописи, 1987, с. 16, 64]. Р.Г. Скрынников считает это сообщение правдоподобным из соображений упреждения казаками возможного удара в свой тыл [2008, с. 133]. Как нам кажется, данное сведение либо ошибочно в своей хронологии, либо предполагает разделение дружины возле Епанчинских юрт и переход части контингента на север³ в до-

² Из Тагила можно было, далеко отклонившись на север, по Вые, Салде попасть на Лялю и Лозьву, Тавду и Пельым. Либо в летописи имеются в виду верховья Туры как часть территории Пельимского княжества.

³ Переход реально возможен по нескольким речкам и через 3–4 км по верховому болоту, но поздней осенью или зимой.

лину Тавды. Есиповская летопись этого отступления казаков не упоминает, а свидетельствует, что потом они пошли в Туру через Епанчин городок (пятый пункт) и Тюмень (шестой пункт) [Сибирские летописи, 1987, с. 194]. Седьмой участок маршрута связан с выходом в Тобол 8 июня 1581 г., доплытием до мурзы (или урочища) Бабасана. Восьмой пункт: казаки стояли на Березовом Яру после сражения, поплыли вниз 29 июня 1581 г. [Ремезовская летопись..., 2006, с. 147, 150]. Девятый отрезок пути характеризует переход дружины через Карачин городок к устью Тобола 8 сентября 1582 г. После взятия Карачина городка 1 августа 1581 г. казаки по Иртышу двинулись в Заостровные юрты (десятый пункт), 26 октября 1582 г. — в Искер (Кашлык, Старая Сибирь — 11-й пункт). Из столицы Сибирского ханства разными отрядами выходили на запад, север и восток для сбора ясака. Румянцевский летописец также говорит о походе по Нижнему Иртышу и Оби, включая взятие Назымского городка [Сибирские летописи, 1987, с. 34].

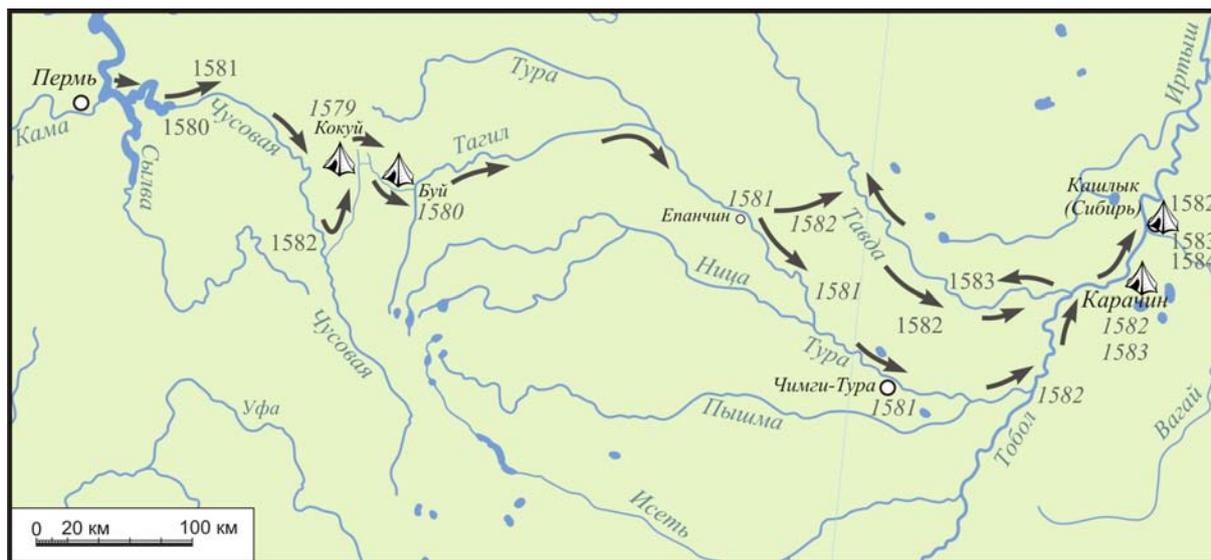

Рис. 1. Схема движения и предположительных зимовок дружины Ермака по данным сибирских летописей.

На наш взгляд, экспедиции 1580 и 1581 гг. могли быть проведены без атамана Ермака и являться ответом на нападение мурзы Бегбелия Агтакова и других, что объясняет и зимовку отряда на Кокуй-городище, получившем позднее легендарное имя Ермакова городища, и возвращение за припасами к Строгановым. Следовательно, поход в Пелымские земли, предшествующий взятию Сибири, предстает как совершенно отдельная кампания.

В определении локализации мест сражений и зимовок дружины Ермака большей точности следует ожидать не от текстовых, а от картографических источников XVII — начала XVIII в. Наиболее важными из них являются атласы С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга Сибири..., 2011а, б; Чертежная книга Сибири..., 2003а, б; Служебная чертежная книга, 2006а, б], а также атлас Тобольской губернии, составленный в 1806 г. губернским землемером Филимоновым и хранящийся в рукописном отделе библиотеки Российской академии наук. Однако, к сожалению, карты позднесредневекового периода и нового времени не лишены условности и схематизма рисунков, планов, описаний, что сильно затрудняет поиск объектов, связанных с событиями казачьего похода. Усугубляет ситуацию и то обстоятельство, что за последние столетия геоморфологические и ландшафтные характеристики местности, где проходил Ермак с дружиной, могли измениться. В этом случае необходим сравнительный анализ чертежей XVII–XIX в., разномасштабных современных картографических материалов и космических снимков при выявлении опорных участков, что позволит ответить на вопрос — насколько общие очертания современных русел уральских и западно-сибирских рек, на берегах которых, по данным летописей, располагались стоянки дружины Ермака, близки тем, что нанесены на самые древние из дошедших до наших дней географических карт.

О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака

Впрочем, наибольшими возможностями в установлении действительного местонахождения памятников первых русских землепроходцев обладают археологические изыскания, включающие разведочные, а затем и раскопочные работы. Археологический материал, полученный при исследовании мест сражений и зимовок отряда Ермака, позволяет по-новому взглянуть на те стороны сибирского похода казаков, которые были скупо отражены в письменных источниках, а также апробировать многие исторические реконструкции начального этапа освоения русскими Сибири.

Первые шаги в изучении следов российской колонизации Зауралья по данным археологии были сделаны еще в середине и второй половине прошлого столетия О.Н. Бадером [1953, с. 31–318], В.П. Денисовым, В.А. Обориным [Денисов, Оборин, 1968, с. 106; Оборин, 1990], М.Ф. Косаревым, С.Г. Пархимовичем [1986, с. 142] и др., установившими на местности и проведшими небольшие раскопки ряда памятников, упоминаемых в письменных источниках как места зимовок или опорно-перевалочные пункты казаков. Их перечень в летописях, скорее всего, свидетельствует в пользу «длинной» хронологии сибирского похода, что, однако, следует проверить другими источниками, в том числе археологическими. Для характеристики важных моментов продвижения дружины Ермака с запада на восток необходимо обратить внимание на следующие летописные объекты.

Кокуй городок (Ермаково городище), находившийся за «25 поприщ за волок реки Жеравли» [Сибирские летописи..., 2008: Строгоновская по Спасскому списку..., с. 12; Тостовскому списку..., с. 59] и функционировавший с 26 сентября 1578 г. по 9 мая 1579 г. Исходя из вышеизложенного связь этого форпоста именно с сибирским походом ермаковских казаков считаем сомнительной. По сообщению же Г.Ф. Миллера, он являлся временным укрепленным лагерем отряда Ермака, остановившегося здесь для постройки стругов [1998, с. 86–87]. В 1946–1948 гг. О.Н. Бадер и Н.П. Кипарисова провели археологические раскопки на данном городище и пришли к выводу, что оно существовало в конце XVI — XVII в. как опорный пункт на пути в Сибирь [Бадер, 1953, с. 315–318; Кипарисова, 1956, с. 113–116].

Буй городище [Сибирские летописи..., 2008: Кунгурская..., с. 407] и (или) *Абугай* на Тагиле (1580 г.?) — до 1 мая предположительно 1581 г. Уже судя по дате, следует относить эту стоянку русских ратников к одной из предшествующих экспедиций для отражения набегов вогульских отрядов.

Чимги-Тура (Тюмень) — цитадель Сибирского ханства, которая якобы была взята казаками 1 августа 1580 г. По Кунгурской летописи, войско, уменьшавшееся «от цинги и болезней чрева», зимовало здесь либо до 9 мая 1581 г., так как санным путем отправили пленного Кутугая, или до 9 мая 1582 г. [Сибирские летописи..., 2008: Кунгурская..., с. 413]. Данные не совпадают ни по хронологии, ни по логике военных действий с данными других письменных источников. Никакой необходимости останавливаться на длительный период именно здесь и готовиться к зимовке с августа не было.

В настоящее время мы располагаем данными небольших раскопок на площади Тюменского острога и стационарных многолетних работ на территории цитадели Чимги-Туры. На Тюменском остроге археологические исследования проводились в прибрежной зоне р. Туры, в его в периферийной части, где были вскрыты мощные слои первого православного кладбища и небольшие участки жилой застройки. Единичные материалы XVI в. выявлены лишь в самых ранних погребениях [Матвеев и др., 2005, 2006; Семенова, 1989]. Кроме того, Н.А. Ткачевой в ходе археологического надзора за строительством раскопана траншея вдоль Вишневого лога с южной стороны Тюменского острога, среди вещей XVII–XVIII вв. найдено пищальное ядро [Ткачева, 2007, л. 67]. На цитадели Чимги-Туры обнаружены напластования аборигенного поселения (бакальской культуры) со следами многочисленных пожаров, датировки образцов угля из этих слоев варьируются от IX вплоть до XVI в. [Рафикова, 2011, с. 14]. Наиболее ранние материалы русского периода обитания относятся к XVII в. и являются крайне малочисленными [Матвеева, 2012]. Таким образом, обнаружение следов пожара, связанного со взятием Чимги-Туры Ермаком, в будущем возможно, хотя часть культурного слоя уничтожена из-за многочисленных перестроек территории в ходе развития русского города. Тем не менее поселенческие археологические материалы конца XVI в. нигде пока не были зафиксированы, поэтому зимовка дружины Ермака представляется нам легендарным событием.

Карачин остров, или *Карачин городок*, о котором в источниках говорится как о резиденции одного из ближайших кучумовских вассалов. По данным Ремезовской летописи, городок был

взят Ермаком 1 августа 1581 г. В Кунгурской летописи указано, что «...шайтанщик Ермаку сказал, что возвратится на Карачино озеро зимовать». Предсказание якобы было получено в Чандырском городке во время похода по Тавде, куда казаки пошли, «обираяще хлеб и ясак», после взятия Карачина. Казаки вернулись на остров 8 ноября и «...пребывали там 40 дней» [Сибирские летописи..., 2008: Кунгурская..., с. 417, 420]. Сам факт зимовки не описан, но если доверять ноябрьской дате, пытаясь ее согласовать с последующим известием, что «Ермаковы вои осташася от боев 45 человек», то следует предположить разделение дружины и зимовку основной ее части на Карачино и выход передового отряда в вышеуказанном количестве на разведку по Иртышу. С.Г. Пархимович предполагал двухкратную зимовку в этом месте — дружины Ермака в начале похода и отряда Семена Болховского в конце [1984, с. 169].

Карачин остров изучался рекогносцировочно в 1982–1983 гг. С.Г. Пархимовичем, которому местные жители рассказали о распаханных землянках Ермака внутри дуги озера. Он заложил три небольших раскопа на восточной оконечности острова и установил площадь русского поселения в 1–1,5 га, датировав его концом XVI — началом XVII в. (рис. 2). В 1982 г. им было изучено наземное срубное жилище, в котором найдены древесина, остатки печи, фрагменты слюдяных окон, оружие, бытовые вещи, обугленные зерна, медная монета, стеклянная бусина; лепная посуда местного производства, русская гончарная керамика, сходная с найденной в Лозьвинском городке, функционировавшем всего девять лет в конце XVI в. [Пархимович, 1984, с. 169]. Жилище просуществовало недолго и было сожжено. В 1983 г. С.Г. Пархимовичем обнаружена рекогносцировкой глубокая землянка с удовлетворительной сохранностью нижних венцов бревен от стен, с печью, обмазанной глиной. В заполнении найдены обломки русской мореной керамики, кости животных [Пархимович, 1985, с. 236]. Однако получить основания для более точного датирования не удалось [Пархимович, 1986, с. 142], поэтому вопрос о связи обнаруженного на Карачинском острове поселения, названного исследователем «Карачин городок», поскольку он отождествил его также с городком Карачи, с летописными событиями остается открытым.

Рис. 2. Вид на раскоп С.Г. Пархимовича 1982 г., заложенный на восточной оконечности Карачинского острова. Фото Н.П. Матвеевой.

В 2011 г. в ходе инвентаризации объектов археологического наследия Тобольского района Ю.В. Костомаровой была проведена инструментальная съемка поверхности данного памятника, собран подъемный материал и осуществлена зачистка обнажений культурного слоя в силосных ямах [Костомарова, 2011, л. 42]. В целом ею были подтверждены первоначальные характеристики и датировки С.Г. Пархимовича.

О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака

Приведенные соображения и факты не исчерпывают проблему локализации как зимовки дружины Ермака на Карачинском острове, так татарского городка.

Сибирь, Кашлык, городище Искер — столица Сибирского ханства. По данным летописей, казаки здесь перезимовали после ее взятия в 1582 г. Не ясно, где состоялась зимовка в 1583 г. после сбора ясака по Тавде, видимо, также в Кашлыке. Судя по летописным описаниям, и расположение лагеря Ивана Глухова перед возвращением на Русь было в Сибири [Сибирские летописи..., 2008: Погодинский список..., с. 285].

В результате археологических исследований точно установлено место локализации столицы ханства — это городище Искер. Хотя в последнее время в научной печати появилась версия П.А. Пантелеева, что Искер не являлся кучумовской столицей, а город Кашлык располагался в подгорной части Тобольска, где находилась Татарская слобода, на территории которой жили татары до прихода Ермака [2009, с. 206–208]. Данная точка зрения весьма слабо аргументирована и легко опровергается как данными археологии, так и письменными и картографическими источниками. Так, например, первое упоминание в документах о Татаро-Бухарской слободе отмечено только с 1630-х гг.

Искер как памятник археологии постигла печальная судьба, поскольку он частью обвалился, частью разграблен, так как был хорошо известен. Многократно на нем проводились самостоятельные раскопки, но профессиональные работы начались только с 1968 г. Причем они осуществлялись разными людьми, преимущественно мало заинтересованными в публикации материалов и реконструкции городка. Единственное сводное исследование, чрезвычайно важное для нашей темы, выполнено А.П. Зыковым, который установил наличие на городище шести строительных горизонтов, связанных с военными действиями периода 1495–1585 гг. В частности, ему удалось выявить строительный горизонт с остатками полуземлянок с чувалами и двух линий срубных оборонительных стен с фланкирующими башнями. Он считает его погибшим предположительно в результате пожара 1585 г., при схватке за престол Сейдяка с Алеем. Этот хронологический отрезок в застройке А.П. Зыков датирует на основании данных летописей интервалом 1563–1585 гг., когда городок последовательно занимали Кучум, Ермак, С. Болховской, царевич Алей, не сжигая его, так как рассчитывали в нем укрепиться [Зыков, 1998, с. 23–24]. А.П. Зыков также считает, что в данном случае есть основания опереться на летописные сведения, по которым казаки вошли в пустой город и жили в нем, не перестраивая его. В 1998, 2006–2008 гг. рекогносцировочные работы на памятнике провели сотрудники ТГИИМЗ под руководством А.А. Адамова, установившие размеры сохранившейся площади и высокую насыщенность культурного слоя материалами XV–XVI вв. Большое количество предметов, фрагментов кольчуг, свинцовых пуль, серебряных монет Ивана Грозного и др. [Отчет..., 2008, л. 21, 28] подкрепляют сведения летописей о защите Сибири от нападений татар казаками Ермака.

К сожалению, из-за малой площади раскопов и отсутствия публикации собственно археологических материалов судить о занятиях, месте пребывания казаков и численности обитателей городка в целом пока не представляется возможным. Однако мы считаем исключительно важным продолжение археологических исследований на этом памятнике и особенно в его окрестностях, поскольку здесь должны быть захоронены героические первопроходцы — участники сражений и погибшие от голода члены отряда Семена Болховского, тем более что В.Н. Пигнати в 1915 г. там обнаружил кладбище, а А.А. Адамов эту информацию подтвердил [Отчет..., 2008, л. 17, 24].

Таким образом, до сих пор существует острая необходимость в археологической верификации исторических сведений сибирского похода казаков, в поиске, натурном обследовании и изучении культурного слоя объектов, связанных с пребыванием отряда Ермака в Западной Сибири. Полагаем, что должна быть проведена профильная археологическая разведка по Туре, Тоболу и Иртышу с целью локализации на местности городков, упоминаемых в источниках, и вероятных мест сражений, маркируемых спецификой ландшафтной ситуации. Для того чтобы скорректировать противоречивые сведения письменных и картографических источников о составе и оснащении русской дружины, так как одни из них свидетельствуют о многочисленности казаков и кровопролитности боев, а другие — о малочисленности и невредимости героев, следует, как нам кажется, сопоставить характер столкновений с сибирским автохтонным населением, определить по реальным историческим документам XVII в. людские потери в них, а также детально исследовать одно из зимовий. Исходя из количества и площади домов, изученных на

территории данного памятника, можно будет установить примерную численность дружины на одном из этапов ее продвижения и срок использования стоянки.

Одним из ключевых пунктов для изучения «сибирского взятия», на наш взгляд, является Карачин городок⁴. Он упоминается и как место базирования татарского войска, и как место битвы, и как место зимовки казаков. Что же сообщают об этом городке летописи? Согласно сведениям Ремезовской летописи, городок мурзы Карачи был захвачен казаками Ермака за два месяца до штурма засеки на Чувашском мысу. Казаки якобы выдержали здесь 40-дневный пост перед взятием Искера. По отвергнутой версии В.И. Сергеева [1959], Ермак провел в городке Карачи почти год. Существует точка зрения, что из-за малой площади крепости в Искере казаки провели здесь все три зимовки сибирского похода. Четвертая версия — «молниеносное взятие» всех городков и только одна зимовка на Карачинском городке после Пелымского похода в 1583 г. — принадлежит Р.Г. Скрынникову [1986, с. 215, 241–246]. В данном случае исследователь опирается на сообщение Кунгурской летописи: «... возвратишася по Тавде октября в 4 день... проводиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными...».

Во всех летописях утверждается, что Карача был думным у Кучума, только в Погодинском летописце указано помимо того, что он «...делал царю панцири и кольчуги и всякую ратную сбрую» [Сибирские летописи, 1987, с. 277]. В научной литературе можно встретить спорную гипотезу, что он был захвачен в плен в 1587 г. воеводой Данилой Чулковым, поселен в Касимове и написал исторический труд на тюркском под именем Кадыргали Косун-бек Жалаири, переведенный только во фрагментах [Валиханов, 1961, с. 142–168]⁵.

О бое под Карачиным городком мы знаем из нескольких летописей, которые описывают его примерно одинаково. Все источники указывают на захват, помимо других трофеев, царского меду, что представляется недоразумением. Исключением является Есиповская летопись, которая, перечисляя результаты победы, вслед за «богатством» называет «Кучума царя сына Меду», причем с заглавной буквы [Сибирские летописи, 1987, с. 197]. Мы полагаем, что речь изначально шла о пленении царевича, имя которого оказалось усеченным при переписывании, — Ахмеда, Мамеда и т.п.

Однако сведения сибирских летописей о зимовке более туманны. Здесь следует разделить данные о ставке Карачи и Карачином улусе и его городке. Как мы понимаем, летняя ставка находилась на острове в окружении главного богатства кочевников — скота, наиболее защищенного в этом месте, а зимняя — значительно южнее, в районе Оми, куда и откочевал мурза Карача после поражения. Карачин улус, видимо, не только административный пункт, но и земли, и население, как было принято в государствах — наследниках традиций Золотой Орды [Трепавлов, 2010, с. 22]. Городок не должен был находиться на острове из-за трудностей коммуникации и снабжения, а скорее располагался на коренном берегу Тобола, одновременно являвшемся высоким берегом Карачина озера.

Подтверждение нашим предположениям находим в двух рисунках Ремезовской летописи к статьям 48 и 53 — круглой старицы, на севере соприкасающейся с Тоболом, со стоящими на ней судами-стругами (рис. 3, 4). Три сцены боя, видимо, отражают его развертывание: сначала от стругов к острову, затем на острове — изображены шатры и две сражающиеся стороны, из которых татарская группа отступает вглубь, и наконец — схватка на высоком берегу за старицей между ручьями (рис. 3). Причем в разрезе берега показано земляное укрепление [Ремезовская летопись..., 2006, с. 157].

В путевом описании Г.Ф. Миллера находим: «Карачинское озеро — изогнутое овалом озеро на восточной стороне Тобола... В этой местности на одной возвышенности еще сейчас видны следы бывшего татарского укрепления, где во времена сибирского хана Кучума жил знатный мурза Карача, которого победил казачий голова Ермак Тимофеев» (цит. по: [Ремезовская летопись..., 2006, с. 21]). На другом рисунке условно показано деревоземляное укрепление с угловыми дозорными башнями, вал которого насыпан между естественными преградами с напольной стороны — ручьями, а струги казаков стоят между их устьями на виду у расположившихся за стенами дружинников.

⁴ Идея сделать раскопки на Карачинском городке основным пунктом изучения сибирского похода принадлежит А.В. Матвееву, совместно с которым авторы осматривали памятник и планировали выполнять соответствующую программу.

⁵ «Карачи» означает «визирь». отождествление этих лиц спорное, поскольку в этой рукописи описываются события в казахских степях и Семиречье, а дела Сибирского юрта не отражены.

Рис. 3. Рисунок боя при Карачинном городке из Ремезовской летописи.

Анализ современного картографического материала, в том числе дешифровка космоснимков, подтверждает местонахождение Карачинского острова в пойме Тобола, окруженного старичным одноименным озером, являющимся отрезком древнего меандра реки. В административном отношении он находится в Тобольском районе, близ с. Карачино, расположенного в 35 км к юго-западу от Тобольска. Идентификация этого географического объекта с местом сражения и зимовки дружины Ермака ставит перед нами чрезвычайно сложную задачу поиска археологических свидетельств этих событий. В качестве таких свидетельств логично было рассматривать остатки казачьей стоянки, находившейся где-то на острове, а также следы боя, состоявшегося фактически на том же месте. Несмотря на большие трудности, связанные с существенной динамикой расположения водных артерий за прошедшие более чем 400 лет, такая работа может оказаться весьма результативной, как, например, показал поиск места гибели Ермака по рекам Иртышу и Вагаю [Матвеев, 2012, с. 526–545; Матвеев, Аношко, 2012, с. 275–282]. Археологические исследования осложняет то обстоятельство, что из-за отсутствия достоверных сведений о местоположении казачьего лагеря изыскания предстоит провести на всей площади острова, подвергавшегося в последние десятилетия интенсивной распашке, сnivelировавшей археологические объекты. Кроме того, неясно, на какой глубине и в каких слоях следует искать артефакты, связанные с походом Ермака, поскольку исследования будут локализованы в пойме Тобола, поверхность которой неоднократно затапливалась и перекрывалась речными отложениями.

Рис. 4. Рисунок стоянки в Карачинском городке после его взятия из Ремезовской летописи.

Однако обнаружение на Карачинском острове культурного слоя, относящегося непосредственно к событиям тех лет, позволило бы датировать сражение казаков с татарами, оценить его масштабность, обстоятельства военных действий и место боя, а также определить сам факт строительства зимних жилищ воинами, однократность или многократность их зимовки, бытовые условия жизни казаков, особенности материальной культуры, характер взаимодействия с местным населением после сражения, что способствует созданию общей модели похода Ермака на Сибирское ханство.

Перспектива установления детальной хронологии сибирского похода казаков по археологическим данным находится в неразрывной связи с общей хронологией периода освоения русскими Сибири, разрабатываемой по целой серии источников: остатков оборонительных, хозяйственных, производственных, жилых, административных, торговых построек, нумизматических, керамических, ставрографических, вещественных материалов. И главное, появилась обнадеживающая возможность создания сибирской дендрохронологической шкалы, уже сформированной в отдельных фрагментах по работам в заполярной части Сибирского региона.

В целом анализ сложившейся ситуации по данной тематике свидетельствует, что пониманию характера и содержания процесса российской колонизации Сибири способствует лишь методика комплексного источниковедения. Привлечение письменных, картографических, археологических и иных источников позволит исследовать разные аспекты похода Ермака как в конкретном территориально-хронологическом плане, так и в историческом масштабе. С помощью

О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака

методов картографирования (ареальный анализ с элементами картирования, геоинформационные технологии, дешифровка космоснимков, герменевтический анализ позднесредневековых карт), абсолютного и относительного датирования (данные планиграфии и стратиграфии археологических памятников, датированные аналогии, дендрохронологический анализ), а также традиционно-исторических методов (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический) можно установить пространственно-географическую, социально-экономическую, историко-хронологическую, культурологическую и другие стороны процесса присоединения Сибири к России. Археологическим разведочным работам и раскопкам должны предшествовать подготовительные изыскания: исторические (критический анализ сибирских летописей) и картографические (изучение позднесредневековых и современных карт).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Археологические памятники Тагильского края // Уч. зап. Перм. ун-та. 1953. Т. 8. Вып. 2.
- Бахрушин С.В.* Науч. тр. Т. III: Избр. тр. по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: АН СССР, 1955. 298 с.
- Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
- Денисов В.П., Оборин В.А.* Исследования в Пермской и на севере Свердловской областей // АО 1967 г. М., 1968.
- Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.
- Зыков А.П.* Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сиб. татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 1998. С. 22–24.
- Идес И., Брандт А.* Записки о русском посольстве в Китай 1692–1695 гг. М. 1967.
- Кипарисова Н.П.* Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Уч. зап. Перм. ун-та. 1956. Т. 11. Вып 3.
- Костомарова Ю.В.* Отчет о проведении разведочных работ на территории Тобольского района и г. Тобольска Тюменской области в 2011 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Ф. 1, д. № 325. 201 л.
- Матвеев А.В.* В поисках Ермаковой перекопи // Тобольск и вся Сибирь. № 18: 425 лет Тобольску. Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2012. С. 526–545.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. ОмГУ. 2012. № 2 (64). С. 275–282.
- Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю.* Новые материалы по археологии г. Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 89–96.
- Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю.* Некоторые итоги археологического изучения исторической части Тюмени // Сулеймановские чтения-2006: Материалы IX Всерос. конф. Тюмень, 2006. С. 62–64.
- Матвеева Н.П.* Итоговый отчет о спасательных археологических раскопках на территории охраняемого культурного слоя г. Тюмени, квартал улиц Ф. Энгельса — Коммуны (Царево городище) в 2011 году. Тюмень, 2012 // Архив ИГИ ТюмГУ. Ф. 1, д. № 324.
- Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн. 1. 368 с.
- Отчет о выполнении НИР «Спасательные археологические исследования объекта археологического наследия «Кучумово городище — столица Сибирского царства» / ООО «Сохранение археологического наследия народов Сибири». 2008. 93 л. // Архив Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия администрации Тюменской области. Б. н.*
- Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII вв. Иркутск, 1990.
- Пантелеев П.А.* Сибирь: Начало истории — новая версия // Рос. история. 2009. № 4. С. 206–208.
- Пархимович С.Г.* Раскопки русских средневековых памятников на Урале и в Западной Сибири // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 169.
- Пархимович С.Г.* Исследования памятников Зауралья и Западной Сибири // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 235–236.
- Пархимович С.Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 138–143.
- Рафикова Т.Н.* Результаты изучения Царева городища // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы междунар. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 11–15.
- Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская: В 2 т. Т. 2: Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Исследование. Текст и перевод. Тобольск, 2006. 272 с.*
- Ромодановская Е.К.* Летописные источники о походе Ермака // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1981. Вып. 3. № 11.
- Ромодановская Е.К.* Избр. тр.: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
- Семенова В.И.* Отчет об археологических исследованиях в г. Тюмени в 1988 г. // Архив ТюмОКМ. Б. н.
- Сергеев В.И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. 1959. № 1. С. 126.
- Сибирские летописи // Полное описание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М.: Наука, 1987.*

Н.П. Матвеева, О.М. Аношко

- Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 688 с.*
Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986. 253 с.
Скрынников Р.Г. Ермак. М.: Мол. гвардия, 2008. Сер. Жизнь замечательных людей. Вып. 110. 255 с.
Служебная чертежная книга. Т. 1: Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006а. 334 с.
Служебная чертежная книга. Т. 2: Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006б.
Ткачева Н.А. Археологические исследования на территории Тюменской области: Отчет о полевых исследованиях в 2006 г. // Архив Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия администрации Тюменской области. 2007. 161 л. Б/н.
Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова: В 2 т. Т. 1: Факсимильное издание рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. Тобольск, 2011а. 350 с.
Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова: В 2 т. Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. Тобольск, 2011б. 692 с.
Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 1. М., 2003а. 102 с.
Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 2. М., 2003б.

**Тюменский государственный университет
nataliamatveeva1703@yandex.ru*

***ИПОС СО РАН
okanoshko@yandex.ru*

The article considers basic points in the study of Yermak's Siberian march. Basing on the analysis of Siberian chronicles, the paper indicates controversial questions of this event (i.e. chronology, marching route, localization of battle sites and wintering grounds). Subject to description being prospects of archaeological investigation regarding wintering grounds of Yermak's forces, by the example of a legendary Karachin settlement.

The initial stage in the Russian colonization of Siberia, chronology of Yermak's march, places of the Cossacks' battle sites and wintering grounds.

ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩА ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО 1 ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Т.Н. Рафикова, С.В. Берлина

Публикуются результаты раскопок фортификаций городища Ласточкино Гнездо 1. Рассматриваются появление бастионно-башенных фортификаций в раннем железном веке и средневековье Западной Сибири, возможные пути их возникновения.

Бастион, башня, въезд, фортификации, раннее средневековье, бакальская культура.

Введение

Тема фортификационного зодчества средневекового населения Западной Сибири лесного и лесостепного Зауралья становится все более актуальной. Если с конца XIX в. до 90-х гг. XX в. фортификации были исследованы не более чем на десяти городищах и в основном рекогносцировочными траншеями шириной 1 м (за исключением, пожалуй, только Большого и Малого Бакальских городищ [Потемкина, Матвеева, 1997; Генинг, Бушуева, 1961]), то в последние десятилетия исследователи обращаются к изучению оборонительных сооружений не только для выяснения их культурной и хронологической принадлежности, но и с целью восстановления их конструкции, оборонительных возможностей, уточнения социально-экономического статуса поселка.

На сегодняшний день раскопками изучены средневековые фортификации Коловского городища, где на значительной площади исследованы деревоземляные конструкции вала первой линии, анализ которых позволяет реконструировать оборонительную стену как состоящую из тарас, забутованных землей и поселенческим мусором. На основании радиоуглеродного датирования образцов угля и древесины от конструкции исследователи предположили их существование в конце IV — VIII в. н.э. [Матвеева и др., 2008, с. 160–161, 172–176]. Повторно была зачищена траншея на Красногорском городище, отобраны образцы угля для радиоуглеродного датирования, подтвердились выводы о неоднократном подновлении вала: в VI–VII и IX–XI вв. н.э. — носителями бакальской культуры; в XII–XIII вв. — юдинским населением [Там же, с. 174]. К сожалению, не опубликованы результаты значительных по площади раскопок фортификаций Красноярского городища.

Раскопки Усть-Терсюкского-1 городища позволили установить наличие ворот на въезде и облицовку жердями тела вала на участке проезда. Кроме того, изучены укрепления на стрелке мыса со стороны поймы: они представляли собой вертикально установленные бревна — частокол, помещенный в канавку у основания эскарпа [Рафикова и др., 2013, с. 45].

Результаты изучения фортификаций бакальской культуры городища Усть-Утякское-1 продемонстрировали стремление населения использовать имеющиеся рельефные особенности местности при строительстве обороны. Так, оплывший вал переходного периода от бронзы к раннему железному веку был досыпан средневековым населением и укреплен тыном. Впоследствии вал был перестроен, на нем установили клетки или тарасы, соорудили бастионы [Рафикова и др., 2013, с. 44–45].

Исследование укреплений юдинского городища Коняшино-2 позволило установить несколько периодов их перестройки [Матвеева и др., 2013, с. 34–64].

Раскопками на городище Черепаниха-2 установлено, что перед строительством фортификаций дерновый слой срезали, полученными дерновыми блоками укрепили внутреннюю часть вала. Достаточно мощная насыпь (толщиной 3,8 м) была сложена желто-коричневым суглинком, который брали в оврагах вблизи городища [Чикунова, Якимов, 2012, с. 41].

Два других поселка юдинской культуры — городища Святой Бор V и Криволукское были ограждены легкими заборами, идущими по гребню земляного вала. Помимо него, на валу Криволукского городища зафиксировано сооружение, которое могло играть роль наблюдательной вышки (?) [Матвеева, Бахарева, 2004, с. 174; Матвеева, Рафикова, 2005, с. 110].

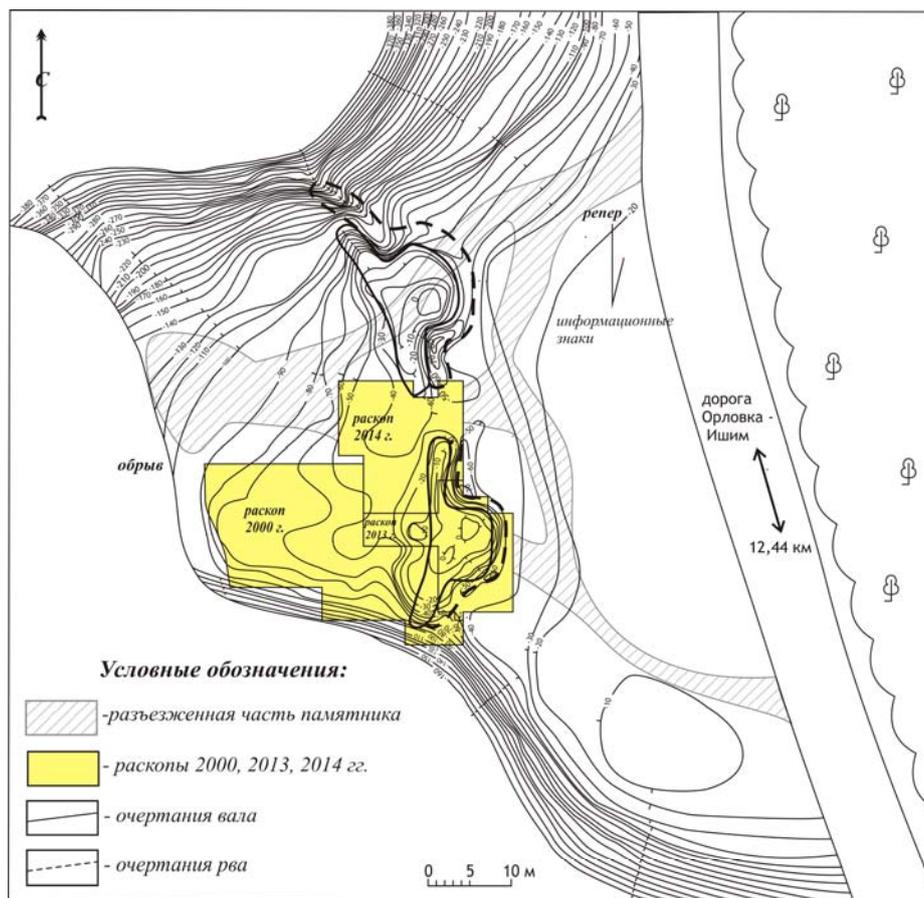

Рис. 1. Инструментальный план городища Ласточкино Гнездо 1.

Таким образом, изученные раскопками оборонительные линии соотносятся в основном с материалами бакальской и юдинской культур, на многослойных памятниках юдинские фортификации перекрывают бакальские. Исследование оборонительных линий широкими площадями позволило восстановить традиции возведения стен, датировать объекты. При этом актуальной остается проблема возникновения и распространения тех или иных элементов фортификационного зодчества, в частности бастионов-башен, традиции дополнительного укрепления въезда. Все чаще темой научных трудов становится выявление топографических особенностей расположения укрепленных поселков, планировки и параметров фортификаций, оборонительных качеств городищ, распространение и устройство конструкций, их соотношение с тем или иным населением или эпохой на многослойных объектах. Накопление и осмысление данных открывает новые возможности в изучении фортификационного зодчества с точки зрения зарождения, передачи опыта сооружения отдельных элементов конструкций от поколения к поколению, заимствований в результате межкультурного взаимодействия.

Материалы городища Ласточкино Гнездо 1, которым посвящена данная работа, пополняют источниковый фонд по фортификациям эпохи раннего средневековья Западной Сибири.

Результаты исследования фортификаций городища Ласточкино Гнездо 1

Городище Ласточкино Гнездо 1 расположено в Ишимском районе Тюменской области, на высоком берегу р. Ишима. Площадь поселка небольшая, вместе с оборонительными линиями составляет около 2 тыс. м². При первоначальном исследовании памятника в 2000 г. была проведена детальная съемка его поверхности, которая позволила уточнить детали микрорельефа. Установлено, что средневековый ров продолжался и спускался в ложбины оврага, а на территории жилой площадки фиксировались слабовыраженные ров (№ 3) и вал начала раннего железного века (в данной работе не рассматриваются) [Зах, 2009]. Основной комплекс керамики

Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи средневековья...

эпохи средневековья соотносится с бакальской культурой, встречаются отдельные фрагменты сосудов кушнаренковской и саровской культур.

Фортификационная линия отсекает площадку мыса полукругом, с юга на северо-запад (рис. 1), ее длина по вершине вала 50–54 м, ширина вала 2,8–3 м, высота 0,3–0,4 м. Вход расположен посередине и представляет собой понижение (на 0,4 м) в валу шириной 4–5 м и подъем-перемычку (на 0,3–0,4 м) во рву шириной 6 м. К валу прилегают два прямоугольных выступа размерами 8,5–10×5,5 м, расположенные в 7–8 м по обе стороны от въезда. Ров повторяет очертания вала и выступов, имеет ширину 1,5–2,8 м, глубину 0,3–0,4 м.

Памятник изучался экспедицией ИПОС СО РАН в 2000, 2013–2014 гг. В результате трехлетнего изучения вскрыто более половины площади всех фортификаций, включая валы и рвы, бастион и въезд, а также часть жилой площадки. Особое внимание уделено конструкции бастиона, как наименее изученному элементу фортификаций.

Вероятно, городище существовало непродолжительный период времени — культурный слой на жилой площадке слабо насыщен находками, его мощность составляет от 10–15 до 40–50 см; углубленных в материк объектов не зафиксировано. По сгоревшим остаткам конструкций вала и больших по площади участков прокаленной почвы сделан вывод, что городок спустя какое-то время после строительства погиб в пожаре, в дальнейшем это место не обживалось. Тем не менее работы позволили проследить два этапа строительства фортификаций в средневековый период.

Фортификации первого этапа. Первоначально средневековый поселок был обнесен валом (возможно, с установленной поверх него стеной) и мелким рвом, шириной 1,1–1,2 м и глубиной до 0,5 м от уровня материка. Сквозь линию вал-ров существовал проход в виде проема в валу и материковой перемычки во рву, шириной 1,6 м. Ранний въезд был смещен к югу от центральной линии мыса, зафиксирован в кв. Ю–Я/5–7.

Фортификации второго этапа. Через непродолжительный период времени оборонительная линия была перестроена: въезд перенесен в центр мыса, в прежнюю фортификационную систему вписаны бастионы, располагавшиеся на равном расстоянии от въезда, ров повторял очертания вала и выступов-башен, был более глубоким, местами укреплен.

Здесь необходимо уточнить понятийный аппарат, используемый в работе. Под башней в фортификационных словарях понимается составная часть крепостных стен, обычно несколько выступающая за плоскость стены и имеющая большую высоту. Основное ее предназначение — продольное обстреливание крепостных стен и подступов к ним [Шперк, 1946]. Бастион — более позднее понятие. Это пятиугольное (полукруглое) в плане оборонительное сооружение в виде выступа в крепостной ограде, с открытой внутренней стеной (горжей), предназначавшееся для обстрела напольной стороны и вдоль стен [Губайдуллин, 2003, с. 25]. Таким образом, различие между башней и бастионом заключается лишь в степени выступления конструкции в напольную часть и деталях устройства (наличие горжи в бастионе). Некоторая путаница в археологической литературе присутствует при обозначении укреплений, связанных с въездом, называемых и бастионами, и башнями. Полагаем, правомернее при описании мощных при- и надвратных сооружений использовать термин «привратная башня» или «барбакан», которые лучше отражают суть и назначение конструкции. В данной работе привратные укрепления мы не рассматриваем, так как не обнаружено их следов.

Раскопками изучен южный бастион. Для его строительства был выбран участок раннего прохода через городище. Северная часть рва на данном участке была засыпана, южную использовали под обустройство подземного хода (?). Конструкция бастиона была установлена на место старого рва, с выступом в напольную сторону. Срубное сооружение размерами 4,5 (?)×6 м (размеры установлены на основании анализа стратиграфии: ширина и длина бастиона четко «читаются» как по фрагментам дерева, так и по отличному по цвету слою) длинной стороной примыкало к валу, короткой выдавалось в напольную сторону. При исследовании зафиксированы остатки деревянных жердей, бревен толщиной до 15 см, расположенных в основном параллельно и перпендикулярно линии вала на месте расположения бастиона. Кроме того, срубная конструкция была обмазана глиной и сырой землей — об этом свидетельствуют как фрагменты обгоревшей обмазки (из глины, земли) со следами заглаживания и отпечатками коры, сучьев с внутренней стороны, так и характер слоя, насыщенного крошевом — рассыпавшимися фрагментами прокаленной обмазки.

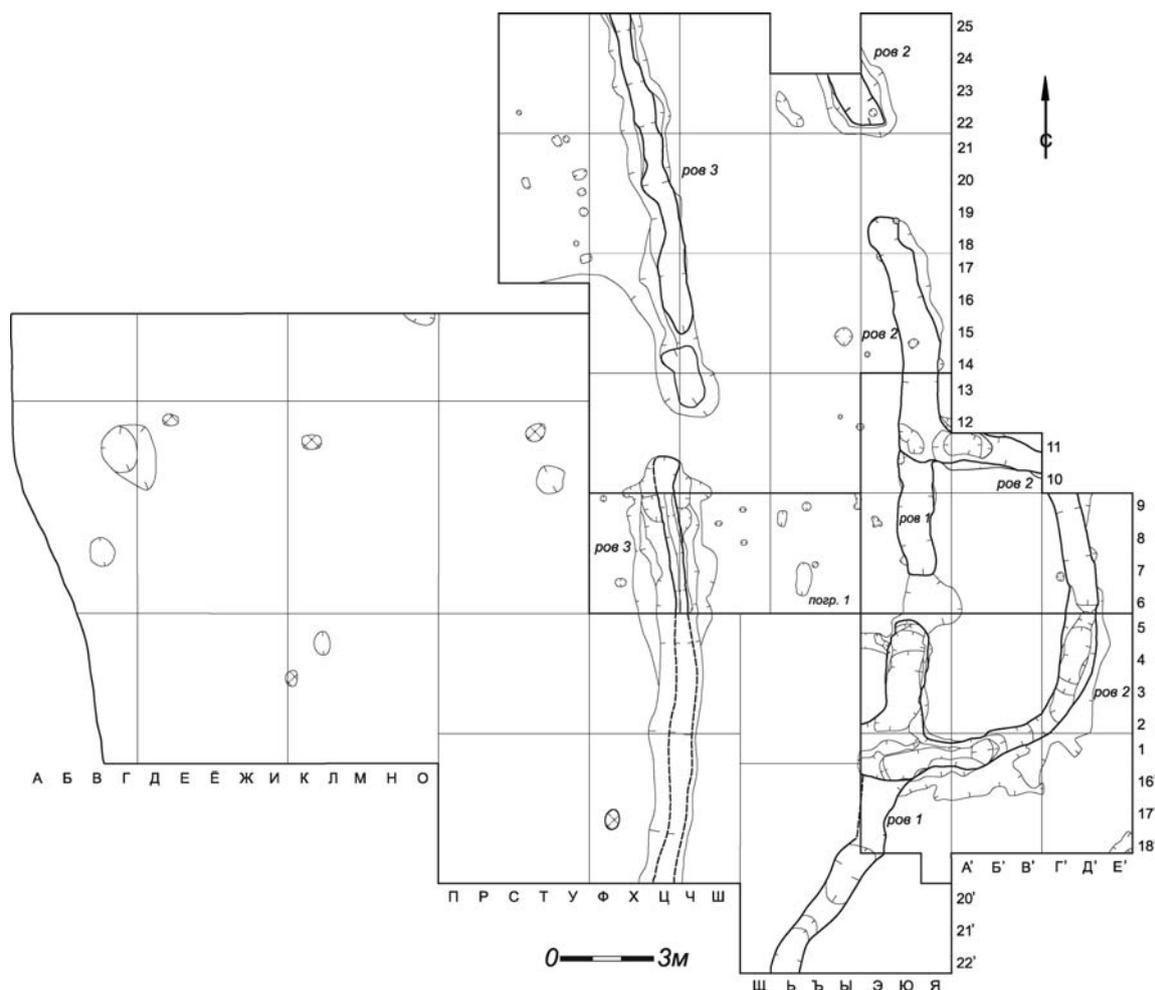

Рис. 2. Сводный план по материкам городища Ласточкино Гнездо 1.

Бастион со всех сторон окружили рвом. Между ним и рвом оставлена берма шириной 1,0–1,6 м. Ранний ров на участках между бастионами дополнительно углубили.

Особое внимание привлекает устройство подземного хода, обнаруженного в юго-западном «углу» бастиона, в месте его примыкания к валу. При его строительстве участок раннего рва значительно углубили, его длина составляла около 4 м, ширина — 1,2–1,3 м, глубина — около 0,7 м от материка. При выборке заполнения хода фиксировались большое количество угля, фрагменты дерева, расположенные как вдоль стенок хода, так и в центре, со следами обмазки; кроме того, зафиксирован ряд вертикальных столбиков-стоек вдоль стенок хода с углистыми полосами, отходящими от них. То есть, стенки хода были облицованы жердями в технике заплота, поверх же, вероятно, находился накат из жердей. Видимо, при пожаре деревянные конструкции сгорели и рухнули внутрь.

Спуск в подземный ход располагался с юго-западной стороны бастиона. Ход был устроен под его стеной и вел в ров, который через 4–5 м соединялся с оврагом. С наземной стороны выбравшихся из городка жителей или воинов прикрывал угол бастиона. Таким образом, можно было осуществить два тактических приема: первый — продвинувшись по рву в овраг, покинуть городище и спрятаться в пойме; второй — обойдя угол башни, напасть на противника с тыла, захватив его врасплох.

Въезд на городище представлял собой перемишку во рву и перерыв в линии вала. Ширина его составляла 2,5–2,6 м. Понижение на линии вала в месте проезда, отсутствие повышений у его краев позволяют предположить, что не было и мощных надвратных укреплений. Никаких следов конструкции ворот в материке не отмечено, за исключением ямок по краям рва, в кв. Ю/19 и Э/22. Кроме того, отмечены следы древесного тлена во рву на участках у въезда, имевшие

Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи средневековья...

подпрямоугольные очертания. Возможно, ров у въезда был облицован деревом во избежание осыпания грунта и разбивания в распутицу места проезда. В таком случае ямки от стоек, зафиксированные у края рва, могли остаться либо от конструкции ворот, выдвинутых в напольную сторону относительно вала, либо от поддерживавших поперечную балку столбиков, на которую, в свою очередь, в древности были уложены бревна наката. К сожалению, это место активно используется в настоящее время для проезда: верхняя часть культурного слоя повреждена и не установлено, был ли здесь настил.

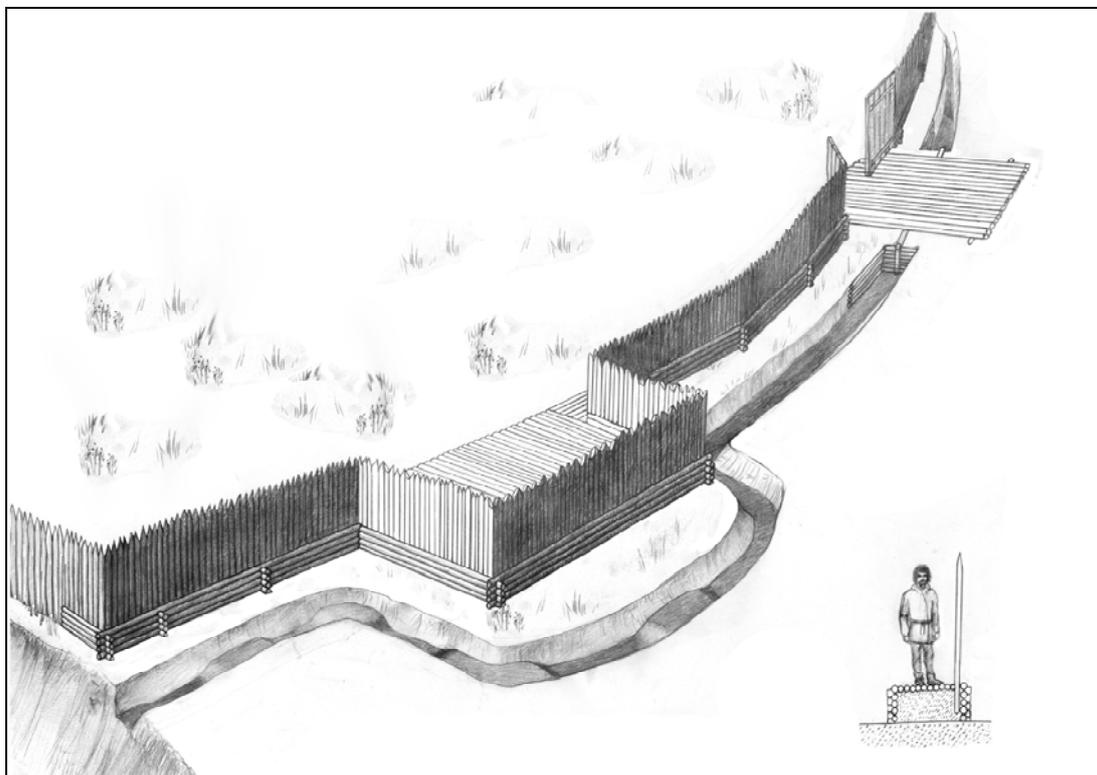

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида фортификаций городища Ласточкино Гнездо 1 (рис. Е.А. Алексеевой).

Вал на изученной площади имел высоту 0,5–0,6 м, в верхних слоях он четко маркировался пятнами ярко-красной прокаленной глины, местами имевшими подпрямоугольные очертания, шириной до 1,0–1,2 м. Параллельные ряды бревен, зафиксированные на валу в двух местах, лежали на расстоянии 1 м друг от друга. При этом жерди в рядах были одинаковой толщины — до 15 см. На участке между бастионом и въездом фиксировались фрагменты конструкции из перекрещивающихся под прямым углом бревен. Наличие параллельно расположенных остатков жердей и отмеченных перерубов позволило предположить, что конструкция на валу представляла собой тарасы, забутованные глиной, землей, вынутой при копании рва.

Исследования позволяют реконструировать внешний вид фортификаций. Городище было защищено с напольной стороны валом, состоявшим из установленных на поверхности деревянных тарас, забутованных землей и глиной, вынутой при копании рва. Неизвестна высота тарас, в разрезе она составляла 0,5–0,6 м; вероятно, могла быть и немного больше. Однако при большей высоте на них неудобно было бы взбираться и вести обстрел территории. Можно предположить, что при ширине 1 м и высоте 0,6–0,7 м эти сооружения представляли собой своего рода основание стрелковой галереи, завал, в который ближе к внешней стенке были установлены жерди частокола, скрывавшие защитников. Высота частокола могла быть чуть выше роста человека — около 1,7–2,0 м. В этом случае общая высота защитной конструкции достигала 2,3–2,5 м. Деревянные жерди дополнительно обмазывались глиной, землей. Этот прием позволял избегать поджога, предупреждал высыпание грунта из тарас-основания.

Ров, расположенный у основания вала и бастиона, скорее всего, не играл самостоятельной оборонительной роли (он слишком узкий — 1,0–1,2 м, имеет перемычки), а образовался в результате выемки земли и глины для устройства вала и бастиона. Вероятно, в его функции входило и водоотведение, во избежание размывания тела вала. В пользу этой версии может свидетельствовать наличие деревянной облицовки рва у въезда, а также у южного края бастиона.

Въезд на городище, вероятно, закрывался воротами. С целью защитить «слабое звено» в линии укреплений и были построены бастионы на равном расстоянии от него — с них въезд и подступы к валу хорошо просматривались и соответственно простреливались.

Как и тарасы, бастион был построен из жердей толщиной до 15 см, имел прямоугольную форму и примыкал к валу, выступая в напольную часть на 4,5 м. Он имел срубную конструкцию, изнутри скорее всего был забутован не полностью, а на уровень тарас — чтобы можно было укрываться за его стенами при обстреле и перемещаться; высота же его была, вероятно, вровень со стенами на валу или чуть выше. Стены бастиона также были обмазаны глиной и землей. Внутри бастиона устроен вход в подземный лаз, стены которого были укреплены жердями, кольями в технике заплота и обмазаны глиной, а перекрытие, видимо, также состояло из наката жердей. По данным стратиграфии высота лаза составляла 0,8 м, что позволяло защитникам свободно передвигаться в нем на коленях.

Таким образом, по материалам раскопок установлено устройство фортификаций на городище эпохи раннего средневековья. Они состояли из тарас, расположенных на валу, и бастионов, сооруженных в срубной технике; при этом деревянные конструкции были обмазаны землей и глиной. Въезд на городище представлял собой стандартный проем в валу и перемычку во рву, закрывался предположительно воротами. Следует отметить, что если устройство тарас на валу — традиционный прием укрепления городка в эпоху средневековья, то сооружение бастионов встречается крайне редко.

Обсуждение результатов и аналогии

На территории Зауралья и Западной Сибири дополнительные укрепления фортификаций в виде башен-бастионов появились в раннем железном веке. К бастионам (по внешним признакам) мы относим выступы из линии вала, оконтуренные рвами. Помимо бастионов-выступов, в период раннего железного века отмечается усложнение конструкции въезда — сооружаются предвратные укрепления в виде башен, «прегородий» [Борзунов, 2002, с. 91]. При отсутствии перемычек-входов в валу-рву и наличии одного выступа возможна его интерпретация в качестве укрепленного въезда (такой въезд раскопан на Павлином городище — малый, северо-западный [Среда..., 2009]; выступ, расположенный по центру фортификаций, зафиксированный на плане городищ Зыряновского, Саровского и др., также может рассматриваться как въезд).

В структуре фортификаций выступы, связываемые с башнями-бастионами, встречаются в раннем железном веке у носителей гороховской культуры (Сигрякское, Матайкул, Казахбаевское Малое, Гороховское (Чудаки), Ильтяковское, Воробьевское 1, Нижне-Суварышское IV, V), на гамаюно-иткульском Зотинском II городище (башня располагалась на стыке двух стен), на иткульском Зотинском III городище изучены остатки башни. Бастионы-выступы отмечены в саргатской культуре на цитадели городища Батаково XIX и на городище Старокарасук XXI. Таким образом, в Зауралье и Прииртышье мы можем отнести к городищам с бастионами 13 памятников раннего железного века. Укрепления с бастионами в раннем железном веке известны в Среднем и Нижнем Приобье, на территории южной и северной тайги (охарактеризованы В.А. Борзуновым [2002], им насчитано 28 ед.), относятся к белоярской и кулайской культурам [Там же, с. 80]. Датируются эти памятники VII–II вв. до н.э. для территории лесостепи и V–IV вв. до н.э. для тайги. Кроме памятников с башнями-бастионами четких очертаний известны памятники, фортификационные линии которых имеют изломы, выступы: Казахбаевское Большое, Павлиново, Марьино ущелье 4. Раскопками эти выступы не изучены, и говорить об их строении преждевременно, можно лишь предположить, что это переходная форма от фортификаций плавных очертаний к бастионам.

К западу от Тоболо-Ишимья отмечен только один объект с башней — городище Алтен-Тау в Прикамье [Борзунов, 2002, с. 79, 90]. К юго-востоку на памятниках культур раннего железного века не встречено выступов-бастионов. Там они появляются позднее, в средние века: у уйгур в VIII–IX вв., на киданьских городищах, в кыргызском каганате, и связаны с сырцово-архитектурой [Данилов, 2005, с. 23; Худяков, 1995].

Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи средневековья...

Городища с башнями-бастионами раннего железного века известны и в Южном Казахстане — Бабиш-мулла, Баланды-1, встречаются на памятниках джетыясарской культуры рубежа эр [Степная полоса..., 1992].

При раскопках городищ раннего железного века, имеющих бастионы-башни, укрепленные въезды, часто исследовались только линии вал-ров и участок въезда. Собственно башни изучены на городище Алтен-тау в Прикамье и Зотинском II. Бастионы-выступы же исследовались только на памятниках эпохи средневековья.

Бастионно-башенные сооружения средневекового периода отмечены на городищах лесостепной и подтаежной зоны Тоболо-Ишимья Ласточкино Гнездо 1, Усть-Утякское-1, Логиновское, Борковское, Калачик. Так, на Логиновском городище с южной и северной сторон отмечены полукруглые материковые выступы, где располагались башни размерами 3х6 м [Генинг, Евдокимов, 1969. с. 104–105]. Башни позднего средневековья исследованы на городищах Малое Бакальское, Искер [Зыков, 1998, с. 22–24].

На территории таежного Приобья бастионно-башенные выступы отмечены на городищах карымской культуры Соровское V, XXXV, Усть-Тара-43 [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 45–48]. На последнем изучен бастион размерами 10х4 м, установлено одновременное сооружение рва и бастиона [Михалев, 2008, с. 223–224].

Значительное по площади потчевашское городище Айткулово XIV помимо сплошной и дополнительной с западной стороны линии вал-ров было защищено шестью бастионами [Конигов, 2007, с. 173, 299, рис. 6]. Оборонительная линия Айткулово XI, относящаяся предположительно к потчевашской культуре, включала четыре бастиона [Там же, с. 173, 352, рис. 96]. Двумя бастионами защищено мысовое городище Кордон-Бергамак V [Там же, с. 173–174, 461, рис. 305].

В период развитого и позднего средневековья в Среднем Прииртышье бастионы отмечены на городищах Безымянное I (два выступа во второй линии обороны, один — в третьей), Безымянное III (три бастиона), Усть-Тара XLVII (три), LI (один), XLIII (один), Чеплярово IX (три), XIV (два) [Шлюшинский, 2007, с. 289, рис. 13; с. 296, рис. 26; с. 303, рис. 39; с. 307–308, рис. 47–49; с. 315, рис. 63].

В Среднем Приобье городищ раннего средневековья (релкинская культура) немного, выступы зафиксированы только на одном из них — Карбинском II [Чиндина, 1991, с. 146, рис. 4, 3].

В период раннего средневековья на городищах верхнеобской культуры зафиксирован один (Крохалевка-18, 21, Юрт-Акбылык-9), два (Черный Мыс III, Вьюны-10, 11, 18, Крутоборка-4) и более (Крохалевка-32, Юрт-Акбалык) выступов [Троицкая, Новиков, 1998, с. 11–14, 89–90, рис. 2, 3, 6, 8, 9, 11; 3, 1, 3–5, 8].

Таким образом, бастионно-башенные конструкции появились на территории Западной Сибири в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку как элемент усиления валов и рвов, зарождается и традиция укрепления въездов. Среди общей массы городищ количество их невелико. В.Е. Стоянов [1969], а вслед за ним В.А. Борзунов [2002] предполагали, что в раннем железном веке их возникновение связано с культурным влиянием племен с юга.

Чаще рассматриваемый элемент фортификационного зодчества встречается в эпоху средневековья, по несколько объектов отмечено практически в каждой культуре. Закономерности наличия их только на крупных или на небольших городках на прослеживается. Не всегда возможно соотнести укрепления с конкретной археологической культурой: как уже говорилось, большинство поселений многослойные, раскопки на них не проводились или объекты не имеют точной даты. В целом численно преобладают городки с бастионами в северных, таежных районах, в связи с чем можно предположить привнесение этого элемента оборонного зодчества таежными племенами в результате культурных связей или инфильтрации населения в лесостепь в переходный период от эпохи раннего железа к раннему средневековью. В пользу этого может свидетельствовать примесь в керамическом комплексе изученных городищ саровской, карымской керамики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 45–55.

Генинг В.Ф., Бушуева Т.Г. Малое Бакальское городище // Архив ИА РАН. Р-1, № 2362. 1961. С. 166–207.

Т.Н. Рафикова, С.В. Берлина

- Генинг В.Ф., Евдокимов В.В.* Логиновское городище (VI–VII вв.) // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 102–127.
- Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 104 с.
- Данилов С.В.* Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии: Автореф. ... дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 47 с.
- Зах В.А.* Городище Ласточкино Гнездо-1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 67–80.
- Зыков А.П.* Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сиб. татары. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 22–24.
- Конигов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007. 466 с.
- Матвеева Н.П., Бахарева (Рафикова) Т.Н.* Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н.* Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 105–116.
- Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чукунова И.Ю.* Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Михалев В.В.* Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье: (Предварительное сообщение) // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 223–224.
- Потемкина Т.М., Матвеева Н.П.* Большое Бакальское городище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 39–50.
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 4 (23). С. 42–51.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлинковского археологического комплекса) / Под ред. Л.Н. Коряковой.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992. 493 с.
- Стоянов В.Е.* Зауральские лесостепные поселения // КСИА. 1969. Вып. 119.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Худяков Ю.С.* Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 62–73.
- Чукунова И.Ю., Якимов А.С.* Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. 2012. Вып. 4 (37). С. 31–41.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Шлюшинский А.В.* Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 331 с.
- Шперк В.Ф.* Фортификационный словарь. М., 1946. 126 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
tnrafikova@yandex.ru
svb82@mail.ru

The paper quotes excavation results regarding fortifications of the hillfort of Lastochkino Gnezdo 1, considering the appearance of rampart and tower fortifications during the early Iron Age and Middle Ages in West Siberia, and possible ways of their origin.

Rampart, tower, entrance, fortifications, early Middle Ages, the Bakal culture.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ И СФРАГИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БАЗАРНОГО РАСКОПА В ТОБОЛЬСКЕ

О.М. Аношко*, С.В. Игнатов**

Рассматриваются нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа, заложенного на торжище нижнего посада Тобольска. Дана детальная характеристика монет, определены их место производства, время выпуска, номинальная стоимость, особенности планиграфического и стратиграфического распределения в раскопе. Анализ свинцовых, медных пломб, а также клейм на стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуде позволил расширить представления о продаваемых товарах и их производителях.

Тобольск, нижний посад, торговая площадь, монеты, счетные пфенниги, свинцовые, медные пломбы, клейма на стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуде.

В период российской колонизации Сибири резко увеличились потребности населения в различных товарах, что привело к активизации налаживания внешних торговых связей и формирования производств, основанных на местном сырье и ориентированных на внутреннюю реализацию на городском рынке. Данные письменных источников, на которые опираются исследователи, позволяют представить лишь общую картину экономического развития и участия Сибирского региона в российских и международных торговых отношениях [Вилков, 1967, 1978, 1990, 1994; Резун, Беседина, 1992; и др.]. С помощью археологического материала можно уточнить и конкретизировать торговые связи, определить их датировку. Артефактами, характеризующими историю торговли и дающими возможность оценить объем товарно-денежных отношений в сибирском городе, являются импортные вещи, монеты, счетные пфенниги, разного вида печати, пломбы, а также марки и клейма, оставленные на изделиях.

Для атрибуции монет существует множество справочных пособий и монографий по нумизматике: например, труды В.Д. Гладкого [2006], Н.Л. Конькова [2001], А.С. Мельниковой [1989, 2005], И.Г. Спасского [1957], О.С. Тальской [1959], В.В. Узденикова [1986, 1995], А.А. Щелокова [1986], А.И. Юхта [1994] и других авторов. Тем не менее характеристика нумизматического материала, обнаруженного в ходе исследований археологических памятников, в том числе сибирских позднесредневекового и нового времени, встречается в литературе значительно реже, либо в контексте описания всего комплекса находок, либо с целью хронологической привязки археологических слоев, сооружений и совместно залегающих с монетами вещей. Основное ограничение датировки с помощью нумизматических источников заключается в том, что по ним четко устанавливается только нижняя хронологическая граница объектов [Бородовский, Горохов, 2011; Горохов, 2011]. Их возраст исследователи определяют датой чеканки монеты и при этом не учитывают тот промежуток времени, который проходил между ее созданием и попаданием в культурный слой. Таким образом, верхняя граница датировки «плавает», к тому же хождение старых монет не всегда ограничивалось появлением новых, вызванным, например, сменой правителя. Также при анализе нумизматического материала редко принимается во внимание дополнительная информация, нередко извлекаемая из археологического контекста, в частности путь поступления денег в Сибирь, особенности денежного обращения в этом регионе в XVII–XIX вв., объем торговли и т.п.

Ценной находкой для датировки выступают западно-европейские, в основном нюрнбергские, монетовидные жетоны — счетные пфенниги, которые часто встречаются в культурных слоях сибирских археологических памятников XVII–XIX в., особенно в могильниках местного населения [Еманов, 2008; Милищенко, 2004; Пушкарев, 2013; Харинский, 2001]. Легкие и дешевые западные жетоны, имеющие геральдическую символику и надписи, использовались русскими купцами и промышленниками в расчетах и при обмене с аборигенами [Спасский, 1951].

Принципиально важен для определения степени развития торговли сфрагистический материал, с помощью которого устанавливаются характер и направление торговых связей и дается общая оценка их интенсивности, а также динамики обмена между различными центрами [Белецкий, 2003; Каменцева, Устюгов, 1974; Соболева, 1976]. В материалах исследований жилых городских кварталов данная категория предметов представлена в основном клеймами и марками

ми на стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуде, а в материалах раскопок торжищ — медными и свинцовыми пломбами, реже печатями. Обобщающие труды, посвященные атрибуции сфрагистических находок, относятся в основном к периоду Древней и Средневековой Руси [Янин, 1970; Янин, Гайдуков, 1998]. Информацию о подобных изделиях более позднего времени можно встретить лишь в отдельных статьях, тезисах докладов либо на различных сайтах интернет-ресурсов.

Представления о развитии торговли первой российской столицы Сибири складывались на основе анализа исторических документов, которые позволили историкам говорить о разнообразии импортных и экспортных товаров, о продукции, производимой для внутреннего рынка, охарактеризовать в общих чертах торговые отношения с указанием фамилий купцов и предпринимателей [Вилков, 1990; Копылов, Прибыльский, 1969]. Однако как выглядели продаваемые изделия, какие признаки для них были характерны, судить по письменным источникам довольно трудно. В этом случае конкретную и дополнительную информацию можно получить при анализе археологического материала. Изучение истории торговли Тобольска по данным археологии стало возможным в результате исследований в 2010–2011 г. торжища на пересечении улиц Базарная площадь и Хохрякова, на нижнем посаде, где нами был заложен раскоп площадью 350 м² (Базарный), в процессе вскрытия которого выявлены мощные, хорошо стратифицированные напластования культурных отложений с остатками деревянных торговых рядов, располагавшихся здесь в XVIII–XIX в., а в нижней их толще — участок жилой застройки конца XVII — начала XVIII в. [Аношко, Игнатов, 2013].

Помимо коллекции предметов импортного и местного происхождения, исчисляемых несколькими тысячами, в Базарном раскопе в большом количестве найдены монеты и пломбы, которые были надежно привязаны к горизонтам культурного слоя. Их планиграфическое распределение на разных глубинах довольно равномерно. Несмотря на то что стратиграфические колонки раскопа отличались разнообразием пластов и прослоек, четко вычленяется четыре массива культурных отложений, последовательно залегающих и имеющих датировку по обнаруженным в них артефактам. Точно атрибутированные монеты в основном найдены в соответствующих времени их выпуска и бытования слоях, что дает редкую возможность сравнения и проверки археологических датировок нумизматическим материалом. Лишь часть монет происходила из локальных, современных перекопов, они были перемещены в более ранние или более поздние горизонты культурного слоя.

В верхних сильно мешаных отложениях, образованных в результате расчистки исследуемой территории от располагавшихся здесь в XX в. строений, найдены четыре монеты XIX в. и две советского периода. Из второго массива культурного слоя, представленного отложениями коричневого и серо-коричневого цветов, прослеженными на уровне четвертого — седьмого горизонтов, происходили 142 монеты XVIII в., 248 — XIX в. и 36 — XX в. (табл. 1), а также 80 свинцовых, медных и стеклянных пломб, для 22 из которых удалось установить дату — середина и вторая половина XIX в. При этом шестой и седьмой горизонты культурного слоя можно считать переходными, так как в их толще было найдено практически равное количество денег XVIII и XIX вв., в основном периодов правления Екатерины II и Николая I. В вещевой комплекс, полученный при исследовании этих напластований, входят изделия, датированные XIX в. и имеющие аналогии в материалах этого времени европейской части России и других сибирских городов.

Следующий, третий массив культурного слоя образован однородным по структуре отложением темно-коричневого грунта. При его исследовании найдены разнообразные по функциональному назначению изделия из железа, цветных металлов, стекла, камня, глины, дерева, бересты, кости, кожи, шерсти и войлока, а также монеты, время чеканки которых является основным аргументом для датировки этого напластования. Из атрибутированных монет 121 относится к первой половине — середине XVIII в. (периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны), 71 — ко второй половине XVIII в. (периоды правления Екатерины II и Павла I) и 20 монет и 16 пломб — к XIX в. В толще темно-коричневого напластования, как и в верхних слоях, были прослежены конструкции торговых рядов, что указывает на появление торжища на исследуемой территории еще в середине XVIII в., возможно в его первой половине.

В самой нижней части культурного слоя, исследованного тринадцатым — пятнадцатым горизонтами, выявлен участок жилой застройки конца XVII — начала XVIII в., представленный остатками срубов русской усадьбы и фрагментом городской улицы — деревянной мостовой из настила досок, уложенных вплотную друг к другу. Усадьба и мостовая пострадали от пожара, так как часть

Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске

бревен и досок сильно обуглены. В коллекцию предметов, связанных с этими конструкциями, входят монеты петровского периода, в том числе медные и серебряные чешуйки, гончарная посуда, фрагменты войлока, кожаной обуви, одежды и разнообразные изделия. Пломбы же не найдены: в этот период торговая площадь здесь еще не функционировала.

Как уже отмечалось, нумизматический и сфрагистический материал позволяет не только датировать археологические слои и объекты, но также оценить степень развития товарно-денежных отношений. В нумизматический комплекс Базарного раскопа входит 790 монет, отражающих особенности денежного обращения в конце XVII — XIX в. [Мельникова и др., 2002]. С целью их систематизации и анализа была создана реляционная база данных, в которой находки оценивались по следующим критериям: местонахождение в раскопе, степень сохранности, вес и размеры монеты, время и место ее выпуска, номинал, стилистические особенности. В ходе раскопок торгового участка установлены следы пожаров, часть торговых лавок сгорели, поэтому среди монет довольно большой процент горелых, при анализе которых невозможно определить либо вензель, либо дату чеканки или место производства. Характер денежных знаков, надписи и изображения на них позволили распределить 658 монет по периодам правления (времени выпуска) (табл. 1), из них у 601 удалось установить номинальную стоимость (табл. 2).

Таблица 1

Распределение монет по периодам правления

Период правления (дата чеканки монеты)	Относительный горизонт культурного слоя														Всего
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
Алексей Михайлович (1645–1676)														1	1
Петр I (1682 (1696) — 1725)					1	2	2	5	8	5	6	2	2	33	
Анна Иоанновна (1730–1740)			2	6	4	11	5	6	7	9			1	51	
Елизавета Петровна (1741–1761)			4	8	12	15	19	15	9	3				85	
Екатерина II (1762–1796)		8	11	41	40	35	17	14		2			1	169	
Павел I (1796–1801)		1		2	2	2	1							8	
Александр I (1801–1825)			5	5	14	12	3			1	1			41	
Николай I (1825–1855)	3	29	98	37	20	8	1	2	1	1				200	
Александр II (1855–1881)		4	10	7	3									24	
Александр III (1881–1894)			1											1	
Николай II (1894–1917)	1	1		1	1	1				1				6	
Советский период (1922–1961)	2	15	13	8		1								39	
Не определен	1	8	14	19	24	32	12	10	4	5	2	1		132	
<i>Итого</i>	7	71	158	143	119	110	57	52	30	27	8	3	5	790	

Таблица 2

Распределение монет по номинальной стоимости

Период правления (дата чеканки монеты)	Номинальная стоимость монеты															Всего		
	¼ копейки	Полушка	½ копейки	Деньга	Денежка	Чешуйка	Копейка	2 копейки	3 копейки	5 копеек	10 копеек	Гривенник	Злотый	15 копеек	20 копеек		Рубль	Не опред.
Алексей Михайлович (1645–1676)						1												1
Петр I (1682 (1696) — 1725)		5		2		19	3			1							3	33
Анна Иоанновна (1730–1740)		31		20														51
Елизавета Петровна (1741–1761)		15		69								1						85
Екатерина II (1762–1796)		56		25			18	7		11	1					1	50	169
Павел I (1796–1801)							3	5										8
Александр I (1801–1825)							8	32		1								41
Николай I (1825–1855)	38		46				53	39	5	15	3		1					200
Александр II (1855–1881)					4		7	8		4	1							24
Александр III (1881–1894)														1				1
Николай II (1894–1917)							2	2	1						1			6
Советский период (1922–1961)							5	3	6	7	5			6	3		4	39
Не определен																	132	132
<i>Итого</i>	38	107	46	116	4	20	99	96	12	39	10	1	1	7	4	1	189	790

В целом 34 монеты, собранные на Базарном раскопе, относятся к XVII — началу XVIII в. (периоды правления Алексея Михайловича, Петра I) (рис. 1, 1–7), 313 — к XVIII в. (время правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I) (рис. 1, 8–12), 272 — к XIX — началу XX в. (правление Александра I, Николая I, Александра II и Александра III, Николая II) (рис. 1, 13–16) и 39 — к советскому периоду (1922–1961 гг.). Путь поступления денег в Тобольск условно определяется по месту их производства. Лишь у 216 экз. нумизматической коллекции сохранилось клеймо монетного двора (табл. 3). Монеты петровского периода были отчеканены на московских заводах, а медные деньги XVIII–XIX вв. относятся к местному производству, из них 63 экз. с клеймом Е.М. изготовлены на уральском, Екатеринбургском монетном дворе, а 145 с клеймами К.М. и С.М. — на сибирском, Сузунском заводе. Возможно, монеты этих дворов (Екатеринбургского и Сузунского) в основном и были тогда представлены в Сибири. У 132 монет из-за очень плохой сохранности не удалось установить ни время чеканки, ни место выпуска, ни номинал. Кроме того, за пределами раскопа, в отвалах либо современных перекопах, с помощью металлодетектора найдено еще около 100 монет, главным образом конца XVIII — первой половины XIX в. (вошли в созданную базу данных как подъемный материал).

Таблица 3

Распределение монет по месту производства

Монетный двор	Относительный горизонт культурного слоя													Всего
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Е.М.		10	18	15	11	2	1	4	1	1				63
К.М.		3	10	15	21	15	3	4		1			1	73
С.М.	2	13	48	8		1								72
М.Д.								1			1			2
В.Д.		1												1
С.П.Б.		1	1	2						1				5
Не определен	5	43	81	103	87	92	53	43	29	24	7	3	4	574
<i>Итого</i>	7	71	158	143	119	110	57	52	30	27	8	3	5	790

На площади Базарного раскопа также обнаружены польско-литовская монета номиналом «1 злотый» и два монетовидных жетона, использовавшихся при счете. На одном из них на аверсе изображены три короны и флер вокруг центрального цветка с круговой надписью персональных данных мастера: «HANNIS KRAVWINCKEL IN NVR» (Ханс Краувинкель из Нюрнберга), а на реверсе присутствует надпись «GOTT DIE SEI ALLEIN EHRE» (только богу слава). На одной из сторон другого пфеннига представлен герб Франции в виде щита под короной с геральдическими лилиями на нем и круговой надписью «DINGERS REPF ION FRIE WEI», а на другой стороне — Людовик XV в профиль с надписью вокруг портрета «LUD[ovicus] XV D[ei] G[ratia] FR[anciae] ET NAV[arrae] REX», что может быть переведено как «Людовик XV, милостью Божией король Франции и Наварры» [Еманов, 2008].

Нумизматическая коллекция, собранная на Базарном раскопе, дает представление об ассортименте монет, участвовавших в повседневной жизни людей, торговавших на территории нижнего посада Тобольска. В основном они относятся к рядовым массовым денежным выпускам достоинством в полушку, деньгу и копейку. Данную категорию находок следует характеризовать как «деньги из кошелька», которые, скорее всего, были потеряны владельцами на торжище. Утрата монет большого номинала — явление редкое. В этом случае самой ценной находкой является серебряный рубль с профилем Екатерины II (рис. 1, 10). Наибольшее количество обнаруженных монет, относящихся к одному времени, является косвенным свидетельством торговой активности. Так, очень мало монет периода правления Александра II, Александра III и Николая II (табл. 1), видимо, из-за незначительной интенсивности торговли в это время на исследованном участке. Подавляющее же большинство денег относится к периодам Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Николая I, что свидетельствует о пике торгово-экономических отношений в городе в середине — второй половине XVIII в. и в 30–50-х гг. XIX в.

Сфрагистические материалы Базарного раскопа представлены 88 марками на обломках фарфоровой и фаянсовой посуды, 11 клеймами на стеклянных бутылках и 90 пломбами из меди и свинца. Расшифровка данной категории находок зависит, во-первых, от степени их сохранности, а во-вторых, от содержащейся на них информации. На одних предметах указаны лишь отдельные буквы или цифры, на других — инициалы или товарный знак и в редких случа-

Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске

ях — полная легенда с названием учреждения, фамилии владельца, места размещения, а иногда и даты. Чрезвычайно интересно распределение пломб по категориям и наименованиям товаров и продуктов, которые производились в тех или иных населенных пунктах или вывозились из них, попадая затем на тобольский рынок.

Рис. 1. Нумизматическая коллекция Базарного раскопа:

1–7 — серебряные чешуйки и медная копейка периода правления Петра I; 8, 9 — медные деньга и полушка периода правления Анны Иоанновны; 10, 11 — серебряный рубль и медная монета «пять копеек» периода правления Екатерины II; 12 — медная монета «две копейки» периода правления Павла I; 13–15 — медные монеты периода правления Николая I; 16 — медная монета периода правления Николая II.

Среди товаров, поступавших в Тобольск, судя по пломбам чаще всего встречалась винная продукция. Так, на площади Базарного раскопа были расчищены деревянные конструкции лавки, принадлежавшей Московской торговой организации Мамонтовых, о чем свидетельствуют найденные в ее заполнении обломки стеклянных бутылок с клеймами, 14 медных и свинцовых пломб с обозначением этой фамилии (рис. 2, 9, 17). Известные во второй половине XIX в. купцы Мамонтовы занимались винным откупом, а также продажей лаков и сургуча [Мамонтовы...]. На пломбах этой организации по центру изображен гербовый двуглавый орел, увенчанный короной и

держаций в лапах государственные регалии — скипетр и державу, а по кругу идет надпись «Т-во (Товарищество) Братьев А. и Н. Мамонтовых» (было основано их отцом в 1840 г.). Помимо свидетельств торговли винной продукцией Мамонтовых на площади Базарного раскопа найдены обломки четырех бутылок зарубежного производства, с клеймом торговой марки французского виноградного вина Сотерн, сорт которого известен в России с начала XIX в. Данные фрагменты удалось атрибутировать по надписям «HAUTSAUTERNEDD» либо «CADEVILLA&FINKEBORDELUXE» (рис. 2, 13–15). По обломкам некоторых бутылок и бутылочков определены изделия тульского бакалейного магазина Г.Р. Лобанова [Лобанов...] и Мещерского стекольного завода братьев Н. и А. Костеревых Владимирской губернии [Хроника развития...], а также лекарственные препараты, сделанные по рецептуре суздальского врача Д.П. Моренкова [Моренков...].

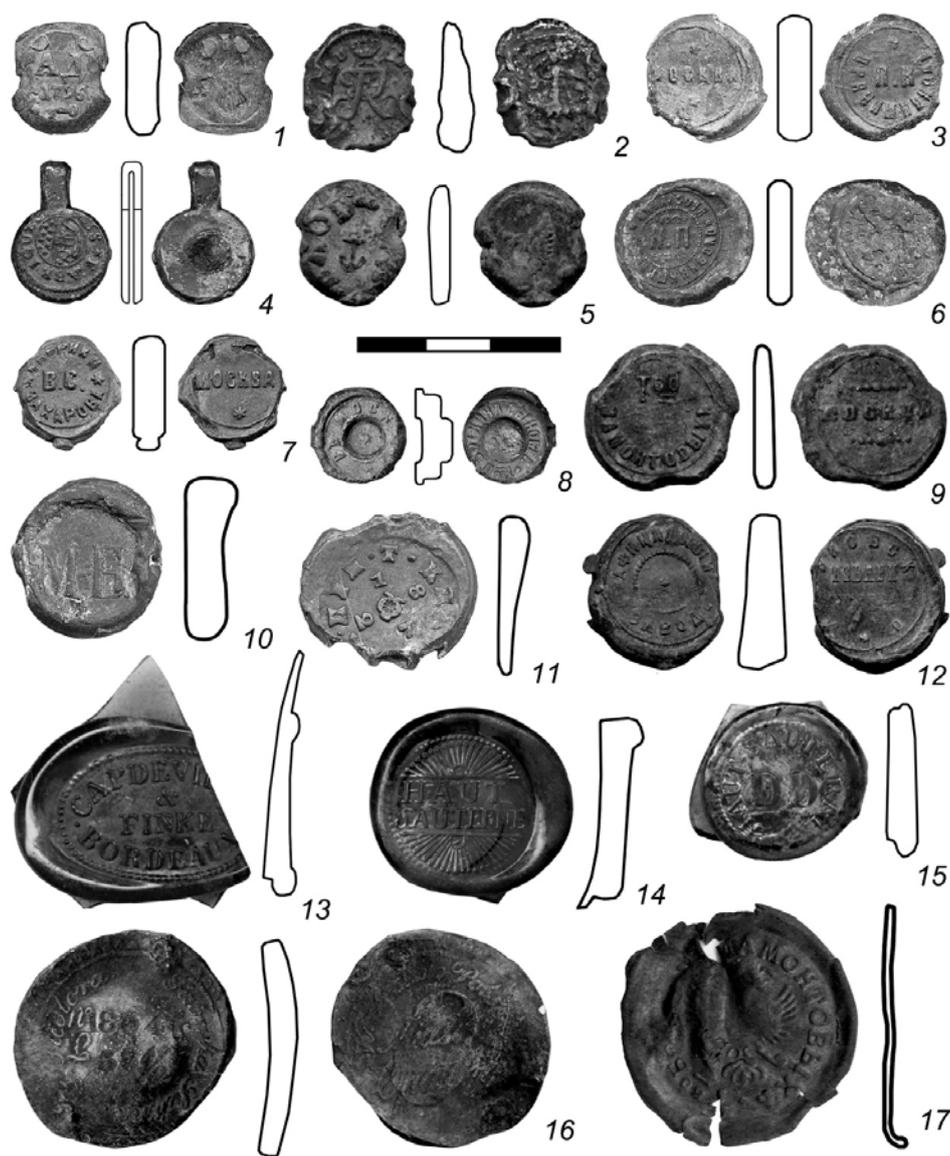

Рис. 2. Сфрагистическая коллекция Базарного раскопа: 1, 10, 11 — свинцовые пломбы с буквенными аббревиатурами и серийными номерами; 2, 4, 5 — свинцовые пломбы с латинскими надписями; 3 — свинцовая пломба, принадлежавшая фирме купца П.К. Прянишникова; 6 — свинцовая пломба фирмы купца П.И. Оловянишникова; 7 — свинцовая пломба фирмы В.С. Захарова; 8 — свинцовая пломба, принадлежавшая Товариществу чайной торговли сыновей П. Боткина; 9, 17 — свинцовая и медная пломбы торговой организации Мамонтовых; 12 — свинцовая пломба рафинадного завода И.Г. Харитоненко; 13–15 — пломбы на стеклянных бутылках французского вина Сотерн; 16 — свинцовая пломба фабрики Г.Г. Фидлера.

Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске

На тобольском рынке торговали чаем, кофе, сахаром, о чем свидетельствуют две свинцовые пломбы в коллекции Базарного раскопа. Одна из них принадлежит Московскому товариществу чайной торговли сыновей П. Боткина (рис. 2, 8), основанному их отцом еще в начале XIX в. и осуществлявшему по всей стране крупнооптовую и розничную продажу рафинада, сахарного песка, кофе, китайского, цейлонского и лондонского чая [Петра Боткина сыновья...]. Другая пломба относится к крупнейшему Павловскому рафинадному заводу второй половины XIX — начала XX в. в Сумах (Украина), владельцем которого являлся И.Г. Харитоненко [К 185-летию...] (рис. 2, 12).

В торговых рядах нижнего посада также была широко представлена продукция шерстокачких и суконных фабрик второй половины XIX в., на что указывают надписи на найденных в Базарном раскопе свинцовых пломбах. Например, из Москвы везли разного вида ткани фирм В.С. Захарова (рис. 2, 7), Р.Д. Мартынова, Т.И. Самцова [Стадников...], из Санкт-Петербурга — сукно фабрики Георга Генриха Фидлера [Указатели...] (рис. 2, 16), из Воронежской губернии — товары завода И.П. Бутикова, занимавшегося шерстоткачким, набивным и красильным производством [Бутиков...]. На одной из пломб указан торговый дом И.С. Решетникова, продававший разнообразные мануфактурные изделия, в том числе ткани [Тайны...]. Обнаружена также пломба, указывающая на принадлежность к деятельности купца П.К. Прянишникова (рис. 2, 3), являвшегося владельцем писчебумажных фабрик в Тверской губернии и Москве во второй половине XIX в., издававших в основном художественную литературу и торговавших бумажной пряжей [Петр Козьмич Прянишников...].

Кроме того, в материалах Базарного раскопа присутствуют три пломбы фирмы XIX в. купца П.И. Оловянишникова (рис. 2, 6), владевшего большим колоколотейным заводом в Ярославле и фабрикой церковной утвари в Москве [Оловянишниковы...]. Еще на двух свинцовых пломбах, принадлежавших, судя по латинским надписям, иностранным организациям, стоят отметки о перевозке товара водным транспортом в виде якоря или корабля под звездным небом (рис. 2, 2, 5). Остальные сфрагистические находки плохой сохранности, на некоторых из них удалось расшифровать либо место производства опломбированных товаров — Москва, Иркутск и др., либо их серийные номера, либо изображения символа государства — двуглавого орла, увенчанного короной, с регалиями в лапах, либо буквенные аббревиатуры (рис. 2, 1, 10, 11).

В культурном слое торжища собрано несколько тысяч обломков фарфоровой и фаянсовой посуды. Это напрямую указывает на то, что Тобольск являлся одним из основных сибирских центров ее поступления. Судя по 85 клеймам, обнаруженным на черепках, изделия из фарфора и фаянса были отечественного производства, но разных фабрик, располагавшихся в Московской губернии. Анализ марок позволяет говорить, что в торговых рядах нижнего посада преобладала продукция фабрики Г.А. Маркова (32 экз.) (рис. 3, 3–7), затем — заводов Кузнецовых (20 экз.) (рис. 3, 1, 2), функционировавших во второй половине XIX в. [Матвеев и др., 2011, с. 122–123]. Лишь несколько обломков блюдец имеют клейма предприятий Гарднера и П. Фомина первой половины XIX в. [Мусина, 1995, с. 17, 62]. Кроме того, на площади Базарного раскопа зафиксированы остатки сгоревшей посудной лавки, основу заполнения которой составил фарфоровый и фаянсовый бой, перемешанный с грунтом коричневого цвета и вкраплениями угля, а также куски спекшегося бисера и более 20 экз. щитковосрединных перстней разного размера, но с одинаковой растительной розеткой в центре щитка. Лавка, скорее всего, принадлежала фабрике Г. Маркова, так как на некоторых черепках присутствуют фрагменты марок этой организации.

Таким образом, изучение клейм и пломб коллекции Базарного раскопа позволяет говорить, что в географии экономических связей Тобольска доминировало западное направление. Превалирующая часть пломб принадлежит торговым организациям XIX в., которые преимущественно находились на территории России, что свидетельствует об оживленности торговли в это время на нижнем посаде города и о достаточно высокой покупательной способности тоболяков. Из анализа данных исторических источников следует, что по мере развития тобольского рынка происходило расширение ассортимента как импортных, так и местного производства товаров, необходимых для активного обмена. В первой четверти XVII в. в первой российской столице Сибири предметы домашнего и личного обихода практически не производились и привозились из Европейской России и Средней Азии [Вилков, 1978]. С возникновением мелкотоварного производства, прежде всего кожевенного, многие привозные товары стали вытесняться местными, продаваемыми и в других сибирских городах и деревнях, что привело к укреплению и расширению торговых связей Тобольска. Так, например, в конце XVII — начале XVIII в. появились не-

большие предприятия в винокурении, стекльно-фаянсовом и суконном производствах, крупные кожевенные заводы, ориентированные на внутренний и внешний рынок [Вилков, 1967, с. 25–61]. В конце XVIII — XIX в. также действовали салотопенные, клееварные и свечные заведения, получила развитие писчебумажная промышленность [Бочанова, 1978; Копылов, 1973].

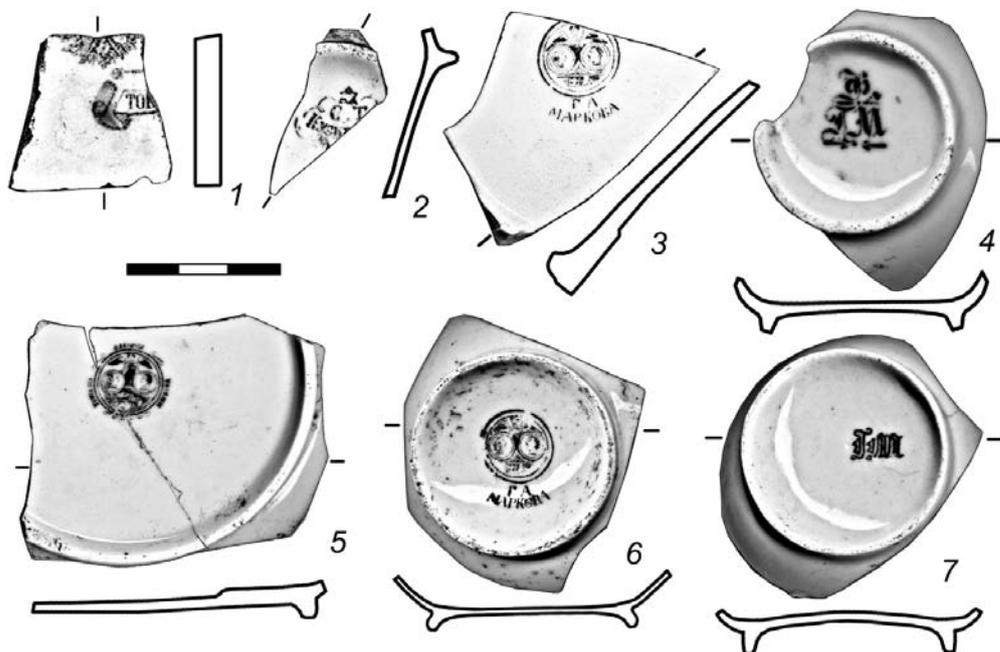

Рис. 3. Клейма на обломках фарфоровой посуды из Базарного раскопа: 1, 2 — фрагменты марок заводов Кузнецовых; 3–7 — марки фабрики Г. Маркова.

Подводя итоги, можно с уверенностью говорить, что судя по материалам археологических исследований — многочисленным предметам коллекции Базарного раскопа — на протяжении XVIII–XIX вв. на территории нижнего посада Тобольска существовало торжище, где располагались частные лавки и шла активная розничная торговля. В основном здесь продавали российские, в том числе местного производства, товары, которые, скорее всего, были не дорогостоящие: обнаружены монеты мелкого номинала. Преобладала продукция легкой промышленности, фарфорово-фаянсового производства, а также некоторые виды продовольствия (вино, сахар, чай, кофе и т.п.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аношко О.М., Игнатов С.В. О торговле в Тобольске в XVIII–XIX в. по археологическим и историческим данным // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 76–87.
- Белецкий С.В. Сфрагистика // Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие. СПб., 2003. С. 248–367.
- Бородовский А.П., Горохов С.В. Методика изучения нумизматических коллекций сибирских городов и острогов (по материалам Мангазеи и Умревинского острога) // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Наука, 2011. С. 38–48.
- Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири второй половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1978. 393 с.
- Бутиков И. Товарищество мануфактур [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mailboz.com.ua/istoriya-biznesa/butikova-i-tovarishhestvo-manufaktur.htm>.
- Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 5–46.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 316 с.
- Вилков О.Н. Торговые помещения городов Сибири в XVII в. // Городская культура Сибири: История, памятники, люди. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. С. 8–24.

Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске

- Гладкий В.Д.* Словарь нумизмата. М.: Центрполиграф, 2006. 377 с.
- Горохов С.В.* Информационный потенциал нумизматических коллекций Умревинского острога и Мангазеи // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 219–228.
- Еманов А.Г.* Южнонемецкий жетон в Сибири // Тюм. ист. сб. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 11. С. 130–132.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. шк., 1974. 264 с.
- Коньков Н.Л.* Имеет хождение в Сибири: Из истории нумизматики и денежного обращения в Сибири. [Б.м.]: Изд-во обществ. фонда «Возрождение Тобольска», 2001. 344 с.
- Копылов Д.И.* Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Свердловск, 1973.
- Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П.* Тобольск. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. 264 с.
- К 185-летию со дня рождения Ивана Герасимовича Харитоненко* // Официальный сайт пресс-службы Сумской епархии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthodoxsumy.narod.ru/history.htm>.
- Лобанов Григорий Романович* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.venevara.ru/karl.htm>.
- Мамонтовы, старинный торговый род* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=7212&abc=1.htm>.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф.* Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 116–125.
- Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 гг. М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Мельникова А.С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII в. М.: Стрелец, 2005. 320 с.
- Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Деньги России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М.: Стрелец, 2000. 226 с.
- Милищенко О.А.* Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (на примере бассейна реки Тара). Омск: ОмГАУ, 2004. 135 с.
- Моренков Дмитрий Павлович* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://rosgenea.ru/?alf=13&serchcatal=%CC%E0%E5%ED%EA%E2&r=4.htm>.
- Мусина Р.Р.* Марки российского фарфора (1744–1917 гг.). М.: Знание, 1995. 80 с.
- Оловянишниковы* // Ярославский край [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.yaroslavskiy-kray.com/favicon.htm>.
- Петра* Боткина сыновья // Академик: Энцикл. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/moscow.htm>.
- Петр* Козьмич Прянишников // Форум союза возрождения родословных традиций [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://forum.svrt.ru/favicon.htm>.
- Пушкарев А.А.* Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: Историографический обзор // Вестн. ТГУ. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. Вып. № 6 (26). С. 130–134.
- Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1992. 154 с.
- Спасский И.Г.* Русская монетная система. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1957. 294 с.
- Спасский И.Г.* Счетные жетоны // Исторический памятник русского полярного мореплавания XVII в. М., Л., 1951. С. 130–138.
- Соболева Н.А.* О методике изучения сфрагистического материала XV–XVIII вв.: (Историографические заметки) // ВИД. Л., 1976. Т. 8. С. 132–150.
- Стадников А.В.* Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX — начало XX в.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/index.htm>.
- Тайны* Решетникова пруда // Одинцово — новые рубежи [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.odintsovo.info/favicon.htm>.
- Тальская О.С.* Уральские и сибирские монеты. Свердловск, 1959. 41 с.
- Уздеников В.В.* Монеты России 1700—1917. М.: Финансы и статистика, 1986. 500 с.
- Уздеников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917 гг. М.: Межнумизматика, 1995. 170 с.
- Указатели* к содержанию (1761–1775 гг.) // Газета XVIII века «Санкт-Петербургские Ведомости» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ved.infotec.ru/font-weight:bold;color:white.htm>.
- Харинский А.В.* Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят XVIII–XIX вв. // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток, 2001. С. 273–276.
- Хроника* развития Мишеронского завода Костеревых: Краеведческий сайт г. Шатура и Шатурского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://share.yandex.ru/go.xml?service=vkontakte&url=http%3A%2F%2Fwww.shaturyane.ru%2Fsettlements-misheronsky-glassworks.htm>.

О.М. Аношко, С.В. Игнатов

Щелоков А.А. Монеты СССР. М.: Финансы и статистика, 1986. 190 с.

Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 294 с.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в.; Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998.

*Тюмень, ИПОС СО РАН

okanoshko@yandex.ru

**Тюменский государственный университет

semaign@gmail.com

Subject to consideration being numismatic and sphragistic materials from the Bazarnyi (market place) excavation laid at the market place of the lower suburb in Tobolsk. The paper gives a detailed description of the coins, determining place of their coinage, time of issue, nominal value, as well as distinctions of their planigraphic and stratigraphic distribution in the pit. The analysis of lead and copper seals, as well as stamps on the glassware, chinaware and crockery allowed to enlarge ideas of traded goods and their manufacturers.

Tobolsk, lower suburb, market place, coins, counters, lead and copper seals, stamps on the glassware, chinaware and crockery.

АНТРОПОЛОГИЯ

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА УСТЮГ-1¹

С.М. Слепченко, О.Е. Пошехонова

*Представлены результаты палеопатологического исследования костного материала из ранне-средневекового могильника IV–VI вв. н.э. Устюг-1. Установлено, что состояние здоровья людей, погребенных в могильнике, было удовлетворительным, об этом свидетельствует небольшое число патологий. Отсутствие воспалительных проявлений на костях, наличие лишь одного случая слабого проявления *cribra orbitalia* показывает приемлемое санитарное состояние места жительства и достаточно высокую сопротивляемость инфекциям, что сложно обеспечить без надлежащего питания и т.п. Трудовые нагрузки у мужчин не превышали физиологические, для женщин зафиксированы как малые, так и большие степени нагрузок, что, возможно, указывает на их разный социальный статус. Отмечено сходство по степени и типу физических нагрузок с саргатской группой раннего железного века, нагрузки не превышали пороговых значений и приходились в основном на верхние конечности. Традиция изменения формы головы в данной популяции, вероятно, явилась причиной высокой частоты внутричерепной гипертензии, а также краниосиностоза у детей. Наличие травм осевого скелета и свода черепа может указывать на напряженную, изобиловавшую конфликтами межплеменную обстановку, а практически полное отсутствие травм лицевого отдела — на благоприятные внутригрупповые взаимоотношения.*

Западная Сибирь, раннее средневековье, палеопопуляция, палеопатология, состояние здоровья, физическая активность.

В последние десятилетия всесторонний анализ палеоантропологического материала проводится с обязательным привлечением палеопатологических данных, полученных с использованием методов смежных дисциплин, в том числе медицинской науки. Фиксация маркеров физиологического стресса, травм и проявлений заболеваний на костях людей, органично дополняя классическое палеоантропологическое исследование, позволяет более полно реконструировать социальную и биологическую среду обитания древних обществ.

Не меньший интерес исследование палеоостеологического материала представляет в научно-медицинском отношении, позволяя на основе анатомо-антропологического и патологического изучения костей показать многообразие вариантов нормы и патологии, проследить географическую распространенность болезней древнего человека, выявить механизмы адаптации к меняющимся условиям внешней среды. Поэтому для науки в целом и антропологии в частности весьма ценны новые данные, полученные из регионов, в которых такие исследования ранее не проводились или были единичными, например с юга Западной Сибири. Палеопатологический анализ в совокупности с классическим краниологическим исследованием показали высокую эффективность при изучении палеоантропологического материала раннего железного века, относящегося к саргатской культуре [Багашев, 2000; Ражев, 2009]. Такой подход позволил не только определить антропологический тип и остеологическую конституцию саргатского населения, но и выявить различные морфотипы физической активности у мужского и женского населения исходя из анализа остеологических маркеров, реконструировать обыденные действия древнего населения. Также были изучены травмы, часть которых определена как боевые. Раннесредневековый материал из Притоболья, который анализируется впервые на предмет палеопатологий, происходит с той же территории, что и саргатские выборки, и хронологически следует за ними.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири», Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и санологического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», и гранта РФФИ 13-06-00158.

Объектом данного исследования является палеоантропологический материал IV–VI вв. н.э. бакальской культуры, полученный при раскопках могильника Устюг-1. Могильник расположен на левом берегу р. Тобола близ г. Заводоуковска Тюменской обл., в 3 км от с. Старо-Лыбаево [Матвеева, 2012; Матвеева, Пошехонова, 2013]. В 2009–2012 гг. исследовался Н.П. Матвеевой.

Цель палеопатологического исследования — дать характеристику состояния здоровья популяции, оставившей могильник Устюг-1, установить тип физической активности населения.

Материалы и методы

Исследовались костные останки 30 погребенных, из них 10 мужчин, 7 женщин, 9 подростков и детей; пол остальных 4 взрослых индивидов не известен ввиду крайней фрагментарности материала и отсутствия каких-либо маркеров. Пол 4 индивидов из 10 определен как мужской лишь предположительно.

При изучении выборки применялась комплексная методика. Палеопатологический анализ проводился по программе, используемой в группе физической антропологии Института археологии РАН [Бужилова и др., 1998] с привлечением руководства по исследованию антропологических останков [Buikstra, Ubelaker, 1994; Ortner, Putschar, 1985]. Для изучения суставных поверхностей использована модифицированная Д.И. Ражевым система балльной оценки дегенеративно-дистрофических изменений, основанная на данных Крабези [Crubezy, 1988] (подробнее см. далее). Регистрация узлов Шморля осуществлялась по Д.И. Ражеву. Травмы на костном материале описывались в соответствии с руководствами судебной медицины [Судебная медицина, 1990].

Проведен остеоскопический анализ на предмет выявления маркеров физиологического стресса и патологий. Определялось наличие патологических изменений на скелетах по следующим категориям заболеваний:

- а) дистрофические изменения позвоночника и крупных суставов;
- б) воспалительные изменения;
- в) травмы и посттравматические изменения;
- г) опухолевые образования;
- д) болезни кровеносной и кроветворной систем
- е) аномалии развития

Результаты исследования

В группу *дистрофических изменений позвоночника* вошли следующие нарушения, признаки которых возможно зафиксировать при палеопатологическом исследовании: остеохондроз позвоночника, спондилез, грыжи Шморля и спондилоартроз. П.Л. Жарков [1994] помещает вышеуказанные патологии вместе с некоторыми другими изменениями в группу локальных дистрофических поражений позвоночника. Наиболее полно позвоночный столб сохранился лишь у одного индивида мужского пола из погребения 1 кургана 1, у двух мужчин и одной женщины (кург. 4, погр. 1; кург. 26, погр. 1; кург. 2, погр. 2, инд. 1) позвоночник представлен отдельными сегментами. Еще у двух погребенных для исследования оказались доступны лишь фрагменты и единичные целые позвонки грудного и поясничного отделов. Это костные останки женщины 20 лет из погребения 3 кургана 29 и мужчины 40–50 лет, захороненного в могиле 2 кургана 2. Сохранность остального массива палеоантропологического материала не позволила провести наблюдения палеопатологических маркеров на позвонках.

Остеохондроз позвоночника — дистрофическое изменение в фазе хондроза как межпозвоночного диска, так и прилежащих тел позвонков. Остеоскопически это проявляется специфическими краевыми костными разрастаниями, а рентгенологически — субхондральным остеосклерозом [Жарков и др., 2001]. *Спондилез*, или ограниченное обызвествление передней продольной связки, начинается с отрыва ее от тела позвонка, как правило, в одном или двух сегментах шейного или поясничного отдела позвоночника выпячивающимся межпозвоночным диском в момент физического перенапряжения у лиц молодого возраста при «чрезмерных амплитудах движения позвоночника или перегрузках», когда пульпозное ядро еще сохраняет эластичность [Жарков и др., 2001, с. 58]. Ввиду того что остеохондроз и окостенение передней продольной связки — это проявления одного дистрофического изменения позвоночника, и, как правило, патогенетически связанные, при оценке краевых костных разрастаний, расположенных по контурам позвонков, учитывают их локализацию и направленность. По балльной системе суммарно оценивается размер остеофитов (1 — 1–3 мм; 2 — 3–10 мм; 3 — более 10 мм; 4 — образование клювовидных наростов и анкилоза позвонков) и проявления остеохондроза (1 — слабое; 2 — среднее; 3 — резкое).

Патологические проявления на палеоантропологическом материале...

При исследовании позвонков определено, что наибольшие дистрофические изменения наблюдались у мужчины 45–55 лет, захороненного в погребении 1 кургана 26. У него зафиксированы остеофиты как горизонтальной, так и вертикальной направленности по отношению к оси позвоночника, развитие остеофитов Т9–Т12 оценено в 1 балл, уменьшения высоты позвонков при этом не отмечено. Размеры остеофитов двух верхних поясничных позвонков оценены в 2 балла, III–V поясничных позвонков — в 3 балла, здесь зафиксировано уменьшение высоты тел позвонков. Проявления остеохондроза грудного и поясничного отделов позвоночника можно обозначить величиной в 1 и 3 балла соответственно.

У мужчины, погребенного в первой могиле кургана 1, отмечено некоторое уменьшение высоты позвонков лишь в сегментах Т7–Т8 и L4–L5 с развитием остеофитов в 2 и 3 балла соответственно. В то же время дистрофические проявления в других отделах позвоночника оценены как слабые. Причины, по которым поражения нижних поясничных позвонков преобладают над изменениями в остальных сегментах, изложены в некоторых публикациях. Так, А.П. Николаев и И.Л. Тагер указывают на преобладание нагрузки на данные сегменты поясничного отдела позвоночника при «всевозможных вращениях и изгибах туловища, при подъеме и переносе тяжестей, а также у субъектов с избыточным весом» [Косинская, 1961, с. 116]. Кроме того, у данного индивида между пятым и шестым грудными позвонками обнаружен неосустав, образованный остистым отростком Т5 и областью основания остистого отростка Т6. На единичных грудных позвонках поясничного отдела позвоночника мужчины 40–50 лет (кург. 2, погр. 2) зафиксированы остеофиты величиной в 2 балла.

Примечательно, что у женского костяка (около 20 лет; погр. 3 кург. 29) с сохранившимися позвонками грудного и поясничного отделов имелись краевые костные разрастания величиной в 2 балла. Такое резкое развитие дистрофического процесса в этом возрасте может косвенно указывать на тяжелые физические нагрузки у молодой женщины. Вместе с тем у мужчины примерно такого же возраста (25–35 лет; погр. 1 кург. 4) и другой женщины (около 20 лет; погр. 2 кург. 2) дистрофический процесс на позвонках шейного отдела, единичных грудных и поясничных позвонках не выходил за пределы возрастной нормы.

Особой формой дистрофических изменений позвоночного столба являются *грыжи тел позвонков (грыжи Шморля)*. При этом множественность процесса, захватывающего все отделы позвоночника, как правило, указывает на спондилодисплазию, локальность же процесса (с единичными узлами) является следствием обычной (повседневной) длительной нагрузки на позвоночник. При такой нагрузке возникает микротравматизация с развитием дефекта замыкательной пластинки площадок позвонков. При повышенной нагрузке вышеописанный процесс резко ускоряется и студенистое ядро с сохранившимся тургором проникает через измененную замыкательную гиалиновую пластинку в губчатую ткань площадок тел позвонков, что может быть зафиксировано при палеопатологическом исследовании древних костяков [Косинская, 1961, с. 147]. При исследовании различались узлы Шморля задние, центральные и другие:

- 1 — небольшая депрессия — d до 2 мм, h 1–2 мм;
- 2 — средняя депрессия — d 2–4 мм, h 2–3 мм;
- 3 — большая депрессия — $d \geq 5$ мм, $h \geq 4$ мм;
- 4 — очень обширная депрессия — $S \geq 1$ –2 см и/или очень глубокая.

Узлы Шморля зарегистрированы дважды. В первом случае у мужчины, захороненного в погребении 1 кургана 1, обнаружены центральные узлы Шморля в 4 балла на верхней площадке Т4 и на нижней площадке Т6. Во втором случае у мужского костяка из захоронения 1 кургана 26 также имелась центральная депрессия величиной в 4 балла на верхней площадке L2 и на нижней площадке L3–L5 позвонков.

Подобная локализация узлов Шморля и локальность поражения позвоночного столба может свидетельствовать о значительной нагрузке на грудной отдел позвоночника у первого индивида и на поясничный отдел во втором как причине возникновения грыж позвонков.

Проявления *спондилоартроза* зафиксированы у четырех индивидов. У мужчины 30–40 лет из погребения 1 кургана 1 на всех среднегрудных позвонках (Т6–Т9) на реберно-поперечных суставах имеются выраженные проявления спондилоартроза с краевыми костными разрастаниями до 1,5–3 мм. Второй случай зарегистрирован у мужчины, погребенного в могиле 1 кургана 26. На IX–XII грудных позвонках выявлены изменения в виде значительной деформации суставных поверхностей и краевых костных разрастаний по контуру суставных отростков, выражающиеся в развитии артроза реберно-позвоноковых суставов. Кроме того, на IX–X позвонках

такие же изменения наблюдаются в реберно-поперечных суставах. У этого же индивида проявления спондилоартроза значительной степени зафиксированы на дугоотростчатых суставах. Выраженные признаки спондилоартроза дугоотростчатых суставов на фрагментах позвонков нижнего грудного и поясничного отделов позвоночника отмечены еще в двух случаях: у мужчины 40–50 лет (кург. 2, погр. 2, инд. 2) и женщины 20 лет (погр. 3 кург. 29), значительные дистрофические проявления на позвонках у которой в достаточно раннем возрасте, вероятно, указывают на значительные как статические, так и динамические физические нагрузки в женском труде. Однако немногочисленные данные по доступным для исследования позвонкам, скорее всего, не в полной мере отражают реальную ситуацию с физическими нагрузками и должны оцениваться с осторожностью.

При анализе элементов конечностей выявлены суставные изменения в виде *остеоартроза* — заболевания, возникающего в результате действия биологического и механического факторов, нарушающих баланс между процессами деградации и синтеза внеклеточного матрикса суставного хряща и субхондральной кости [Craemer, Houghberg, 1997]. Остеоартроз является полиэтиологическим заболеванием, однако во многих исследованиях приведены убедительные доказательства связи избыточной нагрузки на определенные суставы с повышенным риском развития остеоартроза, ассоциированной с определенными профессиями [Scott et al., 1999; Lane, Buckwalter, 1993; Panush, Lane, 1994].

Исследованию были подвергнуты трубчатые кости с хорошо сохранившимися суставными поверхностями. Эти кости относились к 7 скелетам, 6 из которых мужские и 1 женский. Модифицированная Д.И. Ражевым система балльной оценки дегенеративно-дистрофических изменений (ДДИ), основанная на данных Крабези [Crubezy E., 1988; Ражев, 2009], позволяет учитывать степень изнашивания суставных поверхностей и наличие/отсутствие краевых костных разрастаний. Состояние поверхностей оценивалось по следующим параметрам:

- отсутствие поражений (0 баллов);
- неровности суставной поверхности, пороз или небольшие (менее 2 мм) остеофиты (1 балл);
- остеофиты от 2 до 6 мм (2 балла);
- остеофиты более 6 мм, суставные края с кистами или без и/или наличие полировки сустава (3 балла);
- крайне резкая степень изменения суставных поверхностей, деформирующий артроз (4 балла).

Если среднее значение ДДИ превышает 1, то речь идет о перегрузках суставов (патологии). При групповом рассмотрении рассчитывался средний балл ДДИ суставной поверхности и доля суставных поверхностей с патологиями (%) [Ражев, 2009, с. 257]. По итогам исследования дистрофических изменений крупных суставов получены следующие результаты. Признаки остеоартроза выявлены в четырех случаях, приведем два из них. У мужчины из могилы 1 кургана 1 выявлен остеоартроз грудино-ключичных суставов средней (слева) и слабой (справа) степени. Остеоартроз данной локализации явление нередкое.

Грудино-ключичный сустав соединяет верхнюю конечность с туловищем, все движения в суставе совершаются исключительно синхронно с движениями верхней конечности. Данная анатомическая особенность при длительной и значительной нагрузке на верхние конечности приводит к дистрофическим изменениям, проявляющимся краевыми костными разрастаниями, узлами Поммера, кистовидной перестройкой суставной поверхности, их «шлифовкой». Значительная распространенность дистрофического поражения грудино-ключичного сустава отмечена при исследовании как современного населения, так и групп ранних эпох. При этом заболевание протекает доброкачественно, не вызывая болевого синдрома и ограничения подвижности [Рейнберг, 1964; Захаров, 1994].

Кроме того, выявлены слабые признаки остеоартроза правого плечелоктевого сустава у индивида 45–55 лет из погребения 1 кургана 26. Локализация поражения в этом суставе встречается относительно редко, а в данном случае, вероятно, связана с возрастными изменениями. Макроскопически поражения в суставе выражены в краевых костных разрастаниях до 2–3 мм, расположенных вокруг суставной поверхности локтевой кости.

В целом, оценивая количество и структуру дистрофических поражений крупных суставов в выборке, необходимо отметить, что данные изменения не характерны для этой группы и очень редки в ней. Наблюдается лишь некоторое увеличение частоты встречаемости дистрофических изменений крупных суставов верхних конечностей. Бесспорно, по малочисленным доступным

для исследования костей (и соответственно суставам) трудно судить об истинных значениях, но все же, в сравнении, например, с группами русских первопоселенцев Омского Прииртышья, дистрофических заболеваний крупных суставов у погребенных в могильнике Устюг-1 значительно меньше [Слепченко, Татаурова, 2012]. Низкая частота дистрофических поражений суставов, вероятно, свидетельствует об определенном типе хозяйствования, уровень нагрузок в котором не превышал физиологических значений.

Обращает на себя внимание значительное сходство степени дистрофических изменений суставов в раннесредневековой выборке Устюг-1 и в саргатских группах раннего железного века. В обоих случаях их среднегрупповой балл не достигает патологического уровня, близкая к пороговому значению степень изменений отмечена только для плечелоктевого сустава. Соответственно в этих группах наибольшая нагрузка приходилась на верхние конечности.

Примечательно, что проявлений специфических или неспецифических **воспалительных изменений** не обнаружено ни на костях посткраниального скелета, ни на черепаках. Достоверно выявить все специфические и неспецифические воспалительные изменения невозможно из-за невысокой частоты их костных осложнений и соответственно вероятности их фиксации при палеопатологическом исследовании. Но, учитывая полное отсутствие их признаков на достаточно представительном костном материале, можно полагать, что распространенность этой категории заболеваний в исследованной группе была достаточно низкой.

Травмы обнаружены в пяти случаях (инд. 1 и 2, погр. 1 кург. 1; инд. 1 и 3, погр. 4 кург. 25). Два из них зафиксированы у мужчины 30–40 лет, захороненного в первом погребении кургана 1. На задней поверхности черепа (на чешуе височной и затылочной кости) справа имеется косо вытянутое в переднезаднем направлении сквозное повреждение в виде практически прямой слегка наклонной щели, проникающей в полость черепа на всем протяжении (рис. 1). Длина сохранившейся части дефекта 49 мм, ширина 1–2 мм, края очень ровные, расположены под прямым углом к поверхности черепа, частично разрушены. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на целых участках края светло-коричневый и не отличается от окрашенности окружающей костной ткани. Эти признаки позволяют интерпретировать повреждение как разруб. Разруб начинается над правым сосцевидным отростком и доходит до середины боковой поверхности большого затылочного отверстия. Исходя из морфологии и локализации повреждения можно полагать, что удар был нанесен достаточно длинным острым оружием сзади, имел значительную силу и направленность сверху вниз. Вероятно, голова жертвы была несколько наклонена влево. Вследствие удара шейные мышцы оказались рассечены на большую глубину. Следы заживления не зафиксированы. Разруб черепа и сопутствующее ему рассечение мышц привели к смерти. У этого же индивида на фрагменте левого VI (?) ребра был зафиксирован консолидированный перелом — след давней травмы, не имевшей никакого влияния на жизнь.

На фрагменте правой лучевой кости женщины 30–40 лет из погребения 4 кургана 25 обнаружен заживший консолидированный перелом. Перелом локализован на границе средней и нижней трети правой лучевой кости, причиной был прямой удар по руке. Механизм образования такого перелома костей предплечья типичен при защите от прямого удара тупым предметом. При случайном падении перелом на данном участке кости маловероятен.

К этой же категории патологий были отнесены два дефекта костей черепа, зафиксированные у ребенка 8–10 лет из погребения 1 кургана 1 и у подростка 14–16 лет из могилы 4 кургана 25. Черепа обоих индивидов носят следы наложения мягкой повязки в раннем возрасте с целью придания голове особой формы. У ребенка из погребения 1 кургана 1 выявлена полная облитерация стреловидного шва — краниосиностоз. На левой теменной кости зафиксирован обширный дефект в виде отверстия овальной формы размерами 52×57 мм. Установлено, что эта депрессия является следствием трепанации — операции, проведенной с целью облегчения состояния ребенка с краниосиностозом, либо результатом лечения вдавленного перелома. Исследованию этого случая посвящена отдельная статья [Слепченко и др., 2013].

У подростка 14–16 лет, захороненного в погребении 4 кургана 25, как и в предыдущем случае, на левой теменной кости (в области лобного края) обнаружен дефект, проникающий в полость черепа, в виде отверстия (рис. 2). К сожалению, кости черепа фрагментированы, лобная и некоторые участки теменной кости отсутствуют, в том числе те, на которых находились края отверстия. Сохранился только задневерхний отрезок края дефекта, расположенный на теменной кости. Край в плане округлый, в сечении ровный, образует плоскость, составляющую с поверхностью теменной кости угол 15–20°. Цвет компактного вещества и спонгиозы светло-

коричневый, совпадает по оттенку с прилегающей костной тканью. Судя по имеющемуся краю, отверстие было достаточно обширным и распространялось на лобную кость, захватывая область, прилегающую к левому отрезку коронального шва, и, вероятно, участок левой височной линии. Нижний край повреждения располагался над чешуйчатым швом и, вероятно, захватывал часть теменного и клиновидного краев височной кости. Скорее всего, дефект имел форму овала, его размеры были ориентировочно 90х60 мм. Морфология повреждения позволяет интерпретировать его как сруб, при нанесении которого оказался отсечен довольно крупный фрагмент теменной кости. Ранение произошло при жизни. При нанесении удара жертва и нападавший, вероятно, находились в вертикальном положении. При этом нападавший располагался справа от объекта нападения, голова которого была обращена к агрессору правой стороной. Угол нанесения и расположение сруба могут указывать, что сруб прошел вскользь. Не исключено, что пострадавший в момент нанесения удара активно сопротивлялся нападавшему или убегал. Травма, нанесенная подростку, скорее всего, была смертельной. Следы заживления отсутствуют.

Рис. 1. Разруб на задней поверхности (на чешуе височной и затылочной кости) черепа мужчины 30–40 лет, захороненного в погребении 1 кургана 1.

Рис. 2. Сруб левой теменной кости на черепе подростка 14–16 лет, захороненного в погребении 4 кургана 25.

Патологические проявления на палеоантропологическом материале...

Доброкачественные **опухолевидные образования** костей в основном характеризуются локальным увеличением массы костной ткани. Так как доброкачественные опухоли чаще образованы клетками, сходными с исходной костной тканью, они имеют такую же, как и здоровая кость, сопротивляемость к разрушению в земле. Данное свойство отличает доброкачественную опухоль от злокачественной, следы которой в связи с низкой сопротивляемостью к разрушению в земле на костных останках остаются очень редко [Рохлин, 1965]. Опухолевое образование было обнаружено в одном случае. У мужчины 45–55 лет из погребения 2 кургана 2 на левом суставном отростке нижней челюсти имеется остеома (?) размером 8х6,5 мм, наличие которой могло создавать некоторые затруднения при жевании, вызывая болезненные ощущения.

Болезни кровеносной и кровеобразующей систем. Признаки анемии в виде поротического гиперостоза глазничной поверхности лобной кости (cribra orbitalia) обнаружены у женщины 20 лет (кург. 2, погр. 2, инд. 1). Данный признак может указывать на перенесенное в детстве серьезное заболевание, но не исключено, что cribra orbitalia явилась следствием периодов длительного голодания в раннем возрасте.

Аномалии развития. У мужчины, захороненного в погребении 1 кургана 1, выявлена spina bifida posterior occulta крестца, или не полное сращение задней дужки крестцовых позвонков (рис. 3). В настоящее время доказано, что большая часть несращения дужек позвонков относится к группе дисплазий [Николаев и др., 2006]. Эту патологию относят к малым аномалиям развития, которые не могут напрямую указывать на то или иное заболевание, но свидетельствуют о скрытом неблагополучии в здоровье данного индивида [Попов, 2004; Ходос, 1984].

Рис. 3. Spina bifida posterior occulta крестца (не полное сращение задней дужки крестцовых позвонков) у мужчины 30–40 лет, захороненного в погребении 1 кургана 1.

Заслуживают внимания выявленные случаи преждевременного срастания сагиттального шва на черепах трех детей. У ребенка 5–6 лет (кург. 28, погр. 2, инд. 1) зафиксирована преждевременная облитерация сагиттального и лямбдовидного швов. Швы срослись либо полностью, либо более чем наполовину. На сохранившихся фрагментах теменных и лобной костей отмечены следы прижизненной искусственной деформации черепа, выражающиеся в уплощенности лба, наличии предвенечного валика и позадивенечного вдавления. Лобная кость истончена, со стороны эндокрана отмечено значительное усиление рельефа — «пальцевые вдавления».

У второго ребенка, 4–6 лет (кург. 25, погр. 4, инд. 2), также выявлена прижизненная полная облитерация стреловидного шва. На костях черепа отчетливо фиксируются следы прижизненной искусственной деформации и «пальцевые вдавления». Преждевременная облитерация сагит-

тального шва и значительные «пальцевые вдавления» в сочетании с искусственной деформацией у ребенка 8–10 лет (погр. 1 кург. 1) подробно описаны в отдельной статье [Слепченко и др., 2013].

Так называемые пальцевые вдавления, являющиеся индикаторами высокого внутричерепного давления [Спиранский, 1988, с. 41], обнаружены при исследовании костей искусственно деформированных черепов мужчины 25–35 лет (погр. 1 кург. 4) и женщины 20 лет (погр. 3 кург. 29). Причиной развития внутричерепной гипертензии, наряду с другими этиологическими факторами, является уменьшение объема черепной коробки [Никифоров, Гусев, 2007]. Н.П. Маклецов [1974] отмечено, что искусственная деформация черепа совместима с нормальным состоянием здоровья, но при повышенном внутричерепном давлении могут наблюдаться симптомы расстройства центральной нервной системы. При исследовании краниологического материала из Саркела-Белой Вежи (X–XI вв.) Д.Г. Рохлиным [1965] обнаружен детский череп со следами проявления повышенного внутричерепного давления. На рентгенограмме черепа девочки отчетливо видна искусственная деформация мозговой капсулы. К таким же выводам пришла М.А. Балабанова [2006] при исследовании материалов позднесарматского могильника Хошеутово, в котором из 19 черепов 12 были искусственно деформированы.

Обращает на себя внимание повышенная частота преждевременной облитерации швов свода черепа у детей и повышенного внутричерепного давления, выраженного в «пальцевых вдавлениях», как у детей, так и у взрослых. Из 20 черепов и их фрагментов, доступных для исследования, искусственная деформация зафиксирована на 15. При этом 5 из 15 черепов имели следы проявления внутричерепной гипертензии, а на 3 детских черепах из этих пяти отмечен сагиттальный краниосиностоз. Не исключено, что подобная частота краниосиностоза и внутричерепной гипертензии в популяции связана с традицией изменения формы головы.

Заключение

Результаты исследования показали, что состояние здоровья людей, погребенных в могильнике Устюг-1, было удовлетворительным, об этом свидетельствует небольшое число патологий. Отсутствие воспалительных проявлений на костях, лишь один случай слабого выражения *cribra orbitalia* (маркер анемии как следствия плохого питания, инфекционных, паразитарных болезней и т.д.) показывает приемлемое санитарное состояние места жительства и достаточно высокую сопротивляемость инфекциям, что сложно обеспечить без надлежащего питания и т.п. Слабые проявления артроза на суставах и позвонках у мужчин, говорят о трудовых нагрузках, не превышавших физиологические. В то же время значительные дистрофические признаки на позвонках и суставах одной женщины и отсутствие таковых на позвонках и суставах другой говорят о больших как статических, так и динамических физических нагрузках у первой и слабых нагрузках либо их отсутствии у второй женщины. Данное наблюдение, возможно, указывает на их различный социальный статус. Отмечено сходство в степени дистрофических изменений суставов в саргатской группе раннего железного века и средневековой выборке Устюга-1, которые не превышали пороговых значений и приходились больше на суставы верхних конечностей. Соответственно можно констатировать сходный тип физических нагрузок в сравниваемых палеопопуляциях.

Традиция изменения формы головы, которая наблюдается у большей части группы, вероятно, явилась причиной высокой частоты внутричерепной гипертензии, а также краниосиностоза у детей.

Наличие травм осевого скелета и свода черепа может указывать на напряженную, изобиловавшую конфликтами межплеменную обстановку, в то же время практически полное отсутствие травм лицевого отдела говорит о благоприятных внутригрупповых взаимоотношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Балабанова М.А., Сычева А.В. Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 152–163.

Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. 260 с.

Жарков П.Л. Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей. М.: Медицина, 1994. 240 с.

Патологические проявления на палеоантропологическом материале...

- Жарков П.Л., Жарков А.П., Бубновский С.М. Поясничные боли. М.: Оригинал, 2001. 143 с.
- Захаров Б.И. К антропологии населения Западной Сибири эпохи неолита // Археологические микро-районы Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. С. 170–174.
- Косинская Н.С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата. Л.: Медгиз, 1961. С. 102–110.
- Маклецова Н.П. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 165–172.
- Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // АВ ORIGINE. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 38–75.
- Матвеева Н.П., Пошехонова О.Е. Половозрастной состав захоронений могильника Устюг-1 и особенности погребальной практики // Вестн. угроведения. Ханты-Мансийск. 2013. № 1 (12). С. 125–131.
- Никифоров А.С., Гусев Е. И. Общая неврология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. С. 438.
- Николаев К.Ю., Отева Э.А., Николаева А.А. и др. Дисплазия соединительной ткани и полиорганная патология у детей школьного возраста // Педиатрия. 2006. № 2. С. 89–91.
- Попов И.В. Малые аномалии развития: Их место в системе современного врачевания: (Клинико-теоретическое исследование). СПб.: Виконт, 2004. 165 с.
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 257 с.
- Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медицина, 1964. 503 с.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.: Наука, 1965. 302 с.
- Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатология русских первопоселенцев Омского Прииртышья (по данным могильника Ананыно I) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 92–101.
- Слепченко С.М., Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 58–66.
- Спиранский В.С. Основы медицинской краниологии. М.: Медицина, 1988. 266 с.
- Судебная медицина / Ред. В.Н. Крюков. М.: Медицина, 1990. 448 с.
- Ходос Х.Г. Малые аномалии развития и их клиническое значение. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 88 с.
- Buikstra J., Ubelaker D.H. (eds) Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeol. Survey Research Series No. 44. 1994.
- Craemer P., Houghberg M.C., Osteoarthritis // The Lancet. 1997. P. 503–509.
- Crubezy E. Interactions entre facteurs bioculturels, pathologie et caracteres discrets. Exemple d'une population medievale: Canac (Aveyron): These de Medecine. Universite de Montpellier 1, 1988. 236 p.
- Lane N.E., Buckwalter J.A. Exercise: A cause of osteoarthritis? Rheum. Dis. Clin. N.A., 1993. 19. P. 617–633.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1985. 488 p.
- Panush R.S., Lane N.E. Exercise and the musculoskeletal system // Ballier's Clin. Rheumatol. 1994. 8. P. 79–102.
- Scott J.C., Lethbridge-Cejku M., Hochberg M.C. Epidemiology and economic consequences of osteoarthritis. The American viewpoint // J.-Y. Reginster, J.-P. Pelletier, J. Martel-Pelletier, Y. Henrotin (eds). Osteoarthritis. Clinical and experimental aspects. Springer, 1999. P. 20–38.

Тюмень, ИПОС СО РАН
s_slepchenko@list.ru
poshehonova.olg@gmail.com

The article presents the outcome of a paleoanthropological investigation of osteological material from the early medieval burial place of Ustyug-1 of IV–VI cc. A.D. It is determined that health state of the people buried in that place was quite satisfactory, as evidenced by a small number of revealed pathologies. Lack of bone inflammations, with the only case of the minor manifestation of cribra orbitalia, points to acceptable sanitary conditions of that dwelling place and pretty high body resistance, which is difficult to ensure without proper meal, etc. Workloads for males did not exceed physiological ones, while for females they recorded both minor and major ones, which might point to their different social status. Subject to observation being similarity in the extent and type of physical loads with the Sargatka group of early Middle Ages, which did not exceed threshold values and oftener fell on upper limbs. A tradition of changing head shape with that population group might be due to high frequency of intracranial hypertension and craniosynostosis with babies. The availability of traumas of axial skeleton and cranial vault might point to tense intertribal situation abounded with conflicts. At the same time, almost total absence of traumas in the facial part might point to favourable intragroup relations.

West Siberia, early Middle Ages, paleopopulation, paleopathology, health state, physical activity.

К ВОПРОСУ О ДЕКАПИТАЦИИ В ДВИНЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЧЕРЕПОВ ИЗ АРМЕНИИ

А.Ю. Худавердян, Ф.С. Бабаян, Н.Г. Акопян, А.С. Жамкочян

Предложена реконструкция событий жизни и смерти трех индивидов. На черепахах наблюдались нарушения целостности костей, связанные с травматическими последствиями. У всех исследованных индивидов обнаружены инфекционные заболевания (лепра, периостит, гайморит). Исследованные индивиды относились к социальному слою, представители которого испытывали недостаток в необходимых продуктах. Люди с физическими недостатками, инфекционными заболеваниями воспринимались обществом как существа неполноценные, а потому не заслуживающие внимания.

Армения, Двин, средневековье, декапитация, травмы, инфекционные заболевания.

Развалины крупнейшего культурного и торгово-ремесленного центра, столицы средневековой Армении Двина находятся в 35 км к югу от Еревана. «Дувий — страна очень плодоносная, имеет благорастворенный воздух и хорошую воду; отстоит от Феодосиополя на восемь дней пути. Тут поля ровные, способные к конской езде; многоядные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами, потому что из Индии, из соседственной Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют» [Прокопий Кесарийский, 1993, с. 181–182]. В центре города возвышалась неприступная цитадель с мощными глиняными стенами и 44 башнями. Цитадель опоясывал наполненный водой ров, а перекинутые через него мосты соединяли ее с городскими кварталами. Город также окружали мощные крепостные стены, следы которых сохранились по сей день.

В IV–VIII вв. в Двине происходят большие экономические и политические перемены. В Армении складываются довольно развитые феодальные производственные отношения. В руках знати концентрируются пахотные земли и пастбища. Появляется феодальная собственность на землю и воду (речные каналы). Формирующиеся классы феодалов и зависимых крестьян образуют сословия свободных («азатов») и несвободных («аназатов»). После падения династии Аршакидов (428 г.) Армения управлялась марзпанами.

В V–VI вв. в Армении имели место три крупных восстания против персидского владычества. Благодаря этим восстаниям она сохранила самостоятельность и возможность культурного и экономического развития. В V–VII вв. в Армении наблюдается резкий подъем культуры. Формируются армянская письменность и литература, ставшие основой духовной культуры и средством сохранения самостоятельности страны.

В 640 г. арабы впервые вторглись в Армению и осенью этого же года захватили и разграбили Двин и увели в рабство 35 тыс. чел. Это событие подробно описано Себеосом: «Наконец они перешли по мосту Мецамор, опустошили всю страну, собрали пленников и очень много добычи и пошли, расположились лагерем у опушки леса Хосровакерта. На 5-й день они повели наступление на город (Двин). Город был ими взят, ибо они развели костры вокруг города; стражу, находившуюся на стенах, они отогнали дымом и метанием стрел; установили лестницу, взошли на стены и, бросившись внутрь города, открыли городские ворота. Тогда вражеские войска хлынули внутрь, перебили множество жителей, взяли награбленную добычу, вышли вон и расположились в том же своем лагере. Это произошло 20-го месяца трэ, в пятницу» [1939, с. 93].

В конце VII — начале VIII в. арабы создали свою северную провинцию «Арминия», центром которой становится Двин. Армянский историк VIII в. Гевонд отмечает: «Он вновь построил город Двин сильнее и обширнее по величине, чем он был раньше, укрепил его воротами и запорами, окружил городские стены вырытым рвом и наполнил его водой для защиты крепости» [1982, с. 36]. Двин был единственным городом в Армении, который сохранял роль крупного центра ремесленного производства и торговли, хотя его рост значительно замедлился. Новый подъем торговли и хозяйства Двина начинается в середине IX в., когда вся страна освобождается от

К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов ...

арабского ига. Этот подъем продолжался до середины XIII в., когда Двин был окончательно разрушен нашествием монголов.

В ходе раскопок 1979 г. подвального помещения здания IX в., к западу от колонного зала, обнаружены остатки сасанидского храма огня с прямоугольным, выложенным туфом алтарем (1,5×1,5 м). В центре алтаря имеется квадратное углубление — здесь возвышался каменный постамент, на котором горел в чаше священный огонь [Кафадарян, Калантарян, 2002]. Факт существования в Двине капищ огнепоклонников засвидетельствован также историками [Себеос, 1939, с. 67; Меликсет-Бек, 1955; Гандсакеци, 1961, с. 34]. Иногда этот культ принимал зловещие формы. Царскому священному огню Сасанидов в храме Анахиты в Истахре приносились человеческие жертвы. В парфянское время божееству огня в зороастрийском храме Адиабены раз в году жертвовали младенца [Лелеков, 1991].

В исторической науке долгое время преобладало мнение, что человеческое тело относится к сфере природы, а не культуры. Однако тело имеет свою историю, являющуюся частью истории глобальной. Древние люди полагали, что в голове находятся мозг, душа и жизненная сила человека. Весьма распространенная в древности и средневековье практика обезглавливания свидетельствует о вере в особую важность головы. Охота за головами вдохновлялась стремлением уничтожить личность и силу чужака, жертвы или врага. Обладание черепом побежденного часто означало присвоение победителем его достоинств [Stahl, 1986].

Как известно, местная сакральная практика допускала в отдельных случаях человеческие жертвоприношения. Но эти сведения относятся к довольно давним событиям [Худавердян и др., 2013, с. 87–88]. Позднее, к исходу архаического периода и тем более — к рассматриваемому времени, этот обряд был уже давно изжит. Тем не менее мотив отрубленной головы часто встречается при передаче батальных сцен в «Истории Тарона» [Мамиконян, 1989, с. 76–78]. Так, Тигран Камсаракан отрубает голову персу Вардухри и, кидая ее слуге, говорит: «Спрячь ее, когда прибудем в Матраван, то сыграем в мяч перед Сурб Карапэтом (монастырь Сурб Карапэта был культовым и культурным центром региона Тарон и Сасун. — *Авт.*)» [Там же, с. 107]. Князь Ваан, издеваясь над пленными персами, бросает в решето голову персидского полководца Михрана, говоря: «Когда этот человек прибыл в нашу страну, войска, выстроившись друг против друга, решили состязаться: они искали мяч и не смогли найти. И у греков не осмелились пойти попросить, так как они были их заклятыми врагами. Когда мы посмотрели на наше войско, то увидели, что у них нет мяча. Поэтому мы отсекли эту голову и сыграли. Но мы слышали, что вы прибыли в город Бустр из Шахастана, где земля ровная и гладкая. Знаем, что вы играете в мяч. Берите голову вашего племянника, и пусть она будет нашим мячом из рода в род» [Там же, с. 81].

Основная цель данного исследования заключалась в описании случаев обезглавливания в средневековой Армении (Двин). Конкретные задачи работы: обсуждение вопроса о возможных причинах обезглавливания; реконструкция жизни и смерти индивидов. Использовались оригинальные данные, полученные при экспертизе человеческих черепов из раскопок 1978, 2011 и 2013 гг.

Материал и методы

Усилиями археологов, проводящих раскопки в Двине, накоплены антропологические материалы, относящиеся к разным этапам средневековой культуры. Особое местоположение находок, наличие черепа при отсутствии прочих костей скелета дали основания для полной антропологической экспертизы. Пол индивидов определялся на основе морфологических особенностей черепа в соответствии с общепринятыми в палеоантропологии методиками. Определение биологического возраста проводилось по состоянию швов черепа, степени изношенности жевательной поверхности коронок зубов [Алексеев, Дебец, 1964; Ubelaker, 1989]. Программа исследования предусматривала фиксацию одонтологических [Зубов, 1968, 2006], краниоскопических признаков [Мовсесян и др., 1975], маркеров механического стресса и показателей состояния здоровья зубочелюстной системы, а также эмалевой гипоплазии. Кроме того, учитывалось наличие маркеров анемии (*cribra orbitalia*, поротического гиперостоза), неспецифических воспалений и криогенного (холодового) стресса [Бужилова, 1998; Goodman et al., 1984; Goodman, Armelagos, 1989; The Cambridge Encyclopedia..., 1998; Ortner, 2003], а также травматических повреждений костей черепа.

Результаты и обсуждение

Раскопки 1978 г. Колонный зал напоминает армянский «глхатун», с шатровым перекрытием,— тип жилища, широко распространенный в гражданской архитектуре и как образец народного жилища сохранившийся до настоящего времени во многих сельских районах Армении. Каменные базы деревянных колонн имеют простую отделку и состоят из квадратной нижней части с круглым основанием для поддержания столбов. Археологом Н.Г. Акопян на 2-м участке, на глубине 1,5–2 м, был извлечен череп женщины 20–25 лет. Череп неполный, лицевой скелет сохранился плохо (возможно, хотели уничтожить лицевую часть, чтобы ликвидировать черты покойной, или же разрушение вызвано инфекционным заболеванием — лепрой). Длина мозговой коробки женщины большая, средней ширины, высокая, мезокранная, ортокранная. Лоб среднеширокий, затылок широкий. Орбиты мезоконхные. Расовый комплекс европеоидный.

Особенности строения черепа могут быть генетически детерминированы (дискретно варьирующие признаки черепа) [Мовсесян, 2005], а могут быть следствием системных или инфекционных заболеваний. В последнем случае анализ показателей болезни дает представление о степени адаптации человека к условиям внешней среды. Прежде всего отметим собственно аномалии, природа происхождения которых не связана (или слабо связана) с болезнями и особенностями физиологического статуса индивида, а имеет генетическую обусловленность. Из этих маркеров у данного индивида фиксируются: *os wormii suturae squamosum*, *os wormii suturae lambdoidea*, *foramina mastoidea* (на шве и вне шва), *canalis craniopharyngeus* (сквозное), *canalis condyloideus*.

Череп обследован на предмет наличия прижизненных повреждений, следов заболеваний. На левой теменной кости выявлены васкулярные реакции костной ткани: широкие питательные отверстия, которые образуют рисунок, напоминающий пористую поверхность апельсиновой корки [Бужилова, 1998]. Последствия криогенного стресса связаны с регулярным пребыванием женщины на открытом воздухе в прохладную ветреную погоду или холодную погоду с повышенной влажностью.

У женщины обнаружены небольшая эрозия и разрушение костей носа. Эти признаки могут указывать на проказу (лепру) (рис. 1). Болезнь Хансена — инфекционное заболевание, поражающее кожные покровы и периферическую нервную систему человека. Получила название по имени Герхарда Хансена, норвежского врача, в 1873 г. открывшего возбудитель лепры. Он обнаружил *Mycobacterium leprae* в тканях всех больных.

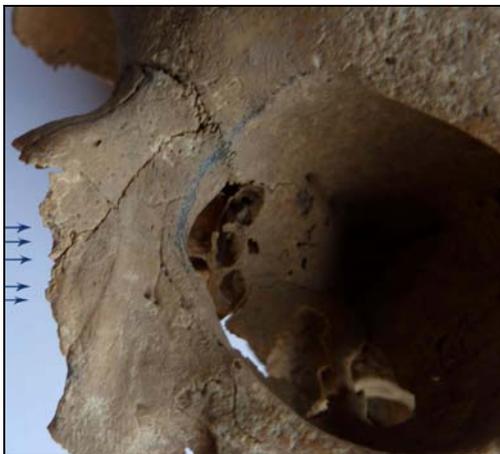

Рис. 1. Разрушение и эрозия костей носа (*facies leprosa*) (Двин, раскопки 1978 г.).

Рис. 2. Прижизненная травма носовых костей. Вмятина имеет овальную форму (Двин, раскопки 1978 г.).

В области носовых костей (с левой стороны) отмечена прижизненная травма, с вдавлением в полость черепа (рис. 2). Вмятина имеет овальную форму (длина 22 мм?). Целостность носовых костей была нарушена воздействием тупого предмета, выбитый участок имеет форму и размеры поверхности этого предмета.

К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов ...

На левой теменной кости фиксируется небольшая доброкачественная опухоль (остеома). Ее размеры примерно 4x4 мм. В ушных каналах отмечены билатерально расположенные оссеофитные образования (экзостозы). Они представляют собой опухоли остеобластического происхождения в виде бесформенных масс. Оссеофитные образования в ушном проходе расцениваются как маркер негативного воздействия холодной воды при нырянии [Kennedy, 1986; Manzi et al., 1991].

В основании черепа индивида наблюдались механические разломы затылочного мыщелка и повреждения сосцевидных отростков (рис. 3). Механические разломы кости относятся к моменту смерти индивида. Травмы такого рода определяются однозначно как связанные с отсечением головы у человека, находящегося в вертикальном положении [Manchester, 1983]. Отсечение головы от тела совершается резким ударом рубящего орудия. Удар был нанесен сзади, очевидно, правой рукой. Все вышеприведенные обстоятельства находки предполагают криминальную подоплеку. Однако нельзя полностью исключить и ритуальный характер действия (существование капищ огнепоклонников).

Рис. 3. Повреждения костной ткани в основании черепа, связанные с декапитацией (Двин, раскопки 1978 г.).

В период раннего христианства в Армении уже существовали лепрозории (древнеарм. «боротаноцнер») [Хоренаци, 1893]. Княгиня Агвида Салахуни (супруга нахарара Сурена Салахуни) в 260 г. открыла первый в мире лепрозорий на 35 койкомест [Варданян, 2000, с. 29]. В 365 г. на Аштишатском соборе Армянская апостольская церковь постановила открыть лепрозории и больницы (древнеарм. «бжшканоцнер») по всей Армении, а также не взимать налоги с аптек и лечебниц. Известно, что при монастырях ускоренно строились еще и бесплатные, «бедные аптеки», богадельни и больницы для излечения неимущих [Бузанд, 1987, III, VIII]. По закону армянский врач не имел права отказывать в медицинской помощи даже нищему. Почему же при наличии лепрозориев женщину из Двина казнили? Связана ли казнь с инфекционным заболеванием? Или это жертвоприношение священному огню Сасанидов?

Как известно, в Европе прокаженных в лучшем случае изгоняли из населенного пункта, в худшем — убивали [Малофеев, 2003], а лепрозории появились на 300 лет позже [Варданян, 2000, с. 29]. Сотни тысяч обвиненных в колдовстве или связи с дьяволом были тогда уничтожены. В чем причины столь безумной вспышки боязни нечистой силы, ведовства, охватившей Европу в XV–XVII вв.? Можно предположить, что прокаженный воспринимался как грешник, стремившийся освободить душу и тело от грязи. Страдающее тело прокаженного означало также язвы души.

Главным доказательством вины на теле ведьмы или колдуна являлись «печати дьявола». Я. Канторович [1990] в труде «Средневековые ведовские процессы» пишет, что если у кого-нибудь на теле обнаруживались язвы или следы, происхождение которых было неизвестно, то таким людям приписывали связь с дьяволом. Прежде всего в эти язвы втыкали иглу. Нередко такое, лишенное чувствительности место, отмечает автор, действительно находили на теле человека. Если допустить, что рассказы о «ведьминых» знаках имеют реальную основу, то следует задаться вопросом: что представляли собой эти отметины? Возможно, подавляющая часть людей, обвиненных в ведовстве, имели общую болезнь. На коже у больных, пораженных проказой, образуются беловатые или красные пятна, на этих участках кожа становится нечувств-

вительной к теплу и холоду, не ощущает прикосновения и боли. Иногда на неизменившейся коже появляются ограниченные лепроатозные инфильтраты в дерме или гиподерме, которые могут сливаться в более или менее мощные конгломераты.

Верили ли сами судьи в то, что отправляют на казнь или костер именно дьяволово отродье, а не больных людей? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. В средние века врачи достаточно хорошо знали симптомы проказы [Варданян, 2000, с. 28–29].

Раскопки 2011 г. На глубине 40 см археологом Ф.С. Бабаян были обнаружены черепная коробка и нижняя челюсть женщины 18–20 лет. Найдены также кости животных. Черепная коробка характеризуется общей грацильностью строения, слабо выраженным рельефом в области надбровья. Мозговая коробка имеет малый продольный и большой поперечный диаметры. Строение брахикранное, наименьшая ширина лба средняя, наибольшая — большая. На черепе фиксируются следующие дискретно варьирующие признаки: *sutura mendosa*, *foramina supra-orbitalia*, *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *os Incae completus*. Сплошного мандозного шва (от одного астериона до другой) у женщины не зафиксировано. Явно выраженную предрасположенность к неполному зарастанию В.В. Бунак [1927] относил к особенностям признаков арменоидного типа. Из восточных признаков фиксируются: кость Инков, лопатообразные формы верхних медиальных и латеральных резцов, дистальный гребень тригониды. На верхних первых молярах обнаружены бугорки Карабелли.

Перейдем к анализу другой группы маркеров — эпигенетических аномалий, связанных со специфическими заболеваниями. Рассматривать их в качестве генетических маркеров родства позволяет очевидное соображение: склонность к развитию тех или иных болезней связана с наследственными характеристиками. К таким признакам относятся: специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазницы (*cribra orbitalia*). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железodefицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. По мнению Р. Stuart-Macadam [1989, 1992a, b], дефицит железа в крови представляет собой адаптивную реакцию организма в условиях хронической патогенной нагрузки. В этой связи поротический гиперостоз необходимо рассматривать как индикатор повышенной патогенной нагрузки в условиях конкретной среды обитания.

У женщины наблюдается плагиоцефалия без синостоза черепных швов (рис. 4). Асимметрия более выражена в правой части черепа. На затылочной и теменных костях зафиксированы васкулярные реакции костной ткани: широкие питательные отверстия, которые образуют рисунок, напоминающий пористую поверхность апельсиновой корки. Наблюдается также небольшой очаг периоститных признаков на левой теменной кости. Следы периостита на костях черепа являются неспецифическим маркером воспалительных заболеваний.

На лобной и теменных костях фиксируются множественные небольшие зажившие порезы острым предметом (рис. 5). На середине лобной кости обнаружены 16 поверхностных рубцов (от 2 до 4 мм), на правой теменной кости рубцов больше (56), чем на левой (32). Размеры повреждений от 2 до 8 мм. В некоторых случаях расположение дефектов симметричное. Одни порезы глубокие, другие слегка нарушают поверхность черепа. В традиционной интерпретации эти повреждения связывались с травмами. Однако с учетом того, что множественные линейные надрезы на теменных костях локализованы на одном горизонтальном уровне с двух сторон, можно отнести их к разряду символической трепанации. Символическими трепанациями принято называть несквозные (поверхностные) манипуляции на своде черепа, последствия которых наблюдаются на черепе раннесредневекового населения европейских степных пространств [Медникова, 2001]. Трепанация не только затрагивала кожные покровы, но и распространялась в периостальный слой верхней компакты. Как известно, этот термин (символическая трепанация) был предложен в 50-х гг. XX в. венгерским исследователем Л. Бартушем для описания специфических поверхностных повреждений, зафиксированных на многих черепе X в., т.е. периода завоевания Паннонии кочевниками, пришедшими с востока [Медникова, 2003, с. 148].

Расположение шрамов на теменных костях, на наш взгляд, говорит не о насильственном характере травм, а о преднамеренном нанесении рубцов на строго определенные участки черепа. Н.В. Полосьмак [2001, с. 232], характеризуя обычай татуировки, распространенный среди скифов Укока, отмечает, что повторяемость элементов рисунка может быть истолкована как свидетельство консерватизма традиции, связанного с нанесением на тело человека не просто орнамента или рисунка, а знаковой системы — «текста». Так, «на тела пазырыкцев было нане-

К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов ...

сено сакральное письмо, предназначенное для передачи важной информации, скорее всего, магического характера. Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости» [Там же, с. 232].

Рис. 4. Плагиоцефалия без синостоза черепных швов (Двин, раскопки 2011 г.).

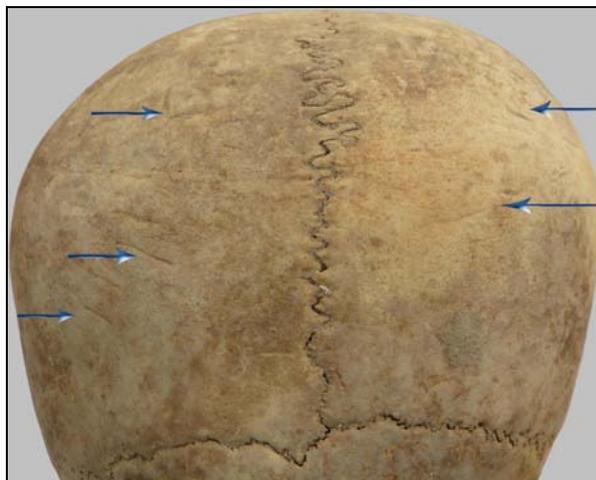

Рис. 5. Символическая трепанация. Несквозные (поверхностные) манипуляции на теменных костях (Двин, раскопки 2011 г.).

Повреждение на теменных костях у женщины из Двина можно интерпретировать как случай символической трепанации. На территории Армении таковая практиковалась и в эпоху бронзы [Khudaverdyan, 2010], и в античное время [Худавердян, 2014]. Можно отметить важную ритуальную составляющую поверхностного трепанирования как испытания и символа перехода из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество, рождение детей у женщин, траур, принадлежность к мужскому союзу и т.д.). По М. Элиаде [2002, с. 331], феномен «посвящения» постоянно сосуществует с подлинной жизнью человека. Жизнь полна глубинных кризисов, тревоги, потери и обретения самого себя, «смерти и воскресения». В моменты кризиса человечество прибегает к способам обновления, могущего изменить жизнь. «Обновлением» заканчивается всякое подлинно религиозное обращение.

При реставрации было отмечено отсутствие костей лицевого скелета и основания черепа, частично сохранившийся левый сосцевидный отросток не был поврежден. Помимо небольших заживших и неглубоких резаных ран на лобной кости, на правой ветви нижней челюсти женщины зафиксированы 4 неглубоких пореза (длина 1–3 мм) острым предметом (рис. 6). Следующий дефект локализуется на левой половине базальной поверхности нижней челюсти и представляет собой неглубокий порез длиной 4,5 мм. Порезы были сделаны в момент смерти индивида. Поскольку не обнаружено следов восстановления кости или нагноения, можно утверждать, что женщина умерла от этого акта насилия.

Во время **раскопок 2013 г.** (рис. 7) археологом А.С. Жамкочян (при участии А.Ю. Худавердяна) при расчистке внутренней стены большого здания в слое XI–XIII вв. были открыты большие глубокие ямы (тонир — вырытый в полу круглый обмазанный изнутри очаг, главным образом для выпечки хлеба (лаваша)) с кирпичной облицовкой, гончарными водоотводными трубами и разбросанными вокруг обломками простой и глазурованной керамики. На глубине 1,63 м недалеко от ямы (рис. 8) был обнаружен изолированный череп мужчины (рис. 6) с костями животных. В этой яме находился скелет особи крупного рогатого скота.

Биологический возраст мужчины определяется в пределах 20–25 лет. Череп брахикранный: очень малый продольный и малый поперечный диаметры, лоб малой ширины и умеренно наклонный, лицо малой ширины и высоты, в вертикальной проекции прямое, носовые кости очень малой ширины и средней высоты, глазницы очень малой высоты и малой ширины. Помимо малого объема череп характеризуется покатым лбом, плоским затылком. Длина затылочного отверстия очень большая, ширина — малая.

Рис. 6. Порезы острым орудием на правой ветви и базальной поверхности нижней челюсти (Двин, раскопки 2011 г.).

Наблюдается поворот верхнего левого латерального резца (балл 2). Из восточных признаков зубной системы фиксируются лопатообразные формы верхних медиальных и латеральных резцов. Из генетически наследуемых маркеров выявлены: foramina infraorbitalia, foramina zygomaticofacialia, spina processus frontalis ossis zygomatici (с левой — выступ, с правой — отросток), stenocrotaphia (X-образная), processus temporalis ossis frontalis (неполный), os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, sutura palatina transversa (П-образный), sutura incisiva, отсутствие foramina spinosum, canalis condyloideus, foramina mentalia и torus palatinus (1).

Рис. 7. Раскопки в Двине 2013 г.
Микроцефальный череп.

Рис. 8. Вырытый в полу круглый очаг с костями животного и гончарной водоотводной трубой (Двин, раскопки 2013 г.).

Верхнечелюстные валики (torus palatinus) рассматриваются как своеобразные контрфорсы, появляющиеся в результате значительных механических нагрузок на корни зубов. Считается, что при генетической предрасположенности верхнечелюстные экзостозы появляются лишь тогда, когда средовой стресс достигает определенного уровня. К первоочередным средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. Имелась также необычная стертость левого медиального резца (рис. 9). Такая степень его износа свидетельствует о высокой интенсивности хозяйственной деятельности данного индивида.

Микроцефалия — болезнь, при которой голова имеет маленький размер, и это напрямую зависит от маленького размера мозга. Мозг до определенного момента развивается, но из-за малого размера черепа развитие заторможено. Причинами могут быть заражение корью, ветрянкой или циталомегавирусом, не исключаются генетические нарушения. У мужчины наблю-

К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов ...

даются плагиоцефалия без синостоза черепных швов (рис. 10), асимметрия лицевого отдела и атланто-окципитального сочленения. Отмечается скошенность лица в левую сторону. Утверждать, что данная патология связана с мышечной кривошеей, мы не можем (отсутствуют позвонки и нижняя челюсть). Асимметрия более выражена в правой части черепа.

Рис. 9. Необычная стертость левого медиального резца (Двин, раскопки 2013 г.).

Рис. 10. Плагиоцефалия без синостоза черепных швов (Двин, раскопки 2013 г.).

Обнаружены множественные проявления гипоплазии эмали (рис. 12). Гипоплазия возникает в результате прерывания ростовых процессов, травм; маркер также связан с комплексом причин генетического характера [Goodman, Rose, 1990]. Однако наиболее распространенные из них — недоедание и болезни.

Рис. 11. Увеличение левого подглазничного отверстия, переход инфекции на глазницу (Двин, раскопки 2013 г.).

Наблюдается воспаление верхнечелюстной (гайморовой) пазухи. Основной причиной острого гайморита является острая респираторная инфекция. Закупоривание выходного отверстия верхнечелюстной пазухи приводит к воспалению и скоплению гноя внутри нее. Такая закупорка происходит, к примеру, на фоне ОРЗ, когда слизистая носа отекает и воспаляется. Стать причиной гайморита может и хронический ринит, который вызывает утолщение слизистой носа. Фиксируются увеличение левого подглазничного отверстия (диаметр 7×6 мм) и переход инфекции на глазницу (рис. 11). Последний вызывает воспаление глазного яблока и его оболочек (офтальмит). Осложнения при гайморите возникают при отсутствии должного лечения.

Наблюдается прижизненная травма в области правого подглазничного отверстия (рис. 12). В результате травмы появилось оссеофитное образование в области правого подглазничного

отверстия. Данное образование имеет вид дополнительного костного выроста на широком основании, связанного с костной структурой, с четкими, неровными контурами. Размер костного выроста 7х6,5 мм.

Рис. 12. Травма в области правого подглазничного отверстия, оссеофитное образование и гипоплазия эмали (Двин, раскопки 2013 г.).

На лобной кости выявлены прижизненные небольшие порезы острым предметом (рис. 13). На лобной кости обнаружено 6 поверхностных рубцов (от 3 до 6 мм), на левой теменной кости — 2. Размеры повреждений от 2,5 до 3 мм. Признаки посттравматического остеомиелита отсутствуют.

К человеку с выраженными физическими недостатками во все исторические эпохи относились с предубеждением не только потому, что инвалид не мог участвовать в социальной жизни, но и потому, что у здорового человека он вызывал мистический страх. Культура средневековья тесно увязывала в модели мира микрокосм (человека) с макрокосмом общего бытия, и в этой жесткой системе взглядов вряд ли могло найтись место ущербному от рождения человеку. Мы вправе допустить, что инвалидность понималась как выпадение из системы «человек — подобие Бога». Носитель недуга соответственно воспринимался как существо неполноценное, а потому не заслуживающее внимания. Инвалид не мог рассчитывать даже на нейтральное отношение окружающих, так как большинство из них было в рассматриваемый период убеждено, что слепота, врожденное уродство и т.д. есть наказание человеку за грехи либо вмешательство в его судьбу сатаны. Именно о таких людях идет речь в исторических документах, литературных источниках, античных и средневековых законодательных актах [Малофеев, 2003].

В основании черепа индивида были отмечены механические разломы затылочных мышцелков и повреждение левого сосцевидного отростка. Механические разломы кости соответствуют моменту смерти индивида (рис. 14). Мы уже отмечали, что травмы такого рода имеют только одну дефиницию (отсечение головы у человека, находящегося в вертикальном положении) [Manchester, 1983]. Линейный разлом сосцевидного отростка слева с наружной стороны и специфические разрушения мышцелков говорят о том, что удар был нанесен сзади, очевидно, правой. Анализ реконструкции полученных травм позволил восстановить обстоятельства убийства индивида. Вероятно, удар был нанесен человеком, стоявшим сзади. Держа жертву за волосы, голову отсекли мечом резким ударом слева.

В средневековье было огромное множество слепцов с бельмами или дырами вместо глаз, подобных изображенному на картине Брейгеля, горбунов, калек, больных базедовой болезнью, хромым, паралитиков. Формально первым законом, предписывающим правила в отношении увечных, можно считать Ветхий Завет: «Не злословь глухого, и перед слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему, бойся Бога твоего» (Левит 19:14). Однако в том же Левите указано: «Никто, у кого на теле есть недостаток, не должен приступать — ни слепой, ни хромый, ни уродливый» (21:18). «Ни один человек из семени Аарона священника, у которого на теле есть недостаток, не должен приступать, чтобы приносить жертвы Господу; недостаток на нем, поэтому не должен он приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему...» (21:21). Неизвестно, какая из библейских заповедей соблюдалась неукоснительнее — терпимости к инвалиду или недопущения его к таинствам. Как показывает исторический опыт, религиозные запреты в отношении инвалидов исполнялись строже, чем рекомендации проявлять милосердие к ним.

Рис. 13. Порезы острым орудием на лобной кости (Двин, раскопки 2013 г.).

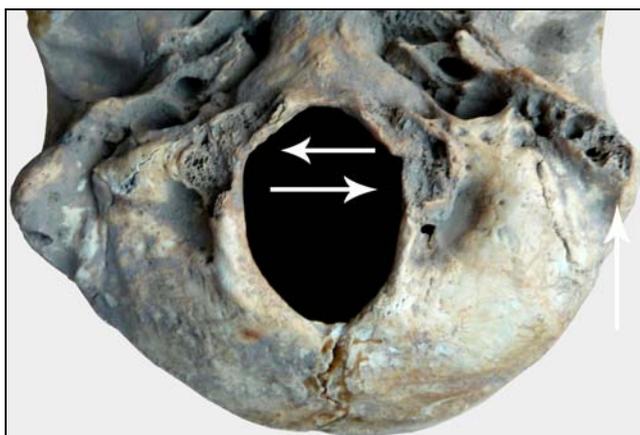

Рис. 14. Повреждения костной ткани в основании черепа, связанные с декапитацией (Двин, раскопки 2013 г.).

Наиболее близкий к нашей реконструкции сюжет находим у хеттов, хотя эти сведения относятся к давним событиям. У хеттов существовал праздник Хассумас [Ардзинба, 1981], главным действующим лицом которого был наследник престола. В течение четырех дней праздника царевич обходил ритуальные помещения столицы и всюду пировал со своими приближенными и жрецами и преподносил дары богам. На четвертый день к участию в празднике привлекали человека, который должен был символизировать разнообразные несчастья и неприятности, угрожающие хеттскому народу. Это был своего рода «козел отпущения», недаром в ритуале участвовала шкура только что убитого и съеденного козла. Жертвой обязательно назначался слепец — символ мрака и смерти. Его раздевали, облачали в козлиную шкуру, избивали и вели в святилище. Но избиением неприятности слепца, по-видимому, и заканчивались. Этот обычай выглядит варварским и жестоким. Подобным случаем можно с некоторой натяжкой объяснить казнь индивида из Двина. Неизвестно, каковы были традиции и верования обитателей крупнейшего культурного и торгово-ремесленного центра, столицы средневековой Армении на бытовом, бытовом уровне. Можно допустить, что в средневековье, в силу особых природных и демографических условий (прежде всего — вражеское окружение), у местных жителей существовало несколько иное отношение к ряду старинных традиций и верований, в том числе к самой оценке человеческой жизни (по принципу «свой — чужой»). Мы допускаем и вражеское воздействие или даже использование «чужого» в качестве жертвы.

Заключение

Двин — столица средневековой Армении, находившаяся в центре пересечения множества внешних и внутренних торговых путей. Это способствовало постоянным миграционным процессам, что можно рассматривать, в частности, как фактор переноса и распространения инфекционных болезней. У всех исследованных индивидов обнаружены проявления инфекционных заболеваний (лепры, периостита, гайморита). Тот социальный слой, к которому относились исследованные индивиды, испытывал недостаток в необходимых продуктах. Плохо питавшиеся, физически ослабленные люди, как правило, подвержены различным заболеваниям.

Погребальных действий по отношению к исследованным индивидам не проводилось. Следует обратить внимание и на сопутствующие костные останки животных. Вряд ли их характер и соседство с человеческими черепами простая случайность. У женщин фактически отсутствовали кости лицевого скелета. Возможно, уничтожались лицевые части черепов, чтобы ликвидировать индивидуальные черты последних (или же они были разрушены из-за болезни — проказы).

Травмы черепа, не повлекшие за собой смерти, могли возникнуть как при ведении военных операций, так и при вполне безобидных «бытовых» действиях. На изученных черепах наблюдались небольшие порезы острым предметом на лобных костях (раскопки 2011 и 2013 гг.),

травма в области правого подглазничного отверстия (раскопки 2013 г.) и тупая травма носа (раскопки 1978 г.).

Несмотря на недостаток исторических документов, можно все же попытаться реконструировать обстоятельства смерти этих индивидов. Больных с инфекционными заболеваниями и физическими недостатками считали своего рода «козлами отпущения», на которых общество возлагало ответственность за все проблемы и грехи. Их подавляли, поскольку они представляли опасность, мистически переносили на них все зло, от которого общество стремилось избавиться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М., 1964. 128 с.
- Ардзинба В.Г.* Хеттский праздник хассумас // ВДИ. 1981. № 4. С. 87–96.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. С. 87–146.
- Бузанд Ф. (Фауст Византийский).* История Армении. Ереван: Ереван. ун-т, 1987. 456 с.
- Бунак В.В.* Crania Armenia: Исследование по антропологии Передней Азии. М., 1927. 264 с. (Тр. Антропол. НИИ при МГУ; Вып. 2).
- Варданян С.А.* История медицины Армении: С древнейших времен до наших дней. Ереван: Кннасер, 2000. 439 с.
- Гандсакеци К.* История Армении: Текст подготовил и снабдил предисловием К.А. Мелик-Оганджян. Ереван: АН АрмССР, 1961. 426 с.
- Гевонд.* История / Пер. А. Тер-Гевондян. Ереван: Сов. писатель, 1982. 184 с.
- Зубов А.А.* Одонтология: (Методика антропологических исследований). М., 1968. 199 с.
- Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.
- Канторович Я.* Средневековые процессы о ведьмах. Послесл. С.С. Миронова. Репринт. воспроизведение изд. 1899 г. М.: Книга, 1990. 221 с.
- Кафадарян К.Г., Калантарян А.А.* Город Двин и его раскопки (1972–1980 гг). Ереван: Гитутюн, 2002. 242 с.
- Лелеков Л.А.* Зороастризм: Явление и проблемы // Локальные и синкретические культуры / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 1991. С. 12–49.
- Малофеев Н.Н.* Западная Европа: Эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М., 2003. 256 с.
- Мамиконян О.* История Тарона. Ереван: АН АрмССР, 1989. 176 с. (На арм. яз.).
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б.* Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: Символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). С. 147–156.
- Меликсет-Бек Л.* Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван: АН АрмССР, 1955. 346 с. (На арм. яз.).
- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопр. антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Мовсесян А.А.* Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университет. кн., 2005. 272 с.
- Полосымак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. Сер. Памятники исторической мысли. М.: Наука, 1993. 576 с.
- Себеос.* История Себеоса / Сводный критический текст, предисл. и коммент. Г.В. Абгаряна. Ереван: АН АрмССР, 1939. 445 с. (На арм. яз.).
- Хоренаци М.* История Армении Новый переводъ Н.О. Эмина (съ примъчаніями и приложеніями). По-смертное изд. М., 1893. 323 с.
- Худавердян А.Ю.* Следы ритуальных манипуляций на черепе (по антропологическим материалам памятников Ширакской области РА) // Ист.-филол. журн. 2014. № 1 (195). С. 137–144.
- Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г.* Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения) (по данным палеоантропологии) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 4 (23). С. 80–93.
- Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 352 с.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G.* Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y.: Acad. Press, 1984. P. 13–49.
- Goodman A.H., Armelagos G.J.* Infant and Childhood Morbidity and Mortality Risks in Archaeological Populations // World Archaeology. 1989. № 21 (2). P. 225–243.
- Goodman A.H., Rose J.C.* Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.

К вопросу о декапитации в Двине: антропологическая экспертиза средневековых черепов ...

Kennedy G.E. The Relationship Between Auditory Exostoses and Cold Water A Latitudinal Analysis // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1986. № 71. P. 401–415.

Khudaverdyan A.Yu. Pattern of disease in II millennium BC — I millennium BC burial from Lchashen, Armenia // Anthropologie. Intern. Journ. of the Science of Man (Brno). 2010. Vol. XLVIII (3). P. 239–254.

Manchester K. The archaeology of disease. Bradford, 1983. 100 p.

Manzi G., Sperduti A., Passarelli P. Behavior-Induced Auditory Exostoses in Imperial Roman Society: Evidence from Coeval Urban and Rural Communities Near Rome // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1991. № 85. P. 253–260.

Ortner D.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2nd ed. L.: Acad. Press, 2003. 645 p.

Stahl P.H. Histoire de la décapitation. Presses universitaires de France. Paris, 1986. 247 p.

Stuart-Macadam P. Nutritional deficiency diseases: a survey of scurvy, rickets and iron deficiency anemia // Reconstruction of Life From the Skeleton. Alan R. Liss, Inc.: N. Y., 1989. P. 201–222.

Stuart-Macadam P. Anemia in Past Human Populations // Diet, Demography and Disease. Changing Perspectives on Anemia. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1992a. P. 151–170.

Stuart-Macadam P. Porotic hyperostosis: A new perspective // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1992b. 87. P. 39–47.

The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998. 496 p.

Ubelaker D. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Washington: Taraxacum, 1989. 172 p.

*Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Республики Армении
akhudaverdyan@mail.ru
safdav@yahoo.com
husik.melkonyan@mail.ru
meri.axababyan@yandex.ru*

The paper undertakes life and death reconstruction of three individuals. On the skulls, they observed crippling of cranial bones due to traumatic consequences. All the three investigated persons were found with infectious diseases (lepra, periostitis, antritis). The social stratum they belonged to suffered a shortage of necessary food. People with physical defects and infectious diseases were regarded by the society as defective creatures, thus, not deserving attention.

Armenia, Dvin, Middle Ages, decapitation, traumas, infectious diseases.

ДЕРМАТОГЛИФИКА КАЗАНСКИХ ТАТАР

А.И. Макеева

Представлены основные результаты дерматоглифического исследования казанских татар. Используются данные отпечатков обеих кистей 1310 чел. (928 мужчин, 382 женщины). Установлена большая неоднородность женских выборок по сравнению с мужскими, выделены основные дерматоглифические варианты. Впервые предпринята попытка анализа данных дерматоглифики в диахронном аспекте.

Казанские татары, этническая дерматоглифика, народы Поволжья, этническая история.

Казанские татары — один из субэтносов в составе волго-уральских татар, говорящий на среднем диалекте татарского языка, проживающий на территории как Республики Татарстан, так и других субъектов Российской Федерации. В данной работе рассматриваются материалы с современной территории Республики Татарстан.

Изучение физического типа казанских татар, наряду с другими этническими подразделениями волго-уральских татар, имеет длительную историю и началось еще в XIX в. Историография вопроса подробно изложена И.Р. Газимзяновым [2001, с. 35–36].

Исследователи, изучавшие современное население, отмечают сложность и многокомпонентность антропологического состава волго-уральских, и в частности казанских, татар. Причиной тому географическое положение региона, издавна (начиная с эпохи неолита и энеолита) являвшегося контактной зоной для населения, различного по антропологическому типу. Среди краниологических комплексов, принявших участие в формировании антропологического состава современных татар, называются субуральский (сублапоноидный) и длинноголовый степной европеоидный типы, также отмечаются включения южно-сибирского морфокомплекса [Трофимова, 1949; Яблонский, 1992; Акимова, 1973; Ефимова, 1991; Газимзянов, 2001]. В основном, как отмечает И.Р. Газимзянов, метисация шла между пришлым тюркоязычным и местным финно-угорским населением [2001, с. 38].

На протяжении XX в. отдельные группы современных казанских татар изучались в рамках комплексных экспедиций в Поволжье и Приуралье. Результаты работы экспедиции Г.Ф. Дебеца и Т.А. Трофимовой в 1932 г. опубликованы в монографии «Происхождение татар Поволжья в свете данных антропологии». Т.А. Трофимова рассматривает материалы по соматологии казанских татар, собранные в трех районах Татарской АССР (Арского, Елабужского и Чистопольского). По мнению исследователя, волго-уральские татары, в частности казанские (собственно татары), являются смешанным в антропологическом отношении народом. Среди всех исследованных татар обнаруживаются в разном соотношении следующие антропологические типы: понтийский, светлый европеоидный, сублапоноидный и монголоидный [Трофимова, 1949, с. 231].

Представительный соматологический и соматический материал по разным группам татар собран в 2007–2008 гг. антропологическими экспедициями ИЭА РАН под руководством Г.А. Аксяновой, повторившими маршрут экспедиции 1932 г. (также были обследованы татары предволжских районов Республики Татарстан), материал частично опубликован [Аксянова, Абраменкова, 2009; Аксянова, Газимзянов, 2010; Аксянова, Чижикова, 2013].

Комплексная антропологическая экспедиция в составе В.М. Шапкина, С.А. Шлугера, И.Н. Елистратова была предпринята с целью изучения населения Волго-Камья в 1937–1938 гг. Были получены данные о вкусовой чувствительности на раствор фенил-тиокарбамида и цветоощущении, собирались отпечатки ладоней и пальцев рук как у мужчин, так и у женщин — студентов высших и средних учебных заведений [Елистратов и др., 1941, с. 20–21]. Авторами описаны частоты распределения пальцевых узоров среди татар, однако не уточняется субэтнический состав выборки. Часть отпечатков (сборная серия из 100 мужчин и 100 женщин восточных районов Татарстана) была обработана и опубликована Г.Л. Хить [1983]. На основании этих материалов, а также собранных Н.А. Долиновой в 1970-х гг. (три серии из Пестречинского, Менделеевского, Арского районов Татарской АССР) впервые было установлено таксономическое положение казанских татар. Было выяснено, что казанские татары, как и удмурты, чуваша, башкиры,

Дерматоглифика казанских татар

марийцы, коми-пермяки, являются населением, уклоняющимся от характерного европейского типа в восточном направлении [Там же, с. 72]. Другие материалы (более 1 тыс. чел.), собранные экспедицией 1937–1938 гг., были обработаны и опубликованы лишь по отдельным признакам (частоте пальцевых узоров, флексорным бороздам) [Гладкова, 1966, 1968].

В публикации Г.Л. Хить, посвященной дерматоглифике тюркоязычных народов СССР, казанские татары классифицируются как европеоиды восточно-европейского типа, которые впитали в себя определенную долю монголоидности [Хить, 1990б, с. 47]. Данный вывод подтверждается и при сравнении казанских татар с другими народами Поволжья и Приуралья. Казанские татары объединились с коми, мордвой, горными мари, татарами мишарями в одну группу, представляющую незначительно варьирующий тип, характерный для европеоидов Восточной Европы [Хить, 2004, с. 47]. Рассмотрение дерматоглифики казанских татар на фоне всех групп татар Евразии показало, что казанские татары наряду с татарами-мишарями расположились в области переходных значений: между восточно-европейской и сибирской средними, тяготея к первой, и сближаясь с восточно-европейскими популяциями. При этом монголоидная примесь в составе женских выборок казанских татарок выражена сильнее, чем в соответствующих мужских выборках [Хить, Долинова, 1995, с. 178, 182].

В 1980-е гг. впервые был получен массовый одонтологический материал по этническим группам Среднего Поволжья, в том числе по казанским татарам.

Г.В. Рыкушиной собраны зубные слепки у казанских татар с. Шали Пестречинского района Татарской АССР. Также исследователем были получены данные по морфологии зубной системы представителей других субэтнических подразделений татар (кряшен и мишарей). Согласно выводам автора, в состав татар «вошел степной компонент с повышенной по европеоидному масштабу частотой основных признаков восточного одонтологического ствола, фиксируемый в палеоматериалах с I тыс. до н.э. вплоть до средневековья» [Рыкушина, 2000, с. 106]. Данный тип известен в литературе под названием северо-восточного или северо-европейского реликтового типа.

Сбор одонтологического материала был продолжен Г.А. Аксяновой и Н.В. Харламовой в ходе экспедиции в Республику Татарстан в 2007 г. Авторы обследовали казанских татар Елабужского и Арского районов, а также кряшен Елабужского, Чистопольского и Мамадышского районов. Полученные выводы свидетельствуют о принадлежности изученных групп к восточной (приуральской) периферии западного одонтологического ствола. Татары являются автохтонным населением, сформировавшимся при взаимодействии местных финских и пришлых тюркоязычных групп, занимают промежуточное положение между башкирами и финнами, а арские и елабужские татары сближаются с южными удмуртами [Аксянова, Харламова, 2013, с. 163].

Целью данной публикации является рассмотрение данных дерматоглифики казанских татар в качестве антропологического источника при решении проблемы их этногенеза. В связи с этим основная задача состоит в анализе региональных, литературных и музейных материалов по дерматоглифике кисти казанских татар.

Материалы и методы

Предметом исследования послужили коллекции отпечатков кистей казанских татар, собранные экспедицией НИИ антропологии МГУ под руководством И.Н. Елистратова, В.М. Шапкина, С.А. Шлугера в 1937–1938 гг. (хранящиеся в научном архиве НИИ антропологии им. Д.А. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова), а также автором в с. Большие Кургузи Зеленодольского района РТ (где также были обследованы выходцы из Высокогорского р-на РТ) и в с. Старые Юраши Елабужского района РТ в ходе экспедиционного выезда в сентябре 2012 г. Проанализированы данные о 928 мужчинах, вошедших в четыре дисперсные выборки, разбитые авторами сборов 1937–1938 гг. в соответствии с географическим принципом на северные, восточные, южные и западные, и две локальные выборки, собранные автором в северо-западной и северо-восточной частях Республики Татарстан в 2012 г.

Женщины (382 чел.) вошли в две дисперсные и две локальные (северо-западная и северо-восточная части Республики Татарстан) выборки. Дисперсные выборки собраны автором в восточных и западных районах Татарской АССР (табл. 1, рис. 1). Всего изучено 10 территориальных групп казанских татар. Общая численность — 1310 чел., в том числе по архивным материалам — 1147 чел. (845 мужчин, 302 женщины). Из них автором собраны данные по 83 мужчинам и 80 женщинам (163 чел.).

Изученные группы рассмотрены на широком сравнительном фоне. Привлекались данные по народам Поволжья, Урала, Восточной Европы, Кавказа и Сибири (табл. 2, 3).

Таблица 1

Сведения об изученном материале (татары казанские)

Номер выборки	Номер папки или серии	Место сборов	Пол	Объем выборки	Автор сборов	Год сборов	Место хранения серий
1	XXIII, 12 м.	Западные районы	♂	226	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ
2	XXIV, 12 ж.	Западные районы	♀	127	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	Там же
3	XXIX, 15 м.	Северные районы	♂	281	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	»
4	XXVI, 11 м.	Восточные районы	♂	257	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	»
5	XXVII, 11 ж.	Восточные районы	♀	175	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	»
6	XXV, 14 м.	Южные районы	♂	81	В.М. Шапкин, С.А. Шлугер, И.Н. Елистратов	1937–1938	»
7	531	Северо-западные районы, с. Большие Кургузи + выходцы из Зеленодольского и Высокогорского р-нов РТ	♂	63	А.И. Макеева	2012	Научный архив Центра физической антропологии ИЗА РАН
8	531	Северо-западные районы, с. Большие Кургузи + выходцы из Зеленодольского и Высокогорского р-нов РТ	♀	50	А.И. Макеева	2012	Там же
9	532	Северо-Восточные районы, сс. Старые Юраши, Альметьево Елабужского р-на РТ	♂	20	А.И. Макеева	2012	»
10	532	Северо-Восточные районы, сс. Старые Юраши, Альметьево Елабужского р-на РТ	♀	30	А.И. Макеева	2012	»
11	71	с. Шали Пестречинского р-на Татарской АССР	♂	82	Н.А. Долинова	1971	»
12	71	с. Шали Пестречинского р-на Татарской АССР	♀	88	Н.А. Долинова	1971	»
13	73	с. Бизяки Менделеевского р-на Татарской АССР	♂	62	Н.А. Долинова	1971	»
14	73	с. Бизяки Менделеевского р-на Татарской АССР	♀	67	Н.А. Долинова	1971	»
15	72	г. Арск Татарской АССР	♂	100	Н.А. Долинова	1971	»
16	72	г. Арск Татарской АССР	♀	100	Н.А. Долинова	1971	»

Примечание. 1–10 — группы, исследованные автором; 11–16 — группы, исследованные Н.А. Долиновой и Г.Л. Хить.

Исследованные группы, согласно классификации Д.М. Исхакова, относятся к центральной этнографической группе казанских татар, входящей в Предкамско-Предволжский ареал [Исхаков, 2002, с. 76]. Исследователь отмечает сложность этнических компонентов и древность формирования данной группы.

Отпечатки собраны и обработаны по методу Г. Камминса и Ч. Мидло [Cummins, Midlo, 1943], осевые трирадиусы ладони определялись по схеме А. Шармы [Sharma, 1964].

Многомерный анализ выполнен двумя независимыми способами: методом главных компонент [Дерябин, 1983] и методом межгрупповой шкалы, разработанным Г.Л. Хить [Хить, 1983, 1986; Хить и др., 2013].

Анализировались пять ключевых признаков, обладающих максимальной расодиагностической ценностью, отражающих основную долю межгрупповой изменчивости: дельтовый индекс ($D10$), индекс Камминса (Ic), частота одиночного низкого трирадиуса ладони (t), частота истинных узоров гипотенара (Hu), частота добавочных межпальцевых трирадиусов (ДМТ) [Хить, 1983].

При анализе с использованием второго метода строились комбинационные полигоны, позволяющие оценить комбинации признаков в евразийском масштабе. Вычислялся условный показатель выраженности расовой основы: европеоидно-монголоидный комплекс (ЕМК), кото-

Дерматоглифика казанских татар

рый учитывает расовые градиенты ключевых признаков и отражает условную долю монголоидности в данной группе. В качестве меры дивергенции вычислялось обобщенное дерматоглифическое расстояние (ОДР) как сумма попарных различий по 5 указанным признакам, выраженным в процентах евразийской амплитуды соответствующего признака. Матрица ОДР подвергалась процедуре кластеризации со взвешиванием.

Рис. 1. Карта Республики Татарстан с обозначением всех исследованных групп казанских татар (номера групп как в табл. 2, 3).

Для рассмотрения казанских татар на широком сравнительном фоне были привлечены обширные сравнительные данные по разным народам Евразии, приведенные в табл. 2, 3.

Таблица 2

Значения ключевых признаков в изученных и сравнительных группах (мужчины)

№	Название группы	N	D10	Ic	t	Hu	ДМТ	ЕМК
1	Татары казанские (западные р-ны)	226	12,67	8,32	78,0	23,4	13,9	55,2
2	Татары казанские (северо-западные р-ны)	63	12,92	8,37	61,6	25,3	19,8	45,9
3	Татары казанские (северные р-ны)	281	13,25	8,49	80,2	24,3	14,0	56,8
4	Татары казанские (северо-восточные р-ны)	20	12,75	8,67	65,0	17,5	25,0	46,4
5	Татары казанские (восточные р-ны)	257	13,10	8,00	82,1	27,2	17,6	56,9
6	Татары казанские (южные р-ны)	81	12,30	8,45	81,4	22,1	16,0	54,0
7	Татары казанские (Шали)	82	12,34	8,48	68,3	28,6	16,5	45,7
8	Татары казанские (Арск)	100	12,33	8,26	70,0	31,1	12,5	47,9
9	Татары казанские (Бизяки)	62	12,72	8,64	59,7	30,6	21,0	39,4
10	Нагайбаки	59	12,40	7,88	83,1	33,8	16,9	52,5
11	Татары мишари чистопольские	62	12,73	8,18	73,4	33,1	16,9	48,2
12	Татары сибирские заболотные	105	13,92	7,27	81,9	17,6	10,0	73,0
13	Татары сибирские тобольские	114	13,49	8,01	75,6	32,0	14,0	58,5
14	Татары сибирские тюменские	100	13,65	8,49	79,5	20,5	16,0	59,2
15	Татары сибирские ялуторовские	98	12,19	8,04	69,9	28,6	18,3	47,9
16	Татары сибирские тевризские	100	13,91	7,83	77,5	27,5	16,0	59,9
17	Татары астраханские	60	14,16	8,15	70,0	29,2	20,0	53,3
18	Башкиры юго-восточные	1232	13,30	7,97	65,0	25,4	18,7	51,0
19	Башкиры северо-восточные	755	13,97	8,05	73,6	26,5	20,3	55,1
20	Башкиры юго-западные	190	13,41	8,36	71,8	27,9	19,6	50,6
21	Башкиры северо-западные	651	12,85	8,11	69,6	28,3	15,4	50,8
22	Чуваши верховые (Аликовский, Моргаушский р-ны)	171	—	—	—	—	—	—
23	Чуваши низовые (Янтиковский р-н)	80	—	—	—	—	—	—

№	Название группы	N	D/10	lc	t	Hу	ДМТ	ЕМК
24	Калмыки-торгоуты	307	14,13	8,11	75,1	19,3	14,8	62,9
25	Калмыки-малые дербеты	265	13,60	8,10	71,3	22,4	11,3	59,4
26	Карачаевцы	209	13,67	8,77	63,4	37,9	28,2	36,7
27	Балкарцы	286	13,47	8,87	61,3	36,9	25,3	36,3
28	Ногайцы Дагестана	92	13,71	8,18	73,9	28,2	16,8	54,8
29	Ногайцы Ставропольского края	76	14,23	8,24	65,8	27,6	23,6	50,5
30	Казахи	348	14,11	7,92	75,3	21,9	10,72	64,6
31	Мордва мокша	649	12,45	8,27	68,7	28,9	19,0	45,9
32	Мордва эрзя	867	12,25	8,45	64,6	31,1	18,0	41,7
33	Мордва шокша	151	12,47	8,60	56,3	24,5	14,6	43,4
34	Марийцы «луговые»	430	13,37	7,78	72,5	31,5	12,5	55,7
35	Марийцы «горные»	219	12,79	7,56	65,1	34,7	11,4	50,7
36	Удмурты северные	122	12,57	7,84	64,7	34,4	18,7	44,8
37	Удмурты южные	425	13,90	7,74	74,7	22,2	17,6	61,1
38	Бесермяне	74	12,41	8,01	73,7	29,0	18,9	49,3
39	Манси вагильские	59	13,06	8,34	61,0	29,7	17,8	45,0
40	Манси ивдельские	79	13,67	7,90	76,3	35,2	13,5	55,2
41	Манси ляпинские	52	14,18	7,97	64,5	31,7	12,5	54,4
42	Манси сосьвинские	65	14,47	7,75	64,6	24,6	9,2	62,2
43	Ханты березовские	56	14,65	7,40	83,9	23,2	9,9	73,0
44	Ханты ваховские	42	14,84	8,19	95,2	32,8	10,9	67,7
45	Коми-зыряне	760	12,24	8,24	66,0	33,0	18,1	42,5
46	Коми-пермяки	489	11,96	7,99	69,0	34,0	17,2	44,0
47	Русские Вологодской обл. (Сокол)	100	11,95	8,38	58,5	37,0	18,5	35,3
48	Русские Саратовской обл. (Хвалынский)	69	12,94	8,38	60,2	32,6	14,5	44,0
49	Русские Рязанской обл. (Михайлов)	98	13,24	8,53	64,3	34,2	20,9	42,1
50	Русские Нижегородской обл. (Городец)	93	12,31	8,59	71,0	34,4	15,0	43,2
51	Украинцы Белополья, Украина	103	12,34	8,75	68,0	30,1	23,3	39,7
52	Украинцы Глобино, Украина	85	13,38	8,79	70,6	32,9	25,3	42,1
53	Украинцы Щорса, Украина	115	12,54	8,53	65,2	29,1	18,7	43,3
54	Болгары, Молдавия	183	12,93	8,33	63,4	33,2	25,3	40,3

Источники: 1–6, 10 — данные автора; 7–9, 11, 17 — [Хить, Долинова, 1995]; 12–16 — [Хить, 1990а]; 18–21 — [Лейбова, 2011]; 22, 23 — неопубликованные данные, любезно предоставленные Е.Г. Лебедевой; 24, 25 — [Ашилова, 1980]; 26–29 — [Хить, 2003]; 30 — [Исмагулов и др., 2007] (для казахов были взяты значения ключевых признаков в мусреповской, косагашской, жолпактарской, карабутакской группах); 31–33 — [Хить, 1983]; 34, 35, 39–44 — [Хить и др., 1996]; 36–38 — [Долинова, 1989]; 45, 46 — [Долинова, 2005]; 47–53 — [Хить, 1983]; 54 — [Хить, Долинова, 1990].

Таблица 3

Значения ключевых признаков в изученных и сравнительных группах (женщины)

№	Название группы	N	D/10	lc	t	Hу	ДМТ	ЕМК
1	Татары казанские (западные р-ны)	127	11,53	8,33	74,0	32,6	21,2	47,5
2	Татары казанские (восточные р-ны)	175	11,57	7,95	76,5	23,4	12,5	59,3
3	Татары казанские (северо-западные р-ны)	50	11,64	8,56	57,0	45,0	32,0	29,8
4	Татары казанские (северо-восточные р-ны)	30	12,06	7,90	75,0	33,3	21,6	52,0
5	Татары казанские (Шали)	88	12,84	8,35	69,3	22,2	15,3	56,9
6	Татары казанские (Арск)	100	11,78	8,36	68,0	24,5	16,0	51,9
7	Татары казанские (Бизяки)	67	12,81	8,54	47,8	41,0	17,9	38,4
8	Нагайбаки	77	12,87	7,55	69,4	32,4	15,5	58,2
9	Татары мишари чистопольские	73	12,82	8,04	57,6	46,6	21,9	41,2
10	Татары сибирские заболотные	113	13,45	7,06	71,2	31,4	12,4	66,0
11	Татары сибирские тобольские	114	13,39	7,96	75,6	21,0	11,4	65,9
12	Татары сибирские тюменские	110	13,79	7,35	77,3	31,4	17,3	64,8
13	Татары сибирские ялуторовские	111	13,31	7,98	60,4	16,3	27,2	55,2
14	Татары сибирские тевризские	115	12,55	7,24	74,0	24,8	14,8	64,9
15	Татары астраханские	111	12,72	7,86	67,6	35,1	15,3	53,8
16	Башкиры юго-восточные	972	12,62	7,92	58,4	30,1	16,2	51,7
17	Башкиры северо-восточные	549	12,55	7,84	65,6	30,0	16,2	54,6
18	Башкиры юго-западные	75	13,19	8,34	63,3	36,2	25,5	45,0
19	Башкиры северо-западные	206	12,69	7,80	57,8	29,6	11,6	54,9
20	Чуваши верховые (Моргаушский, Аликовский р-ны)	175	—	—	—	—	—	—

Дерматоглифика казанских татар

Окончание т а б л . 3

№	Название группы	N	D/10	lc	t	Hу	ДМТ	ЕМК
21	Чуваши низовые (Янтиковский р-н)	80	—	—	—	—	—	—
22	Калмыки торгоуты	352	13,62	7,79	69,6	24,4	7,8	65,8
23	Калмыки донские	70	13,22	8,23	70,7	27,1	10,7	59,3
24	Карачаевцы	82	13,25	8,67	58,6	43,3	12,8	43,8
25	Балкарцы	85	12,51	8,46	59,4	40,6	17,6	42,4
26	Ногайцы Дагестана	100	12,40	8,03	70,0	29,0	13,5	56,0
27	Ногайцы Ставропольского края	101	13,13	8,06	60,3	33,7	14,9	51,8
28	Казахи	348	13,28	7,82	74,1	26,0	36,6	63,9
29	Мордва-мокша	313	11,92	8,29	58,1	33,0	16,4	45,4
30	Мордва-эрзя	791	12,04	8,24	59,1	35,8	14,8	46,0
31	Мордва-шокша	100	12,02	8,50	52,0	28,5	18,0	43,4
32	Марийцы луговые	92	12,72	7,73	65,8	33,7	19,6	52,8
33	Марийцы горные	94	12,73	7,07	69,7	30,3	13,8	63,2
34	Удмурты	689	12,45	7,53	69,2	33,9	16,1	56,1
35	Бесермяне	62	12,95	7,58	62,9	43,5	27,4	45,6
36	Манси вагильские	60	12,66	8,07	52,5	24,2	11,7	53,4
37	Манси ивдельские	55	13,36	8,04	65,5	46,4	11,8	50,2
38	Манси ляпинские	85	13,16	7,78	69,4	30,0	14,7	58,9
39	Манси сосьвинские	69	13,21	7,77	62,4	34,0	6,6	58,6
40	Ханты березовские	95	14,23	7,49	73,2	20,5	9,5	72,1
41	Ханты ваховские	20	15,32	7,75	80,0	35,0	7,5	70,2
42	Коми-зыряне	367	11,52	8,04	62,4	36,8	19,7	44,4
43	Коми-пермяки	510	11,64	7,72	61,4	37,7	17,6	47,3
44	Русские Вологодской обл. (Сокол)	100	11,69	8,32	56,5	36,0	17,0	42,4
45	Русские Саратовской обл. (Хвалынский)	72	11,76	8,38	55,6	35,4	17,4	41,9
46	Русские Рязанской обл. (Михайлов)	100	12,69	8,11	51,5	33,0	18,0	46,0
47	Русские Нижегородской обл. (Городец)	94	11,93	8,04	49,5	43,1	15,4	40,3
48	Украинцы Белополья, Украина	72	11,12	7,94	68,0	41,0	13,2	46,9
49	Украинцы Глобино, Украина	71	11,45	8,32	54,2	28,9	17,6	43,8
50	Украинцы Щорса, Украина	78	11,32	8,13	50,0	33,3	22,4	39,2
51	Болгары, Молдавия	99	13,14	8,03	66,2	29,3	17,7	54,8

Источники: 1–4, 8 — данные автора; 5–7, 9, 15 — [Хить, Долинова, 1995]; 10–14 — [Хить, 1990а]; 16–19 — [Лейбова, 2011]; 20, 21 — неопубликованные данные, любезно предоставленные Е.Г. Лебедевой; 22, 23 — [Ашилова, 1980]; 24–27 — [Хить, 2003]; 28 — [Исмагулов и др., 2007] (для казахов были взяты значения ключевых признаков в мусреповской, косагашской, жолпактарской, карабутакской группах); 29–31 — [Хить, 1983]; 32, 33, 36–41 — [Хить и др., 1996]; 34, 35 — [Долинова, 1989]; 42, 43 — [Долинова, 2005]; 44–50 — [Хить, 1983]; 51 — [Хить, Долинова, 1990].

Результаты и обсуждение

Ввиду обширности материала результаты внутригруппового анализа изученных автором татарских групп по необходимости перемежаются межгрупповыми сопоставлениями с целью более точного выявления компонентов, составивших татарский этнос.

Внутригрупповой анализ казанских татар

Переходя к сравнительному анализу как мужских, так и женских татарских групп, следует отметить их выраженную неоднородность. Мужские выборки четко распадаются на две группы, соответствующие хронологии сбора материала. Одну группу составляют выборки 30-х гг. XX в., вторую — выборки, полученные в 70-х гг. XX в. и собранные автором в 2012 г. Женские группы демонстрируют иную картину: имеются две сильно выбивающиеся из общего ряда разновременные выборки, а остальные дают метисные европеоидно-монголоидные варианты в разных соотношениях.

Мужчины

Несмотря на различия в комбинациях признаков, средняя межгрупповая величина ОДР для девяти сравниваемых мужских групп казанских татар составляет 9,06, что относится к категории малых величин на внутриэтническом уровне. Вариации ОДР велики: от очень малых до больших (7,4–16,9).

Четыре дисперсные выборки 30-х гг. представляют собой метисные европеоидно-монголоидные варианты с повышенной частотой встречаемости осевого ладонного трирадиуса, довольно высоким (на фоне взятых для сравнения групп) индексом Камминса, тенденцией к повышению частоты встречаемости узоров на гипотенаре; при этом встречаемость дополнительных межпальцевых трирадиусов и дельтовый индекс понижены, за исключением татар восточ-

ных районов республики. По форме полигонов выделяется комбинация, характерная для западных, северных и южных выборок казанских татар, которая встречается также у северо-западных башкир, верховых чувашей, калмыков малых дербетов, бесермян. Татары восточных районов характеризуются повышением дельтового индекса (рис. 2).

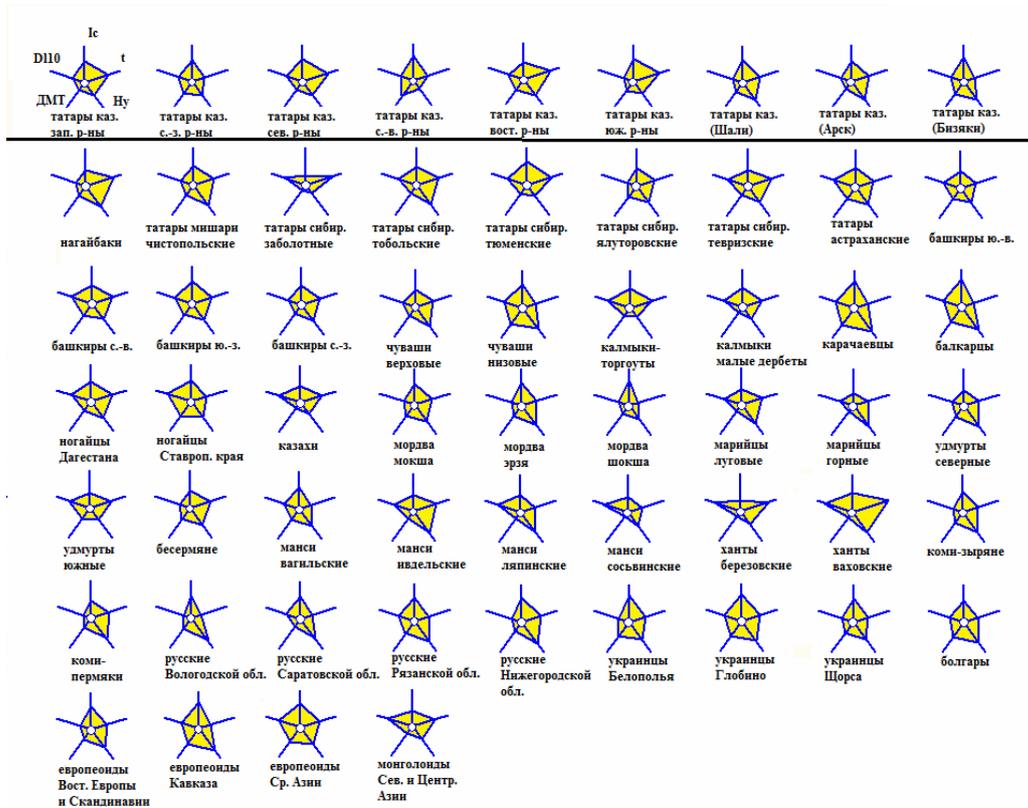

Рис. 2. Комбинации признаков дерматоглифики в рассмотренных популяциях (мужчины). Центр полигона соответствует минимальному, конец радиуса — максимальному лимиту евразийской шкалы популяционных средних (по [Хить, 1983]).

Локальные выборки, собранные в 70-х гг. XX в., а также в наши дни, демонстрируют иной комплекс, характерный скорее для восточно-европейского дерматоглифического типа. Полигон казанских татар северо-западных районов характеризуется увеличением прежде всего индекса Камминса, частоты узорности гипотенарной подушечки, процента встречаемости дополнительных межпальцевых трирадиусов и одновременным уменьшением частоты встречаемости низкого осевого ладонного трирадиуса и дельтового индекса. Отличие состоит только в гармоничном одновременном увеличении частоты встречаемости дополнительных межпальцевых трирадиусов и узорности гипотенарной подушечки у татар, что может свидетельствовать о южно-европеоидной примеси. Сходную тенденцию демонстрируют и татары северо-восточных районов, с тем отличием, что в данной выборке значительно увеличена частота дополнительных межпальцевых трирадиусов, что также может указывать на наличие южно-европеоидной примеси.

Картина, полученная при анализе полигонов, подтверждается и на материалах кластеризации матриц ОДР. Все группы казанских татар объединяются в два больших кластера (рис. 3). В первый вошли четыре группы казанских татар (северных, восточных, западных и южных районов), данные по которым собраны в 30-х годах XX в., по сочетанию признаков более близкие к монголоидным популяциям, нежели к европеоидным. Средняя величина ЕМК для кластера составляет 55,7, что означает преобладание монголоидного компонента в составе групп данного кластера. Среднее внутрикластерное ОДР составило 9,9, что соответствует категории малых величин. Обобщенный полигон, построенный по ключевым признакам, также обнаруживает сочетание, свойственное метисным группам, близкое скорее к монголоидному (рис. 4). Во втором

Дерматоглифика казанских татар

кластере объединились пять групп казанских татар, хронологически наиболее близкие к современности. Величина ЕМК для кластера 2 составила 45,1, а обобщенный полигон имеет форму, близкую к таковой для восточно-европейских популяций. Внутрикластерное ОДР для кластера составляет 12,56 и оценивается по величине как среднее. При этом отдельный субкластер образовали татары северо-восточных районов, а в другом субкластере объединились татары северо-западных районов и Бизяков, а также Арска и Шали. Татары северо-восточных районов демонстрируют определенное своеобразие, заняв обособленное положение. Однако предельно низкий объем данной выборки заставляет с осторожностью говорить о результатах.

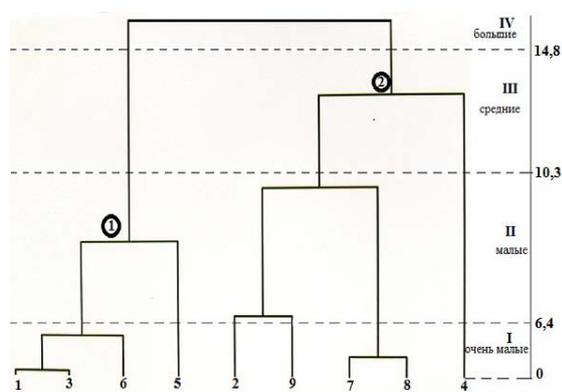

Рис. 3. Дендрограмма групп казанских татар, построенная на основе матрицы ОДР (мужчины). Номера групп как в табл. 2. В скобках — величина ЕМК.

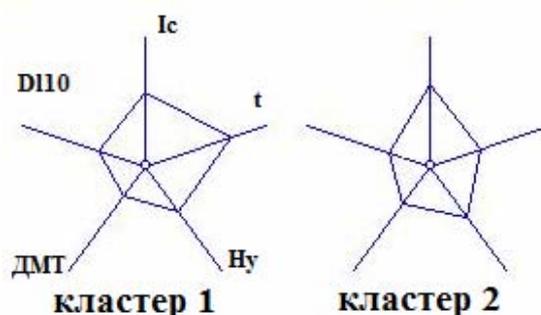

Рис. 4. Комбинационные полигоны кластеров (мужчины).

Женщины

Средняя межгрупповая величина ОДР для семи групп казанских татарок составляет 11,09. Разброс величин ОДР широко варьируется от очень малых (5,6) до очень больших (19,6).

Среди женских групп XXI в. наблюдаются различные сочетания признаков. Татарки восточных районов наиболее сходны с ранее исследованными татарками Арска (у последних увеличен дельтовый индекс и процент встречаемости низкого осевого ладонного трирадиуса, понижены значения индекса Камминса, узорности гипотенара, процента встречаемости дополнительных межпальцевых трирадиусов). Татарки северо-восточных и западных районов демонстрируют метисные сочетания признаков, причем у первых доля монголоидности немного увеличена. Татарки северо-западных районов обнаруживают неожиданное (по сравнению с мужчинами) европеоидное сочетание признаков, причем с сильным повышением узорности гипотенара и частоты встречаемости дополнительных межпальцевых трирадиусов (признаки южно-европеоидного комплекса).

Казанские татарки западных районов по форме полигонов схожи с татарками северо-восточных районов, коми-зырянками, луговыми марийками; татарки восточных районов по форме полигонов демонстрируют некоторое сходство с татарками Арска и Шали, представляя собой некий метисный вариант. Однако от последних двух групп татарки восточных районов отличаются понижением дельтового индекса, что может говорить как о меньшей выраженности монголоидного, так и об увеличении европеоидного компонента, в составе группы. Форма полигона казанских татарок северо-западных районов не находит прямых аналогий среди сравниваемых групп, но свидетельствует об усилении южно-европеоидного компонента (узорность гипотенара, ДМТ) в этой группе. Впрочем, стоит отметить небольшой объем выборки (50 женщин) (рис. 5).

Анализ матрицы ОДР семи женских групп показал наличие двух кластеров (рис. 6). В одном объединились группы с самыми необычными для татар сочетаниями признаков — татарки северо-западных районов и Бизяков. Второй распадается на два малых: субкластер, состоящий из татарок Шали, Арска и северо-восточных районов, а также субкластер, включающий в себя татарок западных и северо-восточных районов. Среднее ОДР для первого субкластера составляет 9,8 и входит в категорию малых величин, среднее значение ЕМК для кластера — 53,5, т.е. в него вошли группы с преобладающей долей монголоидности в составе. Обобщенный полигон

для кластера 1 имеет форму, характерную для метисных групп с преобладанием монголоидности (рис. 7). Во второй кластер, напротив, вошли две группы с наименьшими значениями ЕМК (среднее для кластера — 34,1), однако обе группы объединились на уровне больших расстояний (среднее значение ОДР — 19,0), обобщенный полигон по форме схож с восточно-европейским (рис. 7). Таким образом, по содержанию монголоидного компонента и величине ОДР рядом оказываются разновременные выборки, что в случае северо-восточных татарок может говорить о более стабильном сохранении комплекса признаков у женщин, нежели у мужчин.

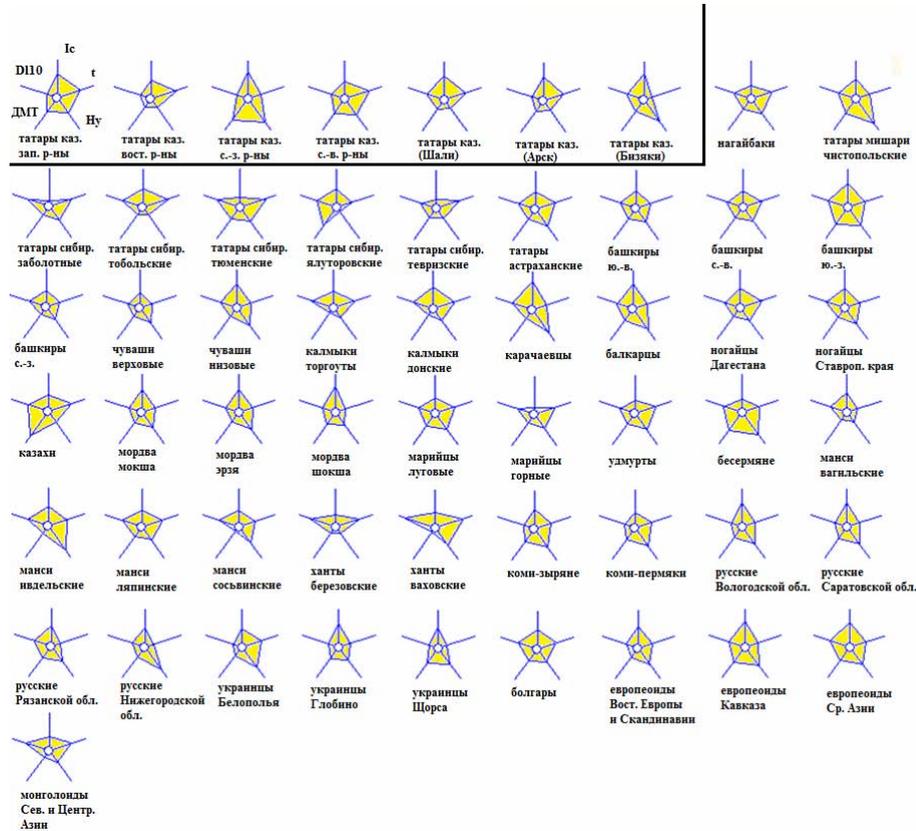

Рис. 5. Комбинации признаков дерматоглифики в рассмотренных популяциях (женщины). Центр полигона соответствует минимальному, конец радиуса — максимальному лимиту евразийской шкалы популяционных средних (по [Хить, 1983]).

Межгрупповой анализ

Татарские группы были рассмотрены на фоне обширных материалов по различным народам Евразии (табл. 2, 3).

Европеоидно-монголоидный комплекс (ЕМК) демонстрирует значительные различия в расовом составе рассматриваемых групп казанских татар (рис. 8). Величина ЕМК у девяти мужских татарских групп варьируется широко, в пределах от 39,4 до 56,9, при этом ни одна из групп (за исключением татар Бизяков, имеющих уменьшенный ЕМК, превосходящий восточно-европейскую среднюю) не выходит из зоны промежуточных значений. Более половины мужских выборок (татары Арска, Бизяков, Шали, северо-западных и северо-восточных районов) тяготеют по величинам ЕМК к восточно-европейской средней, оказываясь рядом на графике с мордвой мокшей, северными удмуртами, вагильскими манси, русскими Саратовской области, коми-пермяками. Выборки 30-х гг. (татары западных, северных, восточных и южных районов) характеризуются значительным увеличением монголоидного компонента по сравнению с группами восточно-европейского типа (ЕМК варьируется от 54 до 56,9).

В женских группах татар ЕМК также варьируется очень широко (от 29,8 до 59,3), но группы распределяются по шкале более равномерно, не разделяясь на четкие группировки по хронологическому принципу. Татарки северо-западных районов и Бизяков превосходят восточно-европейскую среднюю по содержанию европеоидного компонента, имея уменьшенный ЕМК, и за-

Дерматоглифика казанских татар

нимают крайнее положение на фоне всех сравниваемых групп. Остальные женские группы казанских татарок расположились в зоне промежуточных значений между восточно-европейской и сибирской средней. При этом татарки западных районов тяготеют к первой более остальных групп (ЕМК = 47,5). Татарки Арска, Шали, северо-восточных и восточных районов обладают заметно повышенными значениями ЕМК (от 51,9 до 59,3) по сравнению с восточно-европейской средней.

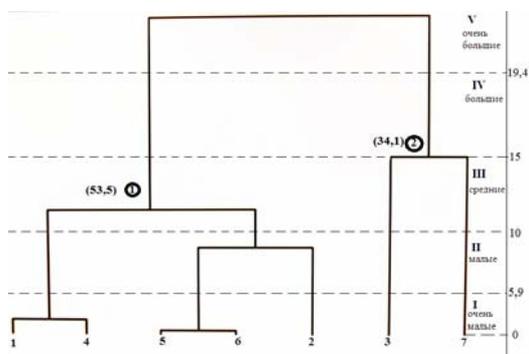

Рис. 6. Дендрограмма групп казанских татар, построенная на основе матрицы ОДР (женщины). Номера групп как в табл. 3. В скобках — величина ЕМК.

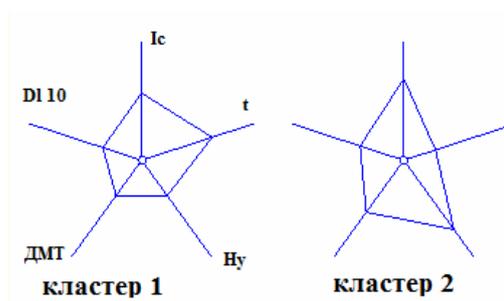

Рис. 7. Комбинационные полигоны кластеров (женщины).

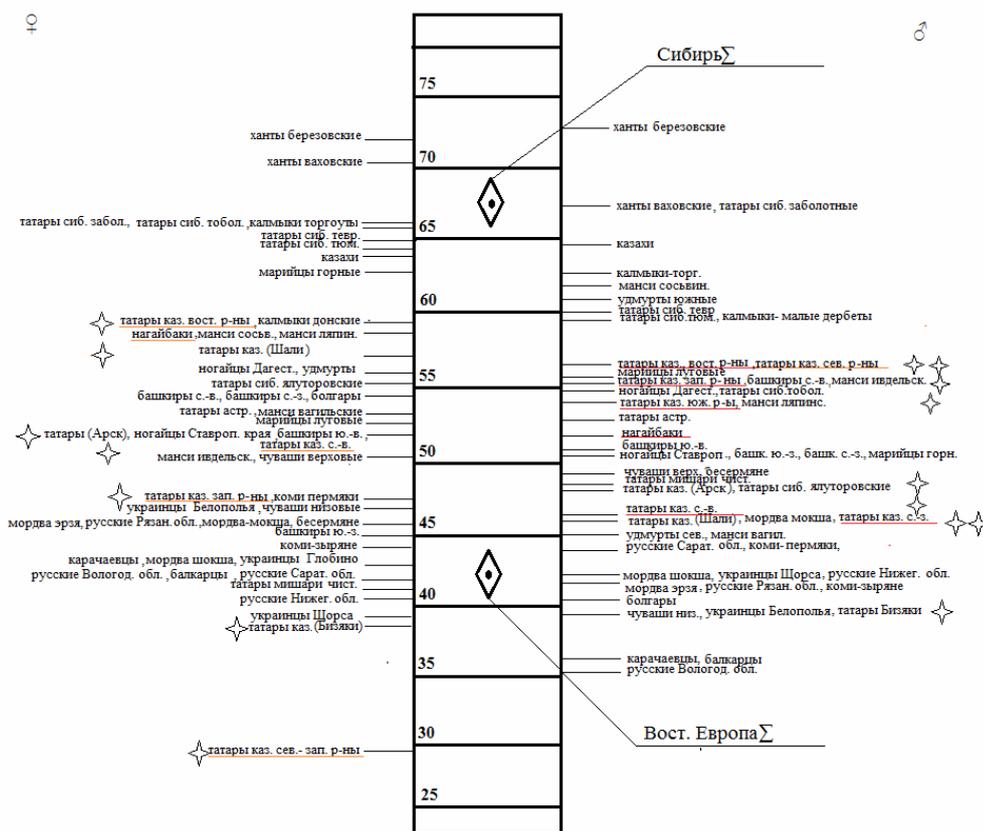

Рис. 8. Величина ЕМК у исследованных групп казанских татар и сравниваемых групп. Восточная Европа, Сибирь — обобщенные выборки европеоидов Восточной Европы и монголоидов Сибири соответственно (по [Хить, 1983]). Сравнить в пределах пола.

Полученная картина в значительной степени повторяется и при межгрупповом анализе с помощью метода главных компонент (табл. 5, 6).

Результаты компонентного анализа на межэтническом уровне демонстрируют сильный разброс рассматриваемых разновременных татарских выборок. И у мужчин, и у женщин значимой оказывается лишь первая главная компонента, которая имеет в обоих случаях высокие нагрузки, исчерпывая без малого половину всей изменчивости (49,4 % — у мужчин, 44,3 % — у женщин). Различное число мужских и женских татарских выборок (преобладают первые) обусловило включение в анализ только парных выборок, где женская и мужская части популяции исследовались одновременно. В этом межгрупповом масштабе выборки казанских татар обнаруживают широкую вариабельность, особенно женщины.

Таблица 5

Нагрузки на главные компоненты для татар и сравнительных групп (мужчины)

	I ГК	II ГК	III ГК
<i>D10</i>	-0,598	0,518	0,564
<i>Ic</i>	0,782	0,404	-0,155
<i>t</i>	-0,744	0,073	0,038
<i>Hу</i>	0,579	-0,511	0,605
<i>AIT</i>	0,785	0,438	0,174
Собственное число	2,474	0,889	0,739
% изменчивости	49,477	17,785	14,788

Таблица 6

Нагрузки на главные компоненты для татар и сравнительных групп (женщины)

	I ГК	II ГК	III ГК
<i>D10</i>	-0,688	-0,171	0,380
<i>Ic</i>	0,742	-0,172	-0,269
<i>T</i>	-0,804	0,294	0,080
<i>Hу</i>	0,581	-0,238	0,742
<i>AIT</i>	0,460	0,838	0,205
Собственное число	2,219	0,904	0,815
% изменчивости	44,373	18,088	16,306

Две другие компоненты в обоих случаях демонстрируют тенденцию к разделению исследуемых выборок на группы с преобладанием южно-европеоидных и северно-европеоидных черт (рис. 9). В рассматриваемом масштабе первая компонента разделяет выборки на две группы — с усиленными монголоидными и усиленными европеоидными чертами. Как у мужчин, так и у женщин она положительно скоррелирована с индексом Камминса, гипотенаром и процентом встречаемости дополнительных межпальцевых трирадиусов, отрицательно — с дельтовым индексом и процентом встречаемости осевого ладонного трирадиуса. Вторая компонента в обеих половинах популяций отражает тенденцию к разделению групп на южно-европеоидные и северно-европеоидные.

В «европеоидной» (правой) половине графика расположились все славянские народы (русские, украинцы, болгары), около половины финно-угорских народов (мордва, вагильские манси, коми-пермяки), кавказские народы (карачаевцы, балкарцы), часть тюрок (ногайцы Ставропольского края, юго-западные башкиры) и основная часть казанско-татарских групп. Отметим, что в эту часть вошли близкие к современности выборки 70-х гг. XX в. и начала XXI в. (татары Арска, Бизяков, Шали, северо-западных и северо-восточных районов Татарстана). В «монголоидную» половину графика попали большая часть тюркских (ногайцы Дагестана, почти все группы башкир, астраханские татары), монгольских (калмыков), часть финно-угорских народов и две выборки казанских татар, собранные в 30-е гг. XX в. (татары восточных и западных районов, которые заняли пограничное положение на графике). Оказавшись рядом с ваховскими хантами, ивдельскими и ляпинскими манси, калмыками и большей частью сибирских татар, казанские татары восточных и западных районов все же значительно удалены от наиболее выраженных монголоидных вариантов, представленных ваховскими и березовскими хантами.

В целом при значительном расширении рассматриваемой территории (от Молдовы до Западной Сибири) вновь отчетливо наблюдается разделение казанских татар на две группы. Основная часть их расположилась в «европеоидной» части графика, другая заняла положение в «монголоидной» половине, хотя и в ее пограничной зоне.

Дерматоглифика казанских татар

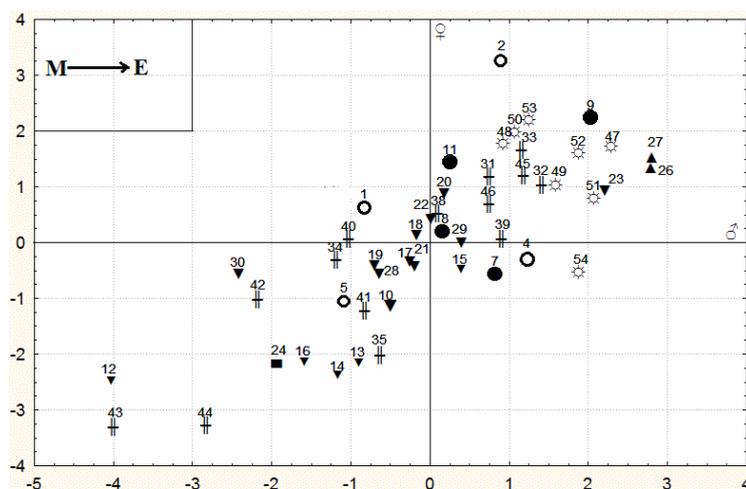

Рис. 9. Величина первой (единственно значимой) главной компоненты в исследованных и сравнительных группах. По оси абсцисс — мужчины, по оси ординат — женщины.

Номера групп соответствуют номерам в табл. 2:

Условные обозначения: ○ — татарские группы (○ — группы автора; ● — данные других исследователей); || — финно-угорские группы; ▼ — тюркоязычные группы Восточной Европы и Сибири; ▲ — карачаевцы и балкарцы;

☀ — славянские группы; ■ — монголоязычные группы (калмыки).

Примечание: поскольку количество мужских и женских групп не совпадает, из сравнения выпали группы, не имеющие пары; за основу взята нумерация мужских групп (табл. 2).

Заключение

1. Казанские татары, проживавшие и проживающие на территории Республики Татарстан, по признакам дерматоглифики представляют собой этнос восточно-европейского типа, отличающийся повышенной гетерогенностью и сложностью антропологического состава. Здесь обнаруживаются как восточно-европейский (преобладающий), так и южно-европеоидный компоненты, наряду с компонентом метисного монголоидно-европеоидного происхождения.

2. Благодаря имеющимся в распоряжении автора разновременным, хотя и не совпадающим географически выборкам удалось установить на материале более многочисленных мужских групп постепенное уменьшение монголоидного компонента в антропологическом составе казанских татар на протяжении последних 80 лет. Автором впервые предпринята попытка проанализировать данные дерматоглифики в диахронном аспекте на примере казанских татар. По типам полигонов и величине ЕМК выделяются два варианта сочетаний: с повышенной долей монголоидной примеси (выборки 30-х гг. XX в.); с преобладанием европеоидного компонента, близкого к восточно-европейскому типу (выборки 70-х гг. и начала XXI в.).

3. Особенно показательны мужские выборки, четко разделяющиеся хронологически. При этом выборки 30-х гг. XX в., представляющие собой метисные варианты с преобладанием монголоидного компонента, находят аналогии по сочетанию признаков среди более поздних по времени обследования выборок марийцев, чувашей, башкир (кроме северо-западных) и нагайбаков. Нагайбаки, в силу обстоятельств оказавшиеся в изоляции от поволжско-татарского этноса с середины XIX в., по-видимому, сохранили особенности дерматоглифического комплекса, которые были характерны для казанских татар начала XX в., в данной статье — это группы татар южных, западных, восточных и северных районов.

4. Мужские выборки 70-х гг. XX и начала XXI в. демонстрируют типичное сочетание признаков восточно-европейского, иногда с чертами североевропеоидного, типа. Подобная картина могла сложиться, по-видимому, в связи с притоком восточно-европейского, преимущественно славянского, населения в регион в течение XX в., вызванного освоением новых земель и строительством новых промышленных объектов. Благодаря этому фактору дерматоглифический тип казанских татар на протяжении последних 80 лет как бы «размывался» все новыми и новыми вливаниями населения с восточно-европейским сочетанием признаков.

5. Женские выборки демонстрируют в основном ту же тенденцию, что и мужские, но выраженную менее четко. Женщины характеризуются значительно большим разнообразием сочетаний, нежели мужчины, уже в период 30-х гг. XX в.

Среди женских групп отчетливо выделяются выборки с увеличенным южно-европеоидным компонентом (татарки северо-западных районов), возможно, унаследованным от более древнего населения этих территорий. Две дисперсные выборки 30-х гг. XX в. (татарки восточных и западных районов) значительно отличаются друг от друга. При этом татарки восточных районов, изученные в 30-х гг., демонстрируют сходство с выборками 70-х гг. из Шали и Арска, т.е. комплекс с преобладающим содержанием монголоидности у женщин сохраняется в отдельных выборках вплоть до 70-х гг. XX в. Однако наряду с этим женские выборки из Бизяков (70-е гг. XX в.) и татарки северо-западных районов (XXI в.) демонстрируют преобладающую долю европеоидного компонента, причем в случае северо-западных татарок этот компонент может быть идентифицирован как южно-европеоидный.

Выражаю искреннюю благодарность директору НИИ и Музея антропологии им. Д.А. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужиловой, в.н.с. лаборатории антропоэкологии НИИ и Музея антропологии МГУ к.б.н. В.А. Бацевичу за предоставленную возможность работы с музейными коллекциями отпечатков, заведующему антрополого-генетической лабораторией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ к.и.н. И.Р. Газимзянову за неоценимую помощь в организации полевого выезда в Республику Татарстан в сентябре 2012 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // *Вопр. антропологии*. 1973. Вып. 45. С. 15–29.
- Аксянова Г.А., Абраменкова Е.В. Антропологическая характеристика татар-кряшен Республики Татарстан // VIII конгр. этнографов и антропологов России: Тез. докл. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 140.
- Аксянова Г.А., Харламова Н.В. Одонтология современных татар и кряшен Среднего Поволжья // *Вестн. антропологии*. 2013. № 4 (26). С. 144–165.
- Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р. Антропологические исследования в Арском районе в 2007 году: (Предварительные результаты) // *Арск и Арская земля: Актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия*. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 97–101.
- Аксянова Г.А., Чижикова Т.П. Комплексная соматическая характеристика татар Среднего Поволжья // 5-я Междунар. конф. «Алексеевские чтения» памяти акад. Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева, 6–8 ноября 2013 г., Москва: Тез. М.: ИА РАН, 2013. С. 5.
- Ашилова Д.О. Распределение дерматоглифических признаков среди этнотерриториальных групп калмыков // *Вопр. сравнительной этнографии и антропологии калмыков*. Элиста, 1980. С. 42–52.
- Газимзянов И.Р. Антропология населения Волжской Булгарии золотоордынского периода и некоторые вопросы этногенеза татар Среднего Поволжья // *Вестн. антропологии*. 1996. Вып. 1. С. 97–120.
- Газимзянов И.Р. Антропологический облик татар // *Татары*. М.: Наука. 2001. С. 35–40.
- Гладкова Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М.: Наука. 1966. 154 с.
- Гладкова Т.Д. Четырехпальцевая линия у некоторых народов СССР // *Вопр. антропологии*. М., 1968. Вып. 28. С. 92–105.
- Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: МГУ, 1983. 227 с.
- Долинова Н.А. Дерматоглифика удмуртов // *Новые исследования по этногенезу удмуртов*. Ижевск, 1989. С. 108–121.
- Долинова Н.А. Дерматоглифика коми-зырян и коми-пермяков // *Антропология коми*. М., 2005. С. 193–211.
- Елистратов И.Н., Шапкин В.М., Шлугер С.А. Геногеографические исследования в Волгокамье // *Краткие сообщения о научных работах научно-исследовательского института и музея антропологии при МГУ за 1938–39 г. М., 1941*. С. 20–21.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991. 95 с.
- Исмагулов О., Сихымбаева К.Б., Исмагулова А.О. Этническая дерматоглифика казахов. Алматы, 2007. 240 с.
- Исхаков Д.М. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования: *Ист.-этногр. атлас татарского народа*. Казань: Дом печати, 2002. 247 с.
- Лейбова (Суворова) Н.А. Дерматоглифика башкир // *Антропология башкир*. СПб.: Алтейя, 2011. С. 217–271.
- Рыкушина Г.В. Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // *Антропология современных финно-угорских народов*. М., 2000. С. 100–134.
- Трофимова Т.А. Происхождение татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 263 с. (Тр. ИЭ; Т. VII).
- Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983. 280 с.

Дерматоглифика казанских татар

Хить Г.Л. Расовый состав населения СССР по материалам дерматоглифики // Расы и народы. 1986. Вып. 16. С. 31–43.

Хить Г.Л. Антропологический состав и генетические связи сибирских татар по данным дерматоглифики // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990а. С. 14–34.

Хить Г.Л. Дерматоглифика тюркоязычных народов СССР // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа, 1990б. С. 27–50.

Хить Г.Л. Дерматоглифика ногайцев // Антропология ногайцев: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2003. Вып. 4. С. 188–196.

Хить Г.Л. Дерматоглифика народов Поволжья и Приуралья // Вестн. антропологии. М., 2004. Вып. 11. С. 38–48.

Хить Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества. М.: Наука, 1990. 206 с.

Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика татар Евразии // Современная антропология и проблема рас у человека. М., 1995. С. 174–191.

Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Угры Оби и уральская раса: Дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. М., 1996. Вып. 2. С. 111–128.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу формирования уральской расы: (Мел-лятамакские могильники) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 135–149.

Cummins H., Midlo C. Finger prints, palms and soles: Introduction to dermatoglyphics. Philadelphia, 1943.

Sharma A. Comparative methodology in dermatoglyphics. Delhi, 1964.

Москва, ИЭА РАН
anigma88@yandex.ru

The article presents basic results of a dermatoglyphic investigation with Kazan' Tartars. The investigation uses data on prints of both hands for 1310 persons (928 males and 382 females). Subject to determination being greater heterogeneity of the female samples compared with the male ones. The paper selected basic dermatoglyphic variants. For the first time the author makes an attempt of diachronic analysis of dermatoglyphic data.

Kazan' Tartars, ethnic dermatoglyphics, peoples of the Volga basin, ethnic history.

ЭТНОЛОГИЯ

ОЛЕНИ И ГАЗ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЯМАЛА¹

А.В. Головнёв, И.В. Абрамов

Полуостров Ямал стал местом встречи и конкуренции несовместимых на первый взгляд технологий оленеводства и газодобычи. Это выражается в пересечении двух самых длинных дорог полуострова: традиционного кочевого пути ненцев с ханской стороны на ямальскую и железной дороги с «материка» на Бованенковское газоконденсатное месторождение. Промышленность меняет облик Ямала в соответствии с новым дизайном природопользования и коммуникаций, в то время как ненецкие оленеводы сохраняют традиционный ритм миграций и пользования пастбищами. Ямал переживает соперничество двух разных стратегий развития, проводниками которых являются традиционное и технологическое общества. Обе стороны наращивают давление на тундру, подрывая тем самым экологическую стабильность в регионе. В этнологической экспертизе сегодня нуждаются не отдельные месторождения и проекты, а весь Ямал как единая экосоциосистема, в которую вписан кочевой уклад жизни оленеводов. Крупнотадное оленеводство ненцев невозможно без сохранения единого пространства трансъямальских маршрутов. Этнологическая экспертиза в таких условиях становится методом минимизации последствий культурного столкновения и конфликтогенной конкуренции.

Полуостров Ямал, оленеводство, ненцы, кочевники, миграции, экологическая экспертиза, антропогенное воздействие, экосоциосистема.

Ямал известен в мире самой крупной группировкой домашних оленей и огромными запасами природного газа. Каждый из этих ресурсов достаточен для профильного развития региона, однако сочетание богатств чревато как «ресурсным проклятием», так и конкуренцией приоритетов. Еще недавно было распространено мнение о принципиальном расхождении оленеводческого и геологического стилей освоения как старого и нового, традиционного и современного, туземного и иноземного. Реалии оказались изящнее умозрительных сценариев, и сегодня кочевники и газовики демонстрируют не только собственные достижения и претензии, но и способность к дипломатии и гибкому взаимодействию. Осмысление сценариев конструктивного взаимодействия «олений и газа» особенно актуально при выборе инструментария освоения новых участков «газоносных тундр». В одном из таких районов в западной части Ямальского полуострова, близ губы Крузенштерна, в 2013 г. была проведена этноэкспертиза, материалы которой легли в основу этой статьи².

Ямал является местом, где впечатляюще раскрылся потенциал кочевого тундрового оленеводства. Среди всех северных народов ненцы достигли наибольших успехов в оленеводстве, сделав его основой собственной культуры и регионального экономического развития. Успехи ямальских оленеводов в постсоветский период дали основания говорить о феномене ненецкого оленеводства [Южаков, 2005]. Ямало-Ненецкий автономный округ стал территорией с самым большим поголовьем домашних оленей на планете — более 700 тыс. голов. Только на полуострове Ямал³, совпадающем территориально с Ямальским районом, выпасается, по официальным данным, около 280 тыс. оленей [Кугаевский, 2013]. Более 5 тыс. чел. ведут кочевой образ жизни (рис. 1).

Одновременно север Западной Сибири располагает самыми большими в России запасами газа. Доля Ямало-Ненецкого АО составляет 23 % мировых разведанных запасов и 60 % общероссийских (без учета шельфа). Ямальский полуостров — самый перспективный на сегодня район освоения с разведанными запасами газа около 16 трлн м³. По расчетам, к 2020 г. добыча

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации».

² Полярный отряд ЭтноЭкспедиции под руководством А.В. Головнёва проводил исследования на Ямале, в том числе этнологическую экспертизу проекта геологоразведочных работ ООО «Газпромгеологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения, в июле — августе 2013 г.

³ 75 % территории составляют пастбища.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

газа на Ямальском полуострове составит 360 млрд м³ газа, что сопоставимо по объему с текущими поставками ОАО «Газпром» на российский рынок и в два раза превышает поставки газа в дальнее зарубежье. Арктические запасы углеводородного сырья имеют стратегический характер для государства; добыча и экспорт газа — безальтернативная для России стратегия развития в ближайшей перспективе, а Ямало-Ненецкий автономный округ — опорный регион реализации этой стратегии.

Рис. 1. Каслание 4-й бригады МОП «Ярсалинское» вблизи губы Крузенштерна, август 2013 г.
Фото И.В. Абрамова.

Пересечение пространственных стратегий

На сегодняшней карте Ямальского полуострова действия газовиков выглядят прорывом Полярного круга — настолько тотально и стремительно их продвижение в Заполярье. Полуостров Ямал буквально расчленен инфраструктурными объектами, и в разных его частях формируются мощные очаги промышленного освоения. Из сельхозоборота выводятся десятки тысяч гектаров тундровых пастбищ. Только в районе Бованенковского месторождения в зоне прямого и косвенного воздействия оказались олени пастбища площадью 170,5 тыс. га, что составляет 3,5 % от общей площади пастбищ МОП «Ярсалинское» [Стратегия..., 2008].

Противостоять экспансии газовиков ненцы могут лишь в правовом поле. За последний век ими был проделан нелегкий путь от активной конфронтации до конструктивного сотрудничества с государством и промышленными компаниями. Вместо удобной роли младшего брата в привычном формате патерналистских отношений ненцы избрали путь большого народа, обладающего самобытной культурой и собственным экономическим потенциалом. За последние четыре столетия ненцы охватили своими кочевьями огромное пространство от Белого моря до Таймыра, и на карте советской Арктики XX в. значились три округа, содержавшие в титуле их этническое имя, — Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Долгано-Ненецкий. В постсоветский период ненцы демонстрируют поразительную адаптивность, умело сочетая традиции и новации в культуре [Головнёв, 2011; Штаммлер, 2013].

Сегодня главные сражения за ямальскую землю ведутся в тиши кабинетов, а итоги подводятся в земельном кадастре. Итоги эти неутешительны, поскольку инициатива в принятии решений принадлежит исключительно одной стороне. Деятельность основного ямальского актора — ОАО «Газпром» и его многочисленных подрядчиков де-факто ничто не ограничивает, так как они исполняют «государеву волю». Это очевидно и для ненцев, их реплики часто предваряются следующим вступлением: «Мы прекрасно понимаем, что газ должен добываться и

разрабатываться, но должны же они...». Пожеланий того, что должны делать газовики, довольно много, и в большинстве своем они понятны и реализуемы, однако голос тундры сравнительно редко доходит до менеджеров Газпрома, принимающих стратегические решения. Газовики сами определяют, что и как они будут компенсировать. Большая часть финансовых вложений уходит на развитие инфраструктуры поселков Ямальского района. Не касаясь кочевых ненцев напрямую, эти меры влияют опосредованно, подталкивая к переходу на оседлый образ жизни.

Формат устройства нефтегазопромыслов на Севере во многом воспроизводит схему горнозаводских округов, существовавшую в дореволюционной России: корпоративные автономии с широкими правами по самоуправлению на вверенной территории. На практике это проявляется в пренебрежении к имеющейся структуре ненецкого оленного хозяйства и местным практикам землепользования. Экспликация имеющихся и проектируемых объектов газовой отрасли показывает, что газовики в первую очередь осваивают возвышенные, хорошо дренированные участки тундры с потенциальными возможностями для развития транспортной сети. Подобные места давно освоены оленеводами по этим же причинам, и в структуре землепользования они играют зачастую ключевую роль (отельные пастбища, подходы к переправам). Проблема отчуждения пастбищ усугубляется тем, что в результате промышленного освоения непригодным становится не только участок отвода, но и прилегающая местность. Косвенное экологическое воздействие от размещения индустриального объекта в большинстве случаев значительнее, чем прямой ущерб от его деятельности [Degteva, Nellemann, 2013]. Показательна история Сеяхинского святилища, когда мыс, на котором оно расположено, после разработки карьеров превратился в лунный пейзаж [Зенько, 2001; Штаммлер, 2008, с. 84; СМА].

Специфика ямальской геоморфологии заключается в том, что самыми удобными для передвижения являются высокие участки тундр, тяготеющие к срединной части полуострова — возвышенности Хой. Этот «хребет Ямала» вытянут меридионально и формирует водораздел Карского и Обского бассейнов. Прибрежные участки гораздо менее удобные для передвижений в силу низкого гипсометрического положения, заболоченности и значительной ширины рек. Южная и средняя части Ямала являются транзитными для значительного числа оленеводческих бригад,двигающихся от Обской губы в северную часть полуострова. Пройдя главное препятствие на маршруте — р. Юрибей — бригады (муниципальные и частные) начинают расходиться веером к побережьям. На землеустроительных картах обозначены специальные коридоры для муниципальных бригад, в пределах которых они должны двигаться параллельными курсами. Карты эти не отражают идущих теми же маршрутами многочисленных частных оленеводов, которые делают невозможным строгий коридорный порядок. В реальности, по словам ненцев, происходит «игра в шахматы», когда пастухи, соблюдая тундровые нормы и учитывая множество обстоятельств, делают сложные ходы. Маршруты муниципальных бригад могут варьироваться в пределах заданного коридора, иногда чуть выходить за него, по-разному огибать озера и преодолевать реки. Маршруты частных оленеводов во многом совпадают с муниципальными, хронологически привязаны к ним (опережение-запаздывание), но по всем параметрам более вариабельны. Возможна даже полная смена маршрута в связи с непредвиденными обстоятельствами: раннее вскрытие рек, гололед, смешение стад. Сжатые сроки весенних и осенних миграций задают высокую скорость движения, что приводит порой к скоплению стад в проблемных местах, вроде переправы через Юрибей.

Схема касаний, сложившаяся в XIX в. и модифицированная в XX в., в XXI начинает деформироваться под нефтегазовым прессом. Речь идет в первую очередь о значительном сужении вариабельности при принятии решений в форс-мажорных обстоятельствах, когда от бригадира ждут быстрых и верных шагов [Штаммлер, 2008]. Оленеводы стали гораздо более уязвимыми в случае экологических или социально-экономических перемен. В 2000-х гг. трансъямальские кочевые маршруты, приуроченные к «хребту» полуострова, оказались перерезаны железной дорогой Лабытнанги — Бованенково. На участке ст. Хралов — ст. Бованенково железная магистраль⁴ почти полностью совпала с основным направлением кочевий, пересекая по касательной маршруты нескольких оленеводческих бригад (рис. 2).

Железная дорога формирует вокруг себя зону отчуждения. При станциях вырастают ремонтные мастерские, базы техники, склады, значительно увеличивается количество работающих. Только на обслуживании железной дороги постоянно задействовано 800 чел.; на Бованен-

⁴ Однопутная неэлектрифицированная железная дорога стандартной колеи.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

ковском месторождении численность персонала достигает в летний период 5 тыс. чел. Это сопоставимо с численностью всех кочевников полуострова. Растущая антропогенная нагрузка сопряжена со значительным производством отходов, которые из тундры полностью не вывозятся. Рекультивация почти никогда не приводит к восстановлению первоначального облика ландшафта и фоновой растительности. И проводится она не всегда: буровые площадки советского периода с остатками металлолома, представляющие собой травмоопасный ландшафт, есть по всему Ямалу.

Рис. 2. Трансыямальские маршруты оленеводов и промышленное освоение Ямальского полуострова.

Ненцы вряд ли предполагали, что, одобрив строительство железной дороги, они дают карт-бланш на освоение придорожной полосы и фактически теряют контроль над этим пространством. В специально изданной для оленеводов памятке по перегону оленей через железную дорогу Обская — Бованенково сказано: «*Категорически запрещается при выпасе оленей допускать их в полосу отвода железнодорожного пути на расстояние ближе 50 метров от полотна железной дороги... Категорически запрещается перегон оленей через железнодорожные пути вне переездов и специально установленных переходов для перегона оленей*» [Памятка..., 2012]. Пока же прямо из вагона можно наблюдать, как олени табунами перебегают дорогу перед движущимся локомотивом, а оленеводы следят за происходящим в бинокли.

Кочевые маршруты в ряде случаев оказались стянуты в узкие, единственно возможные места прохода стад, получившие обозначение бутылочных горлышек — bottlenecks [Degteva, Nellemann, 2013]. Такие места создают значительное напряжение среди кочующих бок о бок бригад. Критическим можно назвать положение на Бованенковском месторождении — в местах прохода ярсалинских стад к побережью Карского моря. «*Если сдвинуть маршрут одной бригады (только в нашем предприятии их восемнадцать, еще есть частники и соседние совхозы), ты затрагиваешь всех, ведь пастбища одни*», — отмечает директор оленеводческого хозяйства «Ярсалинское» Лилия Якубова⁵.

В настоящее время четвертая и восьмая бригады Ярсалинского хозяйства преодолевают индустриальную часть Бованенковского месторождения за трое суток — это минимум, который необходим для продвижения через оставленное «горлышко». Олени в эти дни недоедают, управление ими затруднено, сами оленеводы находятся в состоянии стресса. Прогон стада и аргишей через бетонные дороги Бованенковского месторождения с приостановкой трафика становится своего рода шоу, которое выстраиваются смотреть все желающие с неизменной в таких случаях мобилографией [Тепляков, Литвинов, 2013]. Оленеводы поневоле становятся актерами чужого спектакля, что им не всегда по нраву [Новикова, 2011, с. 49]. Создание подобных условий для перегона оленей Газпромом подается как достижение. «*Когда я показывал фотографии с Бованенковского месторождения на Всемирном конгрессе оленеводов в Норвегии, многие делегаты не поверили своим глазам. Сказали, что это фотомонтаж. Мы гордимся своим уникальным опытом сотрудничества с Газпромом*», — отметил Юрий Худи, председатель общественного движения КМНС «Ямал». Сами оленеводы считают, что им просто не оставили выбора. Они просили переходы в одном месте — получили в другом, просили сделать эстакады — получили бетонные сходни на насыпи и дорожные знаки «Осторожно, олени!» (рис. 3).

Сами ненцы свое будущее напрямую связывают с сохранением оленеводства. Несмотря на декларации о защите прав коренных народов, на оптимистичные заявления представителей национальной элиты, рядовые ненцы уверены, что нефтегазовое освоение Ямала обернется для них переводом на оседлость. Большая часть опрошенных коренных жителей⁶ настроены пессимистично относительно выгод для них нефтегазового освоения. В действиях Газпрома кочевые ненцы усматривают медвежью услугу, когда благие намерения оборачиваются негативными последствиями. Национальные лидеры в сравнение, как правило, приводят опыт других северных стран. Так, руководитель общины КМНС «Харп» А.С. Сэротэтто указывает на негативный опыт денежных компенсаций: «*Людам деньги дали — они забыли то, что было. Сейчас в Канаде страшный запой. Им не надо трудиться, потому что эти деньги приходят просто так, они не думают о своем и дальнейших поколениях. Финансовые вложения разрушают не только культуру, но и народ. Мы пришли к другому выводу — с деньгами нужно обращаться осторожно, если оленеводу дать денег, то оленей больше не будет*».

Как показывает опыт Арктики и других регионов, для любой кочевой культуры перевод на оседлость сопровождается болезненным размыванием идентичности. Вчерашние кочевники зачастую не способны адаптироваться на местах, которые им предлагает город и индустриальная экономика. Некоторая стабилизирующая ситуация происходит со сменой одного-двух поколений и полным форматированием идентичности. Современные ямальские поселки предполагают полную смену образа жизни. Жители динамично развивающегося райцентра Яр-Сале ведут скорее городской образ жизни, нежели сельский. «*У нас такой менталитет, что оленеводы*

⁵ Здесь и далее — цитаты из интервью с жителями Ямала по материалам ЭтноЭкспедиции в Ямальский район ЯНАО, 2013.

⁶ Данные анкетирования жителей с. Яр-Сале и д. Сюнай-Сале, в том числе 70 ненцев. Опрос проводился сотрудниками ИИА УрО РАН С.Ю. Белоруссовой и Н.А. Бабенковой. Ямальский район, 2013.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

не будут лопатой махать, черную работу делать», — отмечает оленевод Евгений Худи. При этом многие поселковые ненцы продолжают жить тундрой, поддерживая связи со своей кочующей родней. Большую часть года они живут в благоустроенных поселках, а лето проводят на рыбалках, где ставят «дачные чумы». Почти у всех есть родственники в тундре, и утверждение о том, что истинный дом ненца — это чум в тундре, находит горячий отклик у сельчан. Высказываются и категорические оценки: «*Ненец без оленя вообще мертвый*». Какой бы высокий пост не занял современный ненец (в администрации, например), к профессии оленевода он относится с большим уважением. День Оленевода по-прежнему главный праздник, статусное мероприятие, обозначающее главные ценности и ролевые модели в обществе. Поэтому проблемы тундры и оленеводов волнуют всех в первую очередь.

Рис. 3. Дорожный знак на Бованенковском месторождении в месте организованного перехода оленей через дорогу, август 2013 г. Фото А.В. Головнёва.

Проблемы кочевых хозяйств

Согласно опросу ненцев, оскудение пастбищ в связи с перевыпасом определено главной проблемой тундры (19,5 % опрошенных); на втором месте — проблемы, связанные с экологическими нарушениями газозаводов (11,5 %). По словам одного из бригадиров МОП «Ярсалинское» Ивана Худи, пастбища — самый больной вопрос. Кормовая растительность не успевает восстанавливаться, необратимо меняется состав с более питательных видов (лишайники, кустарники) на менее питательные (травы) [Degteva, Nellemann, 2013; Форбс и др., 2011]. Газодобывающая промышленность усилила проблему выпаса, сделав ее критической. В современных условиях газозаводы, отчуждая пастбищные земли, не просто усиливают нагрузку на оставшихся наделах, но и формируют ситуацию, в которой ненцы больше прежнего мотивированы на увеличение поголовья, а отнюдь не на его уменьшение, как можно было бы предположить.

Работает связка: больше оленей — больше шансов выжить в усиливающейся конкурентной борьбе за пастбища (эффект большого стада), больше оленей — больше «социальный вес» и размер вероятных компенсаций. Общая картина оленеводства на Ямале такова, что при современном количестве оленей и существующих формах хозяйствования дальнейшее экстенсивное развитие отрасли невозможно. Мы наблюдали сложную систему взаимоотношений частных и муниципальных оленеводов на побережье Крузенштернской губы (западный Ямал), которые пока по традиции учитывают интересы друг друга. Однако коридор договорных возможностей все более сужается, повышая возможность конфликтных отношений. Аналогична ситуация и в соседних ненецких тундрах: Большеземельской, Воркутинской [Мурашко, 2013]. Предприниматель-оленевод Альберт Сэротэтто уверен, что в ближайшие 10–15 лет борьба за

пастбища будет нарастать: «Выживут только сильнейшие, но у многих людей уже не будет оленей. С таким освоением оленей станет меньше или вообще не станет — это будет конец».

Только на пастбищах Ямальского района в настоящее время выпасается более 300 тыс. голов, тогда как экспертами-животноводцами рекомендовано 110 тыс. В XIX в. такая ситуация привела бы к эпидемии и сокращению количества оленей в три-четыре раза, что восстановило бы баланс экосистемы. Сегодня природная саморегуляция перекрывается ветеринарными средствами и процедурами (рис. 4). За последние 30 лет общая численность оленей выросла в два раза, в первую очередь за счет частного сектора. В 1980-е гг. его доля в оленеводстве составляла 39 %, а в 2007 г. уже 82 %⁷. Главный зоотехник МОП «Ярсалинское» Яков Худи отмечает: «В тундре больше народу стало, тесновато. Раньше столько народу не было. У каждого сейчас отдельное хозяйство. Если 20 лет назад 1 чум стоял, сейчас уже пять чумов». В итоге приспособившись приходится оленю. По словам самих ненцев, он заметно измельчал и стал менее вынослив, чем 20–30 лет назад. Значительно снизились основные деловые показатели оленеводства, за период 1985–2007 гг. деловой выход телят на 100 январских маток уменьшился в среднем на 35 %, производство мяса на 100 январских оленей — на 60 % [Стратегия..., 2008, с. 92].

Рис. 4. Оленевод 8-й бригады МОП «Ярсалинское» проводит ветеринарные процедуры. Побережье Карского моря вблизи губы Крузенштерна, август 2013 г. Фото И.В. Абрамова.

Объяснить происходящее проникающими в тундру законами рыночной экономики не получается. Статистика показывает обратное — частные оленеводы «неэффективно» копят оленей. Стадо для оленевода по-прежнему является главным депозитарием и страховкой одновременно, ассоциируется с основным капиталом, оленей даже называют деньгами. Тундровые жители предпочитают бартерные схемы, лишь по необходимости прибегая к сделкам с наличностью. Поселковые родственники в свою очередь заранее готовят товар, который необходим оленеводам. Ненец приобретает снегоход благодаря оленям, а не оленей благодаря снегоходу. Свои олени есть у каждого пастуха, даже если он работает в муниципальном хозяйстве, не предполагая частные олени. Личные олени пасутся вместе с «совхозными», являясь автономным источником средств к существованию. В структуре мясного убоя в Ямальском районе на долю общественного стада приходится 72 %, а на частное стадо — всего 28 %. При этом распределение оленей по формам хозяйства рисует обратную картину — в общественном стаде находится 18 % поголовья, в частном — 82 % [Стратегия..., 2008, с. 88]. Это означает, что частное поголовье продолжает расти, в то время как государственные стада сохраняют относительно

⁷ Данные отдела АПК МО Ямальского района, 2008.

стабильную численность. В итоге Ямальский район оказывается в критическом и наихудшем положении среди районов ЯНАО из расчета пастбищ на количество оленей.

Одной из причин перевыпаса сами ненцы называют недостаточно развитую систему приема-сбыта продукции оленеводства. Евгений Худи заметил: *«Если я хочу забить три тысячи оленей, мне не разрешают, говорят, что можно только две тысячи. У них определенная квота, они не могут закупать так много. Нет потребности на рынке»*. Реально же проблема состоит не в потребностях рынка (они есть), а в нерентабельности сельского хозяйства ЯНАО: убыточность отрасли в 2007 г. составила 59,2 % [Стратегия..., 2008, с. 97]. Даже с учетом дотаций и компенсаций сельскохозяйственным организациям из бюджета убыточность реализованной продукции в 2007 г. в Ямальском районе составила 9,3 %. Приемные цены на оленину и с учетом квот не всегда удовлетворяют частных оленеводов. Следствием такой ситуации является ограниченная способность частных оленеводов забивать оленей для рынка. По словам одного из ярсалинских оленеводов, *«каждый старается забивать оленя на свои нужды. Иначе надо гнать на забойный комплекс за много километров»*. Так или иначе, наличие или отсутствие квот не объясняет полностью проблему перевыпаса.

В плане развития Ямальского района до 2020 г. говорится о снижении численности поголовья до расчетно-обоснованных 110 тыс. голов. О механизме реализации этого плана нет ни слова. Тем временем оттепельное начало зимы 2013–2014 гг. для оленеводов Ямальского района обернулось потерей более 50 тыс. оленей, что составляет около 1/6 части районного поголовья [Кугаевский, 2014]. Это обстоятельство потребовало значительных финансовых вливаний из окружного бюджета, в первую очередь на поддержку частных оленеводов, хотя с точки зрения вышеупомянутого плана событие можно расценивать как естественный фактор регулирования популяции.

Сценарии будущего (вместо заключения)

Дальнейшие планы развития газовой отрасли на Ямале ставят под угрозу систему ямальского крупностадного оленеводства, основой которого являются протяженные маршруты касланий. Освоение новых месторождений на полуострове, развитие железнодорожной сети с выходом на Харасавей, Сабетту и Новый Порт предусматривают значительные изъятия пастбищных земель на Среднем и Южном Ямале. В условиях истощения пастбищ, жесткой конкуренции, растущих зон отчуждения и невозможности изменить маршрут трансъямальские кочевые маршруты могут просто потерять смысл. Ряд сопряженных неблагоприятных событий экологического и социально-экономического характера могут катастрофически сказаться на отрасли.

Этнологическая экспертиза, проведенная нами летом 2013 г. на готовящемся к освоению Крузенштернском месторождении, показала, что при утрате даже половины имеющихся в его пределах пастбищ бригадам МОП «Ярсалинское» нет смысла прорываться к ним через трубопроводные джунгли Бованенково. Из тысячекилометрового пути к Карскому морю выпадут заключительные 100 км — самые важные для нагула. То же касается всех кочующих там частных оленеводов. Освоение одного лишь Крузенштернского месторождения задевает напрямую интересы 230 чел., живущих оленеводством, и косвенно — сотен родственников в поселках и рыбацких чумах, задействованных в кооперации. На глазах у ярсалинских бригад выросла Бованенковская промышленная зона, и они не испытывают иллюзий относительно жизни в техногенном окружении.

Реализацию крупных индустриальных проектов имеет смысл рассматривать по двум сценариям, оптимистичному и пессимистичному: один сохраняет возможность ведения оленеводства, а значит, традиционный уклад жизни сотен человек; второй — принуждает к миграции, векторы и последствия которой труднопредсказуемы, но явно конфликтогенны. Меньшая часть будет искать место в соседней тундре, где будет вынуждена теснить других оленеводов, большая часть оседает в поселках, где столкнется с проблемой адаптации и трудоустройства.

Таким образом, сценарий с изъятием пастбищ из оборота и последующими финансовыми компенсациями потерпевшей стороне по кумулятивному социально-экономическому эффекту в перспективе проигрывает сценарию, в котором сохраняются возможности традиционной практики местного оленеводства. Говоря о возможном ущербе со стороны газодобывающей индустрии, мы в первую очередь должны понимать, что угроза эта адресована кочевой культуре. Только оленеводы в полной мере воспроизводят традиционную ненецкую культуру, которая в поселках без подпитки извне быстро угасает. Физически ненцы выживут и без оленей, но их

культура как свод оригинальных знаний о мире, исключительных практик самообеспечения в суровых условиях будет безвозвратно утеряна.

Крузенштернская ситуация не является уникальной, и с известной долей вероятности ее можно экстраполировать на районы Сабетты, Нового Порта и прочих местностей Ямальского севера. Конкурирующие стороны приближаются к позиции, именуемой в шахматных партиях цугцвангом, когда любое действие или бездействие приводит лишь к ухудшению ситуации. Сегодня нужны конструктивные решения, способные предотвратить надвигающийся кризис оленеводства на Ямале; стратегия развития оленеводства, которая учитывала бы сложную динамичную реальность, а не схематично-статичное представление о ней. Для создания такой картины недостаточно статистики, нужны комплексные исследования. В этнологической и экологической экспертизах нуждаются не конкретные месторождения (этот этап пройден), а тундра Ямала как целостная экосоциосистема. Сегодня существует концептуальный вакуум относительно того, какая программа действий (не деклараций) способна адекватно выразить пересекающиеся интересы газовиков и оленеводов. Только в тесном контакте возможен поиск общих сценариев будущего, где на место конкуренции должна прийти кооперация. Нужна прочная платформа долговременных партнерских отношений недропользователей и оленеводов как залог бесконфликтного пользования ресурсами края. Пересмотру подлежит основополагающий принцип «от компенсаций за причиненный ущерб — к предупреждению ущерба». Долгосрочный форсайт-сценарий развития региона должен учитывать два важных обстоятельства:

1. Из основных природных ресурсов Ямала — оленей и газа — первый положен в основу экономики и культуры оленеводов-кочевников, второй питает технологическую цивилизацию; оба предполагают экстенсивный характер деятельности, при этом первый ресурс возобновляемый, второй — исчерпаемый.

2. Несмотря на малочисленность, коренные жители Ямала образуют тот слой культуры, который издавна делает тундру частью ойкумены. Именно они породили и олицетворяют идею «Арктика — дом», которой так или иначе заражаются (или заряжаются) пришельцы, мигранты и даже случайные гости Севера. Эта мировоззренческая платформа задает совершенно иной настрой современному освоению, даже если очередные покорители Севера убеждены в своем технологическом превосходстве над коренными жителями. Ничто человеческое им не чуждо, и столкнувшись с самобытной северной культурой, они не остаются равнодушными. Иначе говоря, они вполне адекватны, и следует лишь вовремя и основательно вменить им нужную «программу». Главную роль в этом играют коренные северяне: от них самих во многом зависит, что они получают в виде промышленного освоения и бонусов от него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головнёв А.В. Устойчивость и изменчивость культур севера // Науч. вестн. ЯНАО. Салехард, 2011. № 1. С. 3–11.

Зенько М.А. Современный Ямал: Этноэкологические и этносоциальные проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2001. № 139. 50 с.

Кугаевский А.Н. Кочующему населению, пострадавшему от массового падежа оленей, оказана вся возможная помощь. 2014 // Официальный сайт Ямальского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mo-yamal.ru/rech/2510.php>.

Кугаевский А.Н. О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального образования Ямальский район за 2012 год и их планируемых значениях. 2013 // Официальный сайт Ямальского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mo-yamal.ru/administraciya/glava/1541.php>.

Мурашко О.А. «Олени-нелегалы» // Мир коренных народов — Живая Арктика. М., 2013. № 29. С. 57–71.

Новикова Н.И. Оленеводы и промышленные компании: механизмы взаимодействия // Науч. вестн. ЯНАО. Салехард, 2011. № 1. С. 41–57.

Оленеводам Ямала компенсируют падеж животных / УралИнформБюро. 2014 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.uralinform.ru/news/economy/203602-olenevodam-yamala-kompensiruyut-padej-jivotnyh>.

Памятка по перегону оленей через полотно железнодорожной линии Обская-Бованенково и соблюдению правил по выпасу и перегону животных. 2012 // Сайт администрации муниципального образования Приуральский район [Электрон. ресурс]. Режим доступа: priuralye.com/upload/iblock/e85/Pamyatka_po_peregonu_olenev.doc.

Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Ямальский район на период до 2020 г.: 1 этап: информационно-аналитический отчет о социально-экономическом положении

Олени и газ: стратегии развития Ямала

Ямальского района. Рукоп. / ОАО «Сибирский научно-аналитический центр»; Под рук. А.М. Брехунцева. Тюмень, 2008. 304 с.

Тепляков А., Литвинов Г. Бованенково замирает, пропуская олени стада. 2013 // Официальный сайт ОАО «Газпром» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/reports/2013/bovanenkovo>.

Форбс Б., Штаммлер Ф., Кумпула Т., Месштыб Н., Паюнен А., Каарлеярви В. Ямальские оленеводы, газодобыча и изменение окружающей среды: Адаптивный потенциал кочевого хозяйства и его ограничения // Экологическое планирование и управление. 2011. № 1. С. 52–68.

Штаммлер Ф. Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): Возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4. С.78–91.

Штаммлер Ф. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: Революция в тундре? // ЭО. 2013. № 2. С. 6–23.

Южаков А.А. Феномен ненецкого оленеводства // Мир коренных народов — Живая Арктика. М., 2005. № 17. С. 82–87.

Degteva A., Nellemann C. Nenets migration in the landscape: Impacts of industrial development in Yamal peninsula, Russia // Pastoralism: Research, Policy and Practice Pastoralism. Springer Open Journ. 2013 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pastoralismjournal.com/content/3/1/15>.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
andrei_golovnev@bk.ru
ilya_abramov@list.ru

The Yamal peninsula has become a place of meeting and competition of at first sight incompatible technologies of reindeer breeding and gas-extraction. This is expressed in crossing of two longest peninsula roads: a traditional nomadic way of the Nenets from Khaen to Yamal part, and a railway from «mainland» to Bovanenkovo gas condensate field. The industry keeps changing Yamal's look in accordance with a new design of the environmental management and communications, while the Nenets reindeer breeders tend to preserve a traditional rhythm of migrations and using pastures. Yamal experiences the competition of two different development strategies which conductors being traditional and technological societies. The both parts are increasing pressure upon tundra, thus undermining ecological stability in the region. It is not separate gas fields and projects that need ecological examination, but the whole Yamal as an integrated ecosociosystem into which a nomadic life of the reindeer breeders is inserted. The Nenets big herded reindeer breeding stays impossible without preserving the common space of trans-Yamal routes. Under such conditions, the ethnological examination becomes a method minimizing consequences of cultural collision and conflict competition.

Yamal peninsula, reindeer breeding, Nenets, nomads, migrations, ecological examination, anthropogenic impact, ecosociosystem.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В НАЧАЛЕ XX в. (на примере Северо-Эвенского района Магаданской области)

Н.В. Мальцева

В начале XX в. этнические трансформации в среде оленеводов Северо-Востока обуславливались в основном межэтническими взаимодействиями, под влиянием которых жизненный уклад коренных жителей претерпевал ряд изменений, т.е. адаптировался к вновь создаваемым этнокультурным условиям. Однако в процессе адаптации у различных этносов выявлялись существенные отличия, которые привели к возникновению новых этнолокальных групп.

Традиционное природопользование, коряки, эвены, палеоазиатский способ ведения оленеводства, тунгусский тип оленеводства.

В настоящее время представители коренных этносов занимаются оленеводством только в двух несмежных из восьми районов Магаданской области — Среднеканском и Северо-Эвенском, тогда как в начале XX в. вся территория рассматриваемого региона была ареной хозяйствования оленеводов-кочевников. Закономерен поэтому вопрос о факторах, обусловивших именно такую избирательность. Исследования в данном направлении важны в прикладном аспекте: постоянной заботой региональной власти является недопущение полного исчезновения этой отрасли природопользования. В общенаучном плане прояснение этого факта способно пролить свет на особенности этнокультурных трансформаций в зависимости от характера межэтнических взаимодействий и потестарных влияний. Таким образом, несомненна актуальность изучения эволюции оленеводческой культуры в новейшее время в тех местностях, где она продолжает сохраняться и поныне. Поскольку эта тема в отношении Среднеканского района уже раскрывалась [Банщикова, 2012], в данной статье мы рассмотрим жизнеобеспечивающие практики оленеводов Северо-Эвенского района (Гижигинский уезд) в начале XX в.

В исследуемый период этнические трансформации в сфере оленеводства обусловлены в основном межэтническими взаимодействиями, влияние со стороны государственных органов власти было минимальным. Тем не менее жизненный уклад коренных жителей претерпевал некоторые изменения. Адаптация к вновь создаваемым условиям стала ответом на взаимодействия коренных народов. При этом важно то обстоятельство, что характер адаптаций был различен у разных этносов и этнолокальных групп, и анализ состояния дел в избранной нами местности дает возможность это проследить: Северо-Эвенский район уникален тем, что на его территории хозяйствуют два этноса — коряки и эвены, которые являются наследниками и до известной степени носителями двух основных типов оленеводческой культуры Северо-Востока России — тунгусского и палеоазиатского.

Первые сведения об истории коряков были получены еще во второй четверти XVIII в. Я.И. Линденау [1983], однако они отличаются фрагментарностью. Корякам посвящена глава в труде С.П. Крашенинникова [2010], в которой содержатся сведения об их расселении, материальной культуре и религиозных верованиях. В двухтомной монографии В.И. Иохельсона [1997] были описаны материальная и духовная культура коряков, их общественный строй. Даны сведения о коряках, проживающих на северном побережье Охотского моря. Вопросы обмена между береговыми и оленными коряками, социальные расслоения группировок, этнические взаимодействия показаны Н.Н. Билибиным [1934]. В.В. Антропова [1957] рассматривает обмен продуктами между представителями различных хозяйственных комплексов как зачаток рыночных отношений у коряков.

В работе В.К. Арсеньева [1999] представлен этнографический и численный состав Гижигинского района¹. Освещен традиционный способ природопользования коренных жителей (рыболовство, охота, оленеводство). Автор первым отмечает, что корякское население Гижигинского района занимается оленеводством и «в умножении стад своих [они] видят цель своей жизни» [Там же, с. 71]. Так, в 1907 г. стада одомашненных оленей насчитывали около 500 тыс. голов [Там же, с. 75]. Подробные сведения о коряках Северо-Эвенского района Магаданской области даны в статье И.С. Гурвича [1980], который первым подразделил оленных коряков на две этнографические группы и подробно охарактеризовал их жизнедеятельность.

Современные работы, посвященные коренным народам Магаданской области в целом и корякам в частности, принадлежат И.Д. Бацаеву, Л.Н. Хаховской, А.Н. Полежаеву. И.Д. Бацаев [1997] дает характеристику аграрному сектору экономики Магаданской области, в том числе оленеводству, приводя сведения о производственных показателях отрасли. О попытках сохранить традиционную культуру коряков путем вовлечения их в традиционные виды хозяйственной деятельности — оленеводства и промыслов — при постоянной государственной поддержке пишет А.Н. Полежаев [2006]. Этническая история коренных народов Магаданской области в XX — начале XXI в., в том числе коряков, освещена Л.Н. Хаховской [2008]. В ее работах охарактеризованы культурные, экономические и социальные трансформации коренных народов области, в частности коряков Северо-Эвенского района.

В статье применен сравнительно-исторический подход, позволяющий проследить качественные изменения системы ведения оленеводческого хозяйства и связанного с ним жизненного уклада коренных жителей на протяжении выделенного периода.

К началу XX в. на территории будущего Северо-Эвенского района хозяйствовали два оленеводческих народа — коряки и эвены, которые практиковали качественно различные системы традиционного природопользования. При этом и коряки, и эвены не составляли однородных сообществ, а распадались на локальные группировки, этнокультурный облик которых различался. Принимая во внимание способ ведения оленеводства и связанный с ним жизненный уклад, на рассматриваемой территории мы выделяем четыре типа хозяйств: 1) корякские крупностадные хозяйства; 2) комплексные хозяйства коряков; 3) малооленные хозяйства эвенов; 4) эвенские хозяйства, обладавшие большим, чем предыдущие, количеством оленей.

Корякское крупностадное хозяйство — классический пример палеоазиатского способа ведения оленеводства, одной из основных черт которого является продуктивная направленность: олени служили основным, а подчас и единственным источником жизнеобеспечения. Все внимание уделялось выпасу и охране животных, численность которых варьировалась в значительных пределах. Палеоазиатский тип оленеводства складывался таким образом, что обуславливал асимметричный характер экономических и социальных взаимоотношений: одни оленеводы богатели, сосредоточивая в своих руках крупные стада, другие же, обладая небольшим стадом или безоленные, не могли жить за счет собственных оленей и вынуждены были наниматься в качестве пастухов к зажиточным оленеводам. Так формировались корякские микролокальные хозяйственно-социальные ячейки — стойбища, во главе которых стоял зажиточный («переднедомный») хозяин, а вокруг него группировались зависимые оленеводы со своими семьями. Высокий социальный статус крупного стадовладельца основывался именно на его имущественном положении; обладатель этого статуса — хозяин стойбища пользовался авторитетом в решении всех важных хозяйственных, бытовых и культурных вопросов. Такое стойбище оленных коряков состояло из 3–4 яранг, насчитывая до 20 чел. [Антропова, 1957, с. 137]. Таким образом, одним из условий существования крупностадного палеоазиатского оленеводческого хозяйства было наличие социальных полюсов «зажиточный хозяин/малоимущий пастух». Более редким являлся другой вариант стойбищных группировок: несколько маломощных семей объединялись на равноправной основе. Выпасаемое стадо было значительным по численности, в противном случае у животных терялся инстинкт стадности.

На рассматриваемой территории такой тип оленеводства был присущ верхнепареньской группировке коряков, осваивавшей бассейны рр. Гижига, Парень, верхние притоки р. Омолон. Согласно переписи 1926/27 г., на данной территории проживали 363 пареньских коряка и 263 гижигинско-омолонских [Шавров, 1997, с. 231]. Стада отличались сравнительно крупными разме-

¹ В 1926 г. территория бывшего Гижигинского уезда была разделена: его восточная часть с Гижигой вошла в состав Пенжинского района Камчатской области, а западная — в Северо-Эвенский район с новым центром — Наяханом [ГАМО, ф. Р-43, оп. 1, д. 97, л. 1].

рами — от 3,5 тыс. до 10 тыс. голов и более [Билибин, 1934, с. 14], позволявшими оленеводам удовлетворять свои потребности в пище и шкурах [Гурвич, 1983, с. 101]. В зимнее время стада выпасались на границе тундровых и лесотундровых районов. Перекочевки совершались всего несколько раз и зависели от того, как быстро животные съедали ягель. Движение стада началось ранней весной, когда пастухи гнали его к местам отела важенок. После отела стадо продвигалось к летним пастбищам и только во второй половине августа — начале сентября возвращалось с летовок [Там же, с. 101–102]. Основная масса животных у коряков была приручена слабо, поэтому окарауливать приходилось круглосуточно и круглогодично, распуск не практиковался, так как отколовшиеся от основного стада животные быстро дичали. Привычны к человеку были только ездовые олени, которых специально обучали хождению в упряжке и подкармливали мочой. Подсобное значение для верхнепареньцев имело рыболовство: промысел вели старики, женщины и дети, остававшиеся на летних стоянках, в то время как пастухи уходили со стадами. Добычей морского зверя верхнепареньские коряки не занимались, а необходимые им шкуры лахтака и нерпичий жир получали путем обмена с береговыми коряками [Гурвич, 1980, с. 113–114].

Комплексный тип хозяйства был свойствен другой корякской группировке — тайгоносской, которая проживала на п-ве Тайгонос достаточно обособленно, редко покидая его территорию. Всего в тайгоносской группе коряков в первой трети XX в. насчитывалось 272 чел. [Там же]. Большинство владели весьма ограниченным количеством оленей, однако были и оленеводы, чьи стада насчитывали более 500 голов [Там же, с. 112]. Зимой тайгоносцы выпасали стада недалеко от Охотского побережья в лесной местности, лето проводили в глубине полуострова, на горных возвышенностях. Перекочевки шли по долинам рек, где оленеводы постоянно контролировали оленей, окарауливали их. Так же как и верхнепареньцы, коряки Тайгоноса летом оставляли семьи на побережье, а сами практиковали бесчумный выпас. Различие между этими двумя группировками заключается в том, что тайгоносские оленеводы значительное время уделяли и другим хозяйственным занятиям — сухопутной охоте на дикого оленя и морскому промыслу, который вели осенью, когда стада подкочевывали к летним стойбищам. Таким образом, хозяйствование тайгоносцев характеризовалось комплексностью, однако приоритет отдавался оленеводству [Там же, с. 112–113; Гурвич, 1983, с. 102]. Невыясненным остается вопрос о происхождении комплексной экономики тайгоносцев — являлась ли эта черта реликтом прежнего уклада, существовавшего у всех коряков накануне оленеводческой специализации, или же это, напротив, инновация, связанная с частичной утратой оленей и компенсационным освоением новых хозяйственных навыков.

Согласно имеющимся данным, тайгоносская локальная группа коряков характеризовалась отличительным самосознанием и, возможно, эндогамностью [Гурвич, 1980, с. 112]. Судя по всему, черты социального неравенства были присущи и тайгоносцам, поскольку есть сведения о наличии среди них владельцев достаточно крупных стад [Там же]. Возможно, что общественный уклад у коряков-тайгоносцев был более однородным, чем у верхнепареньцев, без ярко выраженных социальных полюсов.

Несмотря на некоторые различия в укладе экономики, в целом практикуемый коряками палеоазиатский тип оленеводства имеет общие черты, среди которых наиболее важны следующие: крупные размеры выпасаемых стад, постоянное окарауливание животных, летний бесчумный выпас. В социальном плане корякам-оленеводам была присуща значительная имущественная дифференциация, на основе которой складывалась общественная структура, шло формирование локальных стойбищных группировок, являвшихся основными надсемейными социально-производственными ячейками. В начале XX в. производственная и общественная жизнь оленных коряков сосредоточивалась в стойбище, состоявшем из нескольких яранг (2–5), объединенных по принципу родства. Малооленные хозяйства коряков концентрировались вокруг крупного оленевода и были от него экономически зависимыми. При этом личные стада объединялись и выпас животных проходил совместными усилиями. Главной в стойбище считалась яранга владельца большей части стада оленей. С ним в яранге находились жена или жены, если он мог содержать их, все его дети, родные братья и другие родственники. В других ярангах жили экономически зависимые пастухи. «Крупновладелец» стада распоряжался всей хозяйственной деятельностью стойбища. Именно он решал, как будет идти перекочевка, избирал маршруты движения, сроки [Антропова, 1971, с. 84–85].

Организацией семейного быта в яранге руководила жена оленевода. Она занималась приготовлением пищи, уходом за одеждой, ее пошивом, заготовкой дров, воспитанием детей. Дети также были вовлечены в процесс домоустройства. Девочки учились обрабатывать шкуры, шить одежду, готовить, поддерживать огонь в очаге. Мальчики перенимали навыки оленевода, охотника, рыболова.

В сфере духовной культуры кочевые коряки являлись приверженцами традиционных верований с некоторыми чертами синкретизма, обусловленными влиянием христианских идей. Однако христианство, несмотря на значительные усилия церковных властей и миссионеров, практически не проникло в традиционное корякское общество, которое не отказалось от своих верований и культов. Как отмечает ряд авторов, коряки восприняли некоторые идеи христианства, обрядность. В их среде сложилась особая форма религиозного синкретизма, соединяющая традиционные верования с определенными элементами христианства [Вдовин, 1979, с. 98–99].

Эвенские домохозяйства, занимавшиеся главным образом охотой, являлись носителями ярко выраженного тунгусского типа оленеводства, при котором олень использовался только как транспортное средство, позволяющее постоянно передвигаться в поисках объектов охоты: пушных (белка, соболь, горностай, лисица и др.) и мясных (дикий олень, лось) зверей, а также совершать перекочевки к побережью для рыбной ловли. И охотничий, и рыболовный промысел эвены в основном вели индивидуально, иногда они объединялись в небольшие группы. Сборы эвенских семей проходили спорадически зимой во время ярмарок и летом во время рыбной путины. Эти домохозяйства обладали небольшим количеством хорошо прирученных животных, которые выпасались вблизи жилища, не боялись человека, были приучены к подкормке, дымокуру и обучены ходить под седлом: на оленях вьючным способом перевозили грузы, верхом передвигались люди. Забивали оленей лишь в исключительных случаях, источником питания служили дикие олени, лоси, заготовленная летом рыба, а также привозные продукты, получаемые путем обмена на пушнину.

Комплексный характер жизнеобеспечивающих практик малооленных эвенов обуславливал их частые и длительные перекочевки, свойственные и оленеводам Северо-Эвенского района. Осенью с морского побережья они направлялись вглубь континента, на притоки р. Колымы, часто доходили и до самой Колымы, весной двигались в обратном направлении. Согласно архивным материалам, в течение осенне-зимнего периода оленеводческие хозяйства совершали от 60 до 100 перекочевок, т.е. на одном месте стояли не более трех дней. Весной делали более продолжительные остановки, вызванные отелом оленей. Малооленные хозяйства спускались к морскому побережью в начале мая [ГАМО, ф. Р-50, оп. 1, д. 5, л. 2–4].

Именно в силу высокой степени хозяйственной индивидуализации эти эвенские домохозяйства в экономическом отношении характеризовались известной самостоятельностью и инициативностью, а в социальном плане — парциальностью и высоким авторитетом главы каждого домохозяйства, который сам принимал текущие решения.

Однако в ходе межэтнического контакта с коряками эвены восприняли другой опыт хозяйствования, т.е. заимствовали навыки ведения крупностадного оленеводства. И эвены, кочевавшие в районе Гижиги, переняли некоторые черты палеоазиатского способа ведения хозяйства, вследствие чего стал возможен переход к крупностадному оленеводству. При этом оленеводство у данной группы эвенов утратило преимущественно транспортное направление, и хозяйственная деятельность стала организовываться так же, как у коряков. В среде эвенов выделяется зажиточная прослойка, вокруг которой группировались малооленные или безоленные сородичи [История..., 1997, с. 25; Хаховская, 2008, с. 96].

Социальные отношения претерпевают изменения, выделяется слой зажиточных хозяев, которые в выпасе оленей уже прибегают к услугам маломощных пастухов. В их социальных отношениях прослеживаются черты, характерные для палеоазиатского типа оленеводства. Такие тунгусские хозяйства, обладавшие более крупными стадами, уже могли жить и за счет оленеводства. Однако комплексный характер природопользования не был изжит. Перекочевки стад совершали, учитывая возможность ведения промыслов и рыболовства. Из-за увеличения поголовья оленей весенние стоянки стали более длительными. Оленеводы спускались к побережью в первой половине июня [ГАМО, ф. Р-50, оп. 1, д. 5, л. 2–4], чтобы рожденные оленята успели окрепнуть. Выпас оленей осуществляли с сезонным роспуском в период появления грибов, когда стадо становилось неуправляемым. Для охраны от волков использовали собак.

На развитии общественных отношений эвенов сказались особенности хозяйственной деятельности отдельных локальных групп. Кочевники-эвены Северо-Эвенского района составляли единую этническую группу с ольскими оленеводами и объединялись в роды [ГАМО, ф. Д-2, оп. 1, д. 16, л. 63–66]. В то же время род как социально-экономическая единица был утрачен задолго до установления советской власти, а формально существовавшие роды являлись лишь пережитком дореволюционной административной системы и объединяли людей не по родственному, а по территориальному признаку [Хаховская, 2001, с. 69]. Основную хозяйствующую единицу представляла локальная группа, состоявшая из нескольких родственных семей [Попова, 1981, с. 100–102], которые вели общее хозяйство зимой, что позволяло более продуктивно осваивать природные ресурсы. Главы эвенских домохозяйств самостоятельно решали, когда и в каком направлении кочевать, где вести промысел. В весенний и осенний периоды община распадалась на семьи, продолжавшие хозяйствовать самостоятельно. Семьи объединялись в крупные группы в начале лета на побережье или по рекам для проведения традиционных праздников.

Жены оленеводов занимались бытом. Помимо готовки пищи, выделки шкур, пошива одежды, ухода за мужем и детьми, женщины летом были задействованы на рыбодобыче. Старики и дети также принимали участие в рыболовстве. В первой четверти XX в. оленеводческие хозяйства будущего района сохраняли натуральный характер. Практиковались различные способы ведения оленеводства эвенами и коряками, что объясняется исторически.

Таким образом, в среде оленеводов мы видим разнообразие форм хозяйствования: с одной стороны, тип палеоазиатов-оленевонов (коряки) с их крупнотабунным оленеводством, с другой — эвенское хозяйство, ориентированное на охоту и рыболовство, наряду с ними наблюдаются измененные формы хозяйствования как у коряков, так и у эвенов.

Все четыре формы хозяйствования в традиционный период природопользования стабилизировались на определенном уровне, при котором удовлетворяются все потребности оленеводов. Как и при всяком экстенсивном кочевом скотоводстве, численность животных постоянно колебалась под влиянием неблагоприятных внешних факторов: повторяющихся гололедов, суровых многоснежных зим, эпизоотий [Крупник, 1989, с. 149]. Неблагоприятные периоды можно отметить и в хозяйствах, характеризующихся комплексностью. Так, благополучие эвенов часто зависело от состояния пушной фауны, количества популяций лосей и диких оленей, на которых они традиционно охотились. По данным чиновников выходило, что «для безбедного существования семье кочевого инородца надо иметь не менее 25 оленей» [Хаховская, 2010, с. 228]. Ясно, что здесь речь идет об эвенских хозяйствах, использовавших оленей только для переездов и во время охоты.

В случае полной потери оленей положение кочевников становилось критическим. Именно такая ситуация в начале XX в. сложилась у группы кочевников-тунгусов (эвенов) Охотского побережья. Утратив по каким-то причинам животных, они вынуждены были осесть в верховьях р. Гижига (66 чел.) и в районе р. Вилига (258 чел.) [ГАМО, ф. Д-24, оп. 1, д. 2, л. 167 об.].

Дестабилизирующим фактором для коряцкого оленеводства стала постоянная вынужденная поддержка оседлого населения. Источники отмечают, что в ходе межэтнических контактов в XVIII–XIX вв. сложились родственные связи между казаками, коряками, особенно оседлыми, эвенами, которые проживали в Гижиге, Пенжине. Основным доходом оседлых коряков и жителей Гижиги были рыболовство и охота, которые не всегда могли их прокормить. Поэтому нередко им требовалась поддержка со стороны оленеводов. В годы неурожая рыбы на помощь гижигинцам приходили коряки-оленеководы, снабжавшие население мясом, шкурами оленей [Вдовин, 1994, с. 80]. Близость крупных населенных пунктов — Гижига, Пенжина — оказывала двойственное влияние на коряцкое оленеводство: с одной стороны, давала возможность вести обмен, получать нужные для оленеводов товары, с другой — наносила значительный урон поголовью, особенно в случае голодовок среди гижигинцев, которые случались часто.

Таким образом, в традиционный период оленеводство существовало как жизнеобеспечивающая система природопользования с ярко выраженными отличительными чертами, в значительной степени контролируемые этническим фактором. Состояние традиционных сообществ оленеводов, находившихся до известной степени в ситуации закрытости, т.е. без специально направленных преобразовательских усилий с внешней стороны, время от времени подвергалось периодическим изменениям, не носившим специфического характера, но отражавшим саму ситуацию взаимодействия культур и этносов в локальном пространстве. Взаимодействие же

кочевнических сообществ с внешним миром оказывало на них, как правило, дестабилизирующее влияние именно потому, что оленеводство являлось той отраслью, из которой черпались ресурсы для поддержания смежных хозяйственных сфер и практикующих их сообществ. Вместе с тем традиционное оленеводство, и в первую очередь его палеоазиатский вариант, обладало достаточно мощным защитным импульсом, который препятствовал его разрушению: самодостаточные хозяйства могли просто свести к минимуму все возможные межэтнические контакты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антропова В.В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. С. 99–245.
- Антропова В.В.* Культура и быт коряков. Л.: Наука, 1971. 216 с.
- Арсеньев В.К.* «С научными целями на собственный счет»... // Сев. просторы. 1999. № 3–4. С. 70–76.
- Банщикова Н.В.* Оленеводство Среднеканского района: История и перспективы // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2012. № 1. С. 114–121.
- Бацаев И.Д.* Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. 138 с.
- Билибин Н.Н.* Обмен у коряков / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 40 с.
- Вдовин И.С.* Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 86–114.
- Вдовин И.С.* Гижига — город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1994. С. 78–82.
- Гурвич И.С.* Коряки Северо-Эвенского района Магаданской области // Полевые исследования ИЭ. 1978. М.: Наука, 1980. С. 111–119.
- Гурвич И.С.* Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983. С. 96–119.
- История и культура эвенов.* СПб.: Наука, 1997. 180 с.
- Иохельсон В.И.* Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- Крашенинников С.П.* О корякском народе // Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2010. С. 381–401.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. С. 102–135.
- Полежаев А.Н.* Об оленеводстве на Севере Дальнего Востока России // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2006. № 2 (6). С. 43–48.
- Попова У.Г.* Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. 304 с.
- Хаховская Л.Н.* Прошлое и настоящее аборигенов Охотского побережья: (Эвены и камчадалы) // Мир коренных народов — Живая Арктика. 2001. № 8. С. 67–72.
- Хаховская Л.Н.* Коренные народы Магаданской области в XX–XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
- Хаховская Л.Н.* К вопросу о традиционном рационе питания охотских аборигенов // VI Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 227–230.
- Шавров К.Б.* Примечания // В.И. Иохельсон. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. С. 230–233.

Магадан, СВКНИИ ДВО РАН
banshchikova1986@mail.ru

In the early XX c., ethnic transformations among North East reindeer breeders were mainly conditioned by inter-ethnic contacts under which influence the life style of the indigenous people suffered certain changes, i.e. adapted to re-created ethnocultural conditions. However, in the process of adaptation different ethnic groups displayed considerable differences, resulting in the origin of new ethno-local groups.

Traditional environmental management, the Koryaks, the Evens, paleo-Asian method of reindeer breeding, Tungus type of reindeer breeding.

ТЕКСТИЛЬНАЯ АТТРИБУТИКА МЕДВЕЖЬЕГО ПРАЗДНИКА НА СЯТИЛИЩАХ СЕВЕРНЫХ МАНСИ НАЧАЛА ХХІ в.¹

А.А. Богордаева

Систематизируются текстильные атрибуты медвежьего праздника, обнаруженные в ходе экспедиционных исследований на святилищах северных манси. Приводятся описания головных уборов, халатов и рукавиц, рассматриваются способы ношения платков, особенности орнаментации рукавиц. Все предметы были найдены в домашних святилищах. В составе атрибутики количественно преобладают головные уборы, что свидетельствует о значимости функции, которую они выполняли в ритуально-обрядовой практике манси.

Манси, мансийская традиционная одежда, медвежий праздник, традиционный текстиль, обрядовый халат, обрядовая шапка, обрядовые рукавицы, ритуальные способы повязывания платка.

В настоящее время два важных аспекта определяют необходимость подробного исследования атрибутики медвежьего праздника северных манси. Это изучение, во-первых, собственно мансийской культуры и определение ее специфики, а во-вторых — предметной стороны медвежьего праздника, которой до сих пор уделялось недостаточно внимания. Можно выделить три группы работ по этому вопросу. К первой из них относятся те, в которых приводятся сведения об атрибутах медвежьего праздника в рамках изучения ритуально-обрядовых традиций манси и обских угров в целом [Источники..., 1987; Каннисто, 1999; Новикова, 1995; Ромбандеева, 1993; Соколова, 1971; Чернецов, 2001; Kannisto, 1958]. Другую группу составляют описания мансийских святилищ, где хранилась атрибутика медвежьего праздника [Бауло, 2013; Богордаева, 2012; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999; Гемуев, Сагалаев, 1986; Источники..., 1987; Kannisto, 1958]. Третью группу представляют исследования, в которых рассматриваются особенности материальной культуры манси в целом и отдельных ее элементов [Богордаева, 2006; Гондатти, 2000; Федорова, 1994].

Задачи данного исследования заключаются в систематизации и описании текстильных атрибутов медвежьего праздника, зафиксированных в домашних святилищах северных манси в ходе экспедиций. Экспедиции проводились совместно с Приполярным этнографическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН на территории проживания северной группы манси в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006–2010 гг.² Обследовались домашние и поселковые святилища в бассейнах рек Ляпин и Северная Сосьва. Атрибуты медвежьего праздника были обнаружены в заброшенных домашних святилищах, большинство из которых разрушены и разорены. Используемые во время праздника предметы представлены здесь платками, шапками, халатами и рукавицами, принесенными в дар духам-покровителям.

Платки. Представляют наибольшую по численности группу среди текстильных предметов на святилищах северных манси. Здесь есть восточные (китайские (?), бухарские (?)) платки из шелка XVIII–XIX вв., шелковые, хлопчатобумажные платки и шерстяные шали, полушалки XIX — начала XX в. российского производства, платки (шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные, полиэстеровые и др.) советских фабрик, а также современные [Бауло, 2013, с. 166–167, рис. 213–215]. Этот простейший головной убор в целом является принадлежностью женского костюма, но у манси его носили и мужчины [Источники..., 1987, с. 33]. Платки и шали приносили в качестве подарка духам-покровителям женского и мужского пола. На медвежьем празднике их использовали в костюме духов-покровителей как женского, так и мужского пола. Представляя духов-покровителей женского пола, актеры закрывались большим платком или шалью как покрывалом, накидывая его на голову или плечи [Источники..., 1987, с. 217–218, 227, 234]. При показе

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Текстиль на святилищах северных манси в начале XXI в.» по программе Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² Автор благодарит д.и.н. А.В. Бауло за предоставленную возможность участия в экспедиционных исследованиях Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН.

Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в.

духов-покровителей мужского пола фиксируется несколько способов ношения платка. Так, на сделанных В.Н. Чернецовым рисунках со сценками медвежьего праздника показаны способы повязывания платка актерами, которые изображали духов-покровителей: 1) платок накидывали на плечи, закрывая им руки, спину и грудь [Чернецов, 2001, с. 10, рис. 1/а]; 2) повязывали голову [Там же, с. 10, рис. 1/б, 2]; 3) свернутый косынкой платок накидывали на плечи, закрывая спину и плечи, концы свободно свисали спереди [Там же, с. 37, рис. 18, 19, 20]; 4) свернутый косынкой платок накидывали на плечи, два его конца скрещивали на груди и заправляли за пояс [Там же, с. 13, рис. 2, 3а]. В дневниках В.Н. Чернецова упоминается еще один способ повязывания платка у мужчин, представлявших духов-покровителей: им закрывалась нижняя часть лица до глаз [Источники..., 1987, с. 216, 218]. Кроме того, известен обычай повязывания платков на кисти рук [Там же, с. 217, 219, 235, 250; Новикова, 1995, с. 77; Соколова, 1971, с. 215].

Шапки. В отличие от платков шапки на медвежьем празднике были исключительно мужским атрибутом. Используемые во время медвежьего праздника шапки духов-покровителей, обнаруженные нами на святилищах, имеют два типа кроя, каждому из которых соответствует определенная форма тульи: конусообразная или трапециевидная. Трапециевидный тип кроя наблюдается у трех шапок из пяти обнаруженных (рис. 1, 1–3).

Рис. 1. Шапки, использовавшиеся для представления духов-покровителей на медвежьем празднике: 1 — д. Верхненильдина; 2, 3 — д. Хурумпауль; 4 — д. Кимкъясуй Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Так, шапка (высота 22 см, окружность 63) духа-покровителя из д. Верхненильдина имеет трапециевидный тип кроя тульи (рис. 1, 1). Она сшита вручную белыми хлопчатобумажными нитками из четырех чередующихся по цвету клиньев сукна: двух клиньев красного и двух клиньев черного цвета. На макушке сделана круглая вставка из красного сукна. Край тульи подшит полосками также красного и черного сукна. Особенностью шапки является вырезанный из красного сукна круг, нашитый на одну из черных полос обшивки края тульи. Он располагается так, что одна его половина находится на изнаночной стороне шапки, а другая — на наружной. На верхнюю часть клиньев пришиты кисточки — полоски из красного и черного сукна (длина 10–21 см).

Шапка из д. Хурумпауль (высота 28 см, длина окружности 55 см) сшита сухожильными нитками из четырех пятиугольных клиньев коричневого сукна таким образом, что верхняя часть тульи имеет четырехугольную форму (рис. 1, 2) [Бауло, 2013, с. 110, рис. 124в]. Один из швов

не доведен до края тульи, в результате чего образован разрез. Над этим разрезом по всей окружности нашита полоса позумента (ширина 3 см).

Другая шапка (высота 24,5 см, окружность 60 см) из д. Хурумпауль сшита вручную сухожильными нитками из синего сукна и обшита по краю полосой беличьего меха (рис. 1, 3) [Бауло, 2013, с.110, рис. 124б]. Шапка имеет трапециевидную форму, тулья ее сшита из четырех клиньев: двух узких боковых и двух широких переднего и заднего. Клинья имеют трапециевидную, зауженную сверху форму. Широкие клинья достигают в ширину в верхней части 11 см, в нижней части — 16,5–18 см, узкие клинья в верхней части — 7–7,5 см и 10,5–11 см в нижней.

Конусообразный тип кроя имеют две шапки. Обе они происходят из д. Кимкъясуй. Одна из них (высота 24, окружность 58 см), сшита вручную сухожильными нитками из четырех клиньев черного и зеленого сукна одинакового размера (рис. 1, 4). Край тульи обшит полосой светлой хлопчатобумажной ткани. Другая конусообразная шапка (высота 23 см, окружность 54 см) сшита вручную сухожильными нитками из черного и красного сукна. Тулья состоит из четырех верхних клиньев одинакового размера (ширина 13,5 см, высота 14 см) с одинаковым орнаментом криволинейного типа («всадник»), выполненным в технике мозаики. Два клина сделаны из сукна красного цвета с черным орнаментом, два — из сукна черного цвета с красным орнаментом. К нижнему краю клиньев пришита орнаментированная полоса (ширина 7 см), состоящая из трех частей с орнаментом, который выполнен в технике мозаики. При этом одна часть выкроена из красного сукна с черным орнаментом и две части — из черного сукна с красным орнаментом. Между этими частями вставлено по два клинышка из черного и красного сукна. Полоса красного сукна вставлена в шов между верхними клиньями тульи и нижней орнаментированной полосой. Нижний край тульи шапки обшит полосой рыжего лисьего меха. К макушке шапки пришита кисточка, сделанная из трех кусочков сукна, из них два — красного цвета, один — черного.

В целом шапки, использовавшиеся во время представления духов-покровителей на медвежьем празднике, фиксировались у манси повсеместно. В этнографической литературе упоминаются и другие шапки, надевавшиеся мужчинами на медвежьем празднике. Так, данные о меховых шапках, надевавшихся при показе духов-покровителей на медвежьем празднике, имеются в записях В.Н. Чернецова [Источники..., 1987, с. 216, 233]. Есть сведения также о бытовавших у северных манси: «остроконечных» шапках [Соколова, 1971, с. 215]; «шапки сферической и конической формы» [Гемуев, 1990, с. 82, 91]; остроконечных шапках с семью лоскутами на макушке [Ромбандеева, 1993, с. 121]; «колпаке», сшитом из красной и черной байки и обшито по краю беличьим мехом [Новикова, 1995, с. 134]; «особых шапках, отороченных мехом» с нашитыми сзади хвостами [Новикова, 1995, с. 103]; трапециевидной суконной шапке с кисточками; шапке из цветных суконных клиньев; полусферической орнаментированной шапке [Гемуев, Бауло, 1999, с. 143]. Также в д. Кимкъясуй (р. Северная Сосьва) была зафиксирована конусообразная шапка, сшитая из шести клиньев зеленого и черного сукна, четыре из которых орнаментированы в технике мозаики изображениями оленей, с опушкой из беличьего меха [Гемуев, Бауло, 1999, с. 159]. Неоднократно описывались и меховые головные уборы, состоявшие из шкур пушных зверей (лисы, соболя), надевавшиеся во время представления духов-покровителей [Источники..., 1987, с. 218, 232–233, 235; Новикова, 1995, с. 77, 103, 134]. Однако на обследованных святилищах шкур не обнаружено.

Халаты. Плечевая одежда, использовавшаяся во время представления духов-покровителей на медвежьем празднике, представлена на святилищах халатами. Они имеют обычные размеры по росту и размеру человека, сшиты из разнообразных тканей вручную или на швейной машинке. Всего было описано четыре халата, которые могли использоваться на медвежьем празднике, из них один — из д. Верхненильдина и три — из д. Посолдино.

Халат из д. Верхненильдина сшит вручную сухожильными нитками из саржи сиреневого цвета с синей изнаночной стороной (рис. 2, 1). Изделие (длина 93,5 см, ширина подола 206,5 см, длина рукава 56 см, ширина рукава 38 см, размер 38–40) имеет трапециевидный, расширяющийся книзу силуэт и туникообразный покрой с прямыми проймами и широкими прямыми рукавами. Стан составляет прямоугольная полоса ткани, перегибающаяся на плечах и разрезанная спереди посередине. В центре полосы вырезан округлый ворот. К средней полосе пришиты рукава, под которые к бокам — расширяющиеся к низу боковые вставки. При этом правая боковая вставка надставлена в ширину клином спереди, а левая боковая вставка — сзади, со стороны спинки. К вороту пришит узкий воротник-стойка, концы которого заканчиваются завязками. Края полочек, подола и рукавов подшиты.

Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в.

Первый халат из д. Посолдино сшит вручную сухожильными нитками из отдельных кусков жаккардовой ткани голубовато-зеленого цвета с цветочным рисунком (рис. 2, 2). Длина 102,5 см, ширина подола 222 см, ширина полочек 31 и 25,5 см, длина рукава 63 см, ширина рукава 14 см. Имеет расширяющийся книзу силуэт, воротник-стойку, широкие рукава, пришитую подкладку из ситца белого цвета с цветочным рисунком розового цвета. Позументной тесьмой обшита воротник, края рукавов, позумент также нашит вдоль края полочек и подола. Три пробивные петли сделаны на правой полочке, на левой полочке сохранились две металлические пуговицы.

Рис. 2. Халаты, использовавшиеся для представления духов-покровителей на медвежьем празднике: 1 — д. Верхненильдина; 2 — д. Посолдино Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Еще один халат (длина 91 см, ширина подола 177,5 см, ширина полочек 28 и 31 см, длина рукава 34,5, ширина рукава 17,5 см) из д. Посолдино имеет туникообразный покрой и сшит из смешанной хлопчатобумажной ткани синего цвета (рис. 3, 1). В боковые швы под рукава вставлены прямоугольные клинья, расширяющие подол. Пройма прямая, рукав прямой, одношовный. К вороту пришит воротник-стойка. Полочки соединяются при помощи пары завязок из полосок синей ткани. Халат имеет подкладку из черной хлопчатобумажной ткани. Обшит полосой из белого ситца по краю ворота, рукавов, полочек и подола. На полочках и подоле нашито по две белых полосы.

Другой халат из д. Посолдино (длина 111 см, ширина подола 240 см, длина рукава 50 см, ширина рукава 16 см, ширина полочек 39–40 см) сшит на швейной машинке белыми хлопчатобумажными нитками из ситца розового цвета (рис. 3, 2). Трапециевидного силуэта, расширяющегося книзу, с воротником-стойкой, широкими и прямыми рукавами. Спинка из двух равных частей со швом по середине. Изделие имеет боковые и плечевые швы. Рукава сделаны с клином, который перегибается вниз. К халату пришита подкладка из белой хлопчатобумажной бязи. Из этой же ткани сделана петля для пуговицы, пришитая к краю воротника. На другом краю воротника — обшитая белой тканью металлическая пуговица (диаметр 1,6 см) с двумя отверстиями. Халат украшен золотой тесьмой шириной 8,5 см, которая нашита на воротник, края правой полочки, подола и рукавов.

А.А. Богордаева

Сравнительно-типологический анализ способа изготовления, материала, украшения халатов для медвежьего праздника показал, что для них характерны яркие цвета ткани, украшения в виде нашивки полос ткани контрастного цвета, а также позумента и блестящей мишуры [Богордаева, 2012, с. 111]. В отличие от жертвенных халатов, имеющих более высокий статус, у них нет таких отличительных признаков, как разрезы под мышками и пришитая монета [Там же].

Рис. 3. Халаты, использовавшиеся на медвежьем празднике для представления духов-покровителей, д. Посолдино Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

В целом использование особой распашной одежды (халатов, шабуров) на медвежьем празднике и ее хранение в домашних святилищах зафиксировано у северных и восточных (кондинских) манси [Соколова, 1971, с. 215; Источники..., 1987, с. 211, 216; Гемуев, 1990, с. 92–93; Ромбандеева, 1993, с. 121; Новикова, 1995, с. 93, 103, 134; Гемуев, Бауло, 1999, с. 31, 49, 125, 151, 153; Гондатти, 2000, с. 108–109; Чернецов, 2001, с. 9; Kannisto, 1958, с. 308–309].

Рукавицы. Из числа других атрибутов медвежьего праздника на святилищах были зафиксированы рукавицы (рис. 4). Три пары рукавиц были обнаружены в числе священных предметов домашних хранилищ, в том числе две пары — в д. Верхненильдина и еще пара — в д. Посолдино [Бауло, 2013, с. 159, рис. 206б–д]. Рукавицы первой пары (длина 21,5 см, ширина 12 см) из д. Верхненильдина сшиты вручную белыми хлопчатобумажными нитками из репсовой хлопчатобумажной ткани бирюзового цвета, имеют полуовальную форму и подкладку из красного ситца с цветочным рисунком (рис. 4, 1). На внешней стороне выполнена аппликация из желтого сукна в виде медальонного орнамента криволинейного типа («медведь»?). В способах шитья и кроя рукавиц имеются некоторые отличия. Так, правая сшита из одного куска ткани, который перегнут справа пополам, на сгибе в верхней части сделана вытачка, закругляющая рукавицу. Напальник для большого пальца сшит отдельно из одного куска сукна, перегнутого справа, где также сделана вытачка, закругляющая верхушку напальника. Левая рукавица сшита из двух кусков ткани. Из них один перегибается слева и образует тыльную часть рукавицы и половину

Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в.

ладонной части. Справа же сделана вытачка, которая закругляет верхнюю часть рукавицы. Второй кусок образует половину ладонной части. Напальник — из одного куска ткани, имеет соединительный шов справа и шит в соединительный нижний шов ладонной части. Нижний край рукавиц обшит кантом из желтого сукна.

Рис. 4. Рукавицы медвежьего праздника:

1, 2 — д. Верхненильдина; 3 — д. Посолдино Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Вторая пара рукавиц из д. Верхненильдина сшита вручную из двух кусков сукна — красного и синего цвета (рис. 4, 2а, б). Каждая рукавица (длина 20 см, ширина 11 см) состоит из пяти деталей: верхней орнаментированной стороны, внутренней неорнаментированной стороны (ладонная часть), манжеты (длина 13 см, ширина 5,5 см), пришитой к внутренней стороне, и двух частей напальника (внутренней неорнаментированной и внешней орнаментированной) (длина 13,5 см, ширина 6,5 см). К верхней части манжеты каждой рукавицы была пришита полоса меха (?), ворс осыпался, осталась только полоска белой кожи. Рукавицы были выкроены из двух кусков сукна (красного и синего), таким образом, что неорнаментированную основу одной составляет синий цвет, а орнамент вырезан из красного сукна; неорнаментированную часть другой составляет красный цвет, а орнамент вырезан из синего сукна. То есть раскрой деталей производился из сложенных вместе кусков красного и синего сукна. У правой рукавицы ладонная часть и внутренняя часть пальца сшиты из трех кусков сукна. Орнамент располагается на внешней стороне ладонной части рукавицы и на внешней стороне напальника. Орнамент относится к криволинейному типу, имеет форму розетки, на внешней стороне ладонной части он изображает символ медведя.

Пара рукавиц из д. Посолдино (длина 22 см, ширина 13 см) сшита вручную сухожильными нитками из черного сукна (рис. 4, 3). Ладонная деталь каждой рукавицы сшита из нескольких частей, на ней сделан разрез для напальника, который сшит из двух деталей — внешней и внутренней. Края ладонной части и напальника обшиты полосой красной хлопчатобумажной ткани. Внешняя сторона рукавиц и внешняя сторона напальника украшены прямолинейным ленточным орнаментом, выполненным в технике аппликации хлопчатобумажной тканью красного, белого, желтого, синего и зеленого цвета. На внешней стороне рукавиц выделяется четыре горизонтально расположенных орнаментальных мотива, внешняя сторона напальника украшена белыми, синими и желтыми полосками (ширина 0,3–0,5 см). Орнаментом из белой и синей ткани на внутренней стороне каждой рукавицы выделена манжета (ширина 8,5 см).

Особая орнаментация найденных в д. Верхненильдина рукавиц указывает на их принадлежность к атрибутике медвежьего праздника. Характерно, что и описанные в этнографической литературе орнаментированные рукавицы для медвежьего праздника происходят из д. Верхненильдина [Гемуев, Бауло, 1999, с. 125]. Эти рукавицы также сшиты из сукна с медальонным криволинейным орнаментом из сукна синего цвета. Орнамент на них отличается от представленного на описанных выше. По мнению авторов, орнамент на этих рукавицах, скорее всего, изображает не столько медведя, сколько *мув хора* (земляного быка или мамонта) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 124, рис. 67].

Использование специальных рукавиц на медвежьем празднике фиксируется у (восточных) кондинских, северных (сосьвинско-ляпинских) манси [Источники..., 1987, с. 217; Новикова, 1995, с. 90, 103, 134]. По записям В.Н. Чернецова, «женщины во время танца надевают *хансан пасса* ('узорные рукавицы'.— А. Б.). Мужчины — или с голыми руками или обернув руки платком» [Источники..., 1987, с. 217]. По данным Н.И. Новиковой, у северных манси рукавицы, надевавшиеся во время медвежьего праздника, имели орнамент «медвежья лапа» [1995, с. 103].

Символика рукавиц на медвежьем празднике до конца не ясна. В угроведении традицию использования рукавиц во время медвежьего праздника связывают с ритуальным разделением медвежьей шкуры на части, в том числе с отрезанием лап, которые какое-то время хранились вместе с головой и шкурой медведя, а у некоторых групп хантов также использовались в обрядах [Кулемзин, 1976, с. 79; Новикова, 1995, с. 94]. Интересен в этой связи ритуал, зафиксированный Н.И. Новиковой у северных манси, производившийся во время варки медвежьего мяса: «Охотник, убивший медведя, трижды обходил женщин, сидевших рядом с котлом, в котором варилось мясо медведя. В руках у него был деревянный котелок с мясом с задней части медведя. Во время обхода он «храпел» как медведь, а потом ставил котелок на колени пожилой женщины... Женщина должна была отдарить его, сделать рукавицы, украшенные орнаментом «медвежья лапа»» [1995, с. 109].

Очевидно, что по способу декоративной отделки и орнаменту найденные на святилищах рукавицы делятся на два типа — с медальонным криволинейным и прямолинейным орнаментом ленточного типа, что можно рассматривать как свидетельство разной знаковой функции, которую они выполняли, а возможно, и разной половой принадлежности.

* * *

В целом анализ текстильных атрибутов медвежьего праздника показывает, что большая их часть была обнаружена в домашних святилищах, и это, очевидно, связано с необходимостью их оперативного применения. В составе предметов преобладают головные уборы — шапки и платки, что свидетельствует о важной роли, которая им отводилась и на медвежьем празднике, и в целом в религиозно-обрядовой практике. При этом способы использования платков на медвежьем празднике указывают на их разнообразные функции, которые, вероятно, в прошлом выполняли другие, не дошедшие до наших дней предметы одежды. Требуют дальнейшего исследования вопросы, связанные с использованием на медвежьем празднике рукавиц и их орнаментацией. Необходимо исследование и самой традиции хранения обрядовой одежды на святилищах, поскольку она напрямую связана с проблемой происхождения и формирования святилищ и находящихся здесь изображений духов-покровителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этногр. альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Богордаева А.А. Покрой и украшения обрядовых халатов северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 1 (16). С. 102–112.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. 2000. № 4 (14). С. 96–144.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 52 с.

Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в.

Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М.: ИЭА РАН, 1995. 225 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом: Северо-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1971. Т. 37. С. 211–238.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.

Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 50 с.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.

Тюмень, ИПОС СО РАН
bogordaeva@mail.ru

The article systematizes textile attributes of a bear festival discovered under expedition investigations at holy places of North Mansi. The author gives a description of headwear, robes and mittens, considering methods of wearing shawls, and details of mittens' ornamentation. It is indicated that all the obtained objects were found in home sanctuaries. It is determined that it was headwear quantitatively prevailing among the attributes, which testifies to significance of the function those performed in the Mansi sacral ritual practice.

Mansi, Mansi traditional clothing, bear festival, traditional textile, ritual robe, ritual fur-cap, ritual mittens, ritual methods of tying shawls.

ТРАДИЦИИ РЫБОЛОВСТВА КОМИ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

Н.А. Лискевич

Рассмотрены традиции рыболовства у коми, проживающих на территории Нижнего Притоболья, отмечено подсобное значение рыболовного промысла и использование улова в основном для самообеспечения семей. По материалам полевых исследований показана сезонная специфика при добыче рыбы, способы лова и орудия промысла, их динамика. Освещены современные особенности использования продукции рыболовства, ее переработки и приготовления.

Рыболовство, коми, Нижнее Притоболье, рыболовные ловушки, рыболовная продукция.

Рыболовство играло существенную роль в жизни коми, расселенных в таежной зоне в бассейне крупных рек. В XIX — начале XX в. у жителей Усть-Сысольского, Яренского уездов добыча рыбы практиковалась не только для самообеспечения, но и для продажи [Конаков, 1983, с. 25–26], хотя в целом рыбный промысел имел подсобное значение [История коми, т. I, 2004, с. 167], в отличие от Печорского уезда, где рыболовство доминировало среди неземледельческих промыслов [История коми, т. II, 2004, с. 79–80].

Коми, переселявшиеся по ряду причин на другие территории, старались по возможности выбирать для оседания сходные с прежним местом жительства природные условия. Это, как правило, позволяло новоселам восстановить структуру хозяйства и использовать имеющиеся знания и навыки природопользования. На юге Западной Сибири выбор места для основания поселения у коми переселенцев определялся наличием реки, мест для покосов, возможностями расширения пашни. В нижнем течении р. Тобола (Ялуторовский уезд Тобольской губернии) крупные поселения коми (Александровка, Ивановка, Малая Тихвина и др.) были образованы выходцами в основном из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии [Жеребцов, 1998, с. 87–96]; в материалах Всероссийской переписи 1897 г. местом рождения представителей старшего поколения указаны населенные пункты именно этих уездов [Ф. И417, оп. 2, д. 3736, 3738, 3739]. Основными занятиями в материалах переписи были указаны земледелие и скотоводство, рыболовство отмечено в качестве «вспомогательного занятия» лишь у нескольких человек. Житель д. Александровка Ивановской волости Игнатов Петр Савельевич, земледелец, считал себя также рыболовом, охотником и звероловом; Тарабукин Петр Максимович, шерстобит, дополнительно занимался «удением рыбы» [Ф. И417, оп. 2, д. 3736, л. 69 об., 155 об.]. В с. Ивановка в семье Пудова Михаила Антоновича был постоялец из Лыбаевской волости — Салмин Алексей Васильевич, у которого рыболовство было основным занятием [Ф. И417, оп. 2, д. 3738, л. 20 об.]. В д. Малая Тихвина Шешуков Павел Васильевич, земледелец, дополнительно торговал рыбой, а Антипин Иван Ефимович, уроженец г. Шадринска Пермской губернии, был земледельцем и рыболовом [Ф. И417, оп. 2, д. 3739, л. 15 об., 16 об.].

Более детальные сведения о способах и значении рыболовства в жизни коми были получены в ходе полевых исследований на территории Яркового и Ялуторовского районов Тюменской области в 2003–2006 гг. Исследования проводились в с. Староалександровка Яркового района, с. Ивановка и д. Большое Тихвино Ялуторовского района, часть материалов опубликована [Повод, Сидоркин, 2005, с. 230–240]. Первые коми жители, согласно народным преданиям, появились на этой территории в 1830–1840-х гг. В конце XIX в., по данным переписи 1897 г., в Ялуторовском округе Тобольской губернии числилось 2504 коми-зырянина, проживавших в с. Александровка², с. Ивановка, д. Тихвино Ивановской волости, а также в населенных пунктах Плетневской и Заводоуковской волостей [Первая всеобщая перепись..., 1905, с. 2–3, с. XXXVII]. Благоприятное расположение населенных пунктов: с. Староалександровка — в междуречье рек

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири» по программе Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² В середине XX в. в районе появилось еще одно селение под названием Александровка и основанное раньше село было переименовано в Староалександровку.

Традиции рыболовства коми Нижнего Притоболья

Тобол и Юрга, с. Ивановка и д. Большое Тихвино — на правом берегу Тобола, большое количество озер (Санкутар, Калачик, Кучак, Писанское, Воинское, Арай) повышали значимость рыболовства в системе природопользования. Объектом рыбной ловли являлись окунь, карась (*ка́рась*), щука (*сир*), чебак (*чабак*), язь, реже — лещ, пескарь, судак, ерш, линь, голянь, судак, стерлядь, нельма, налим (*на́лим*).

Рыболовным промыслом занимались как индивидуально, так и в рыболовецких артелях. Еще в 1940-х гг. в д. Староалександровка действовала рыбозаготовительная артель. Существовали пункты приема рыбы в с. Покровское и д. Карбаны. По словам местных жителей, план заготовки рыбы предусматривал сдачу 150 ц в месяц. Рыбу ловили круглый год как в реках Юрга и Тобол, так и в озерах. Основной рыболовный сезон начинался с весны и длился все лето. В зимнее время рыболовство было ограничено, им занимались не все, так как толщина льда в этой местности может составлять до 60 см, и «лед долбить было трудно». Коми с. Староалександровка дно реки *кабалили*, т.е. освобождали от коряг с помощью специальной палки с крюком на конце, чтобы не запутывались сети. На местах дальних рыболовных промыслов «в сограх» обустроивали рыболовные избушки.

Существует сезонная специфика при добыче рыбы. Чебак, окунь, пескарь, карась, лещ, щука, ерш ловятся круглый год. В весеннее время часто встречается щука, чебак, окунь, язь, попадает лещ. Щуку хоть и промышляют круглый год, но наиболее активно — весной и в начале лета, поскольку в это время при половодье рыба крупнее. Затем крупные особи уходят вниз по Юрге. Чебака ловят круглый год, но в особенности с конца мая до начала июля. Также во время половодья добывают леща и язья, хотя в последние годы лещ стал попадаться реже. Во время цветения шиповника попадает также линь. Летом с начала июля чаще других встречается карась. Осенью в Тоболе ловят карася, язья, щуку, реже — нельму и судака. По тонкому льду добывают налима.

Способы добычи рыбы и орудия промысла у коми отличались большим разнообразием. Практиковались активные и пассивные способы добычи, большая часть которых сохранили значение до настоящего времени. Наиболее распространена добыча рыбы при помощи различных сетей — ставных, плавных, реже используется невод. До сих пор важным орудием лова являются различные плетеные ловушки — из корня, прутьев, проволоки, сетки. Также бытовало заборное рыболовство, лучение.

Раньше рыбу ловили при помощи заборов, которые по осени ставили на Юрге, озерах. Для этого реку перегораживали досками, прутьями, картофельной ботвой, между которыми устанавливали несколько плетеных ловушек морд по направлению течения реки. Таким образом, вся рыба, которая шла по течению, попадала в ловушки. Сейчас реки не перегораживают, так как это очень трудоемко и требует привлечения большого количества людей.

Морды представляют собой плетеные ловушки в форме усеченного конуса с входным отверстием для рыбы у основания и откидной крышкой в верхней части (горловине) (рис. 1). Для изготовления морды делали несколько ободьев разного диаметра (обычно 9–10) из черемуховых прутьев, концы которых связывали с помощью мочала или толстой веревки. В настоящее время для этого используют шпагат и бельевой шнур. Наружный обод обычно делали квадратным, реже — круглым. Стенки морды составляли тонкие ровные ивовые прутья, оплетающие ободки. Ивовые прутья привязывали к ободу на расстоянии пальца друг от друга так, что каждый прут прижимал следующий за ним. Конец ряда привязывали к ободу мочалом или толстой веревкой. Внутри морды у основания крепился аналогичный каркас меньшего размера, горло которого оставалось открытым для захода рыбы. Ее вытаскивали, приоткрывая крышку горловины большого каркаса. Для плетения морды в последние годы помимо тальника, который быстро гниет в воде, используется алюминиевая проволока различного диаметра. В воде морду закрепляли при помощи груза, в качестве которого раньше использовали булыжники. Сейчас аналогом их являются части арматуры. Груз закрепляли на веревке, витой из мочала. На поверхности воды морду можно было заметить благодаря поплавку, который делали из толстой коры тополя или осины. В настоящее время вместо коры используют полиэтиленовые бутылки и куски пенопласта. Также для укрепления морды в воде к широкой части каркаса привязывали кол, один конец которого был приострен, а другой возвышался над водой для подъема ловушки. Иногда для повышения продуктивности морды к стенке каркаса с широкого конца могли привязывать соединенные между собой деревянные планки, образующие барьер. Внутри ловушки могли помещать небольшой кусок хлеба в качестве приманки. Морды ставят в течение всего

года в верхнем течении Юрги, но чаще всего осенью и зимой, когда вода становится мутной, «загарает», и поэтому рыба поднимается вверх по течению.

Рис. 1. Плетеная рыболовная ловушка *морда*, с. Староалександровка Яркковского района Тюменской области, 2004 г.

С начала зимы в водоемах устанавливали другие плетеные ловушки — котцы. Котец представлял собой короб, треугольный в плане, со стенками-решетками, изготовленными из прутьев либо дощечек, с небольшим отверстием в вогнутой части для захода рыбы. Несколько таких ловушек ставили на дно реки или озера на некотором расстоянии от берега, с которым соединяли при помощи деревянной доски или нескольких крепких длинных прутьев. Над котцами делали прорубь, и во время «загара» воды рыба регулярно попадала в ловушки. Ее вычерпывали большим сачком — сачком. Весной, с таянием льда, котцы убирала. Их удобнее было ставить на озерах: во-первых, не сносило течением, во-вторых, уровень воды в озерах в зимний период не уменьшается, поэтому ловушки не ломались так часто, как в реках. Также зимой в водоемы раньше опускали ловушки в виде ящичков — *сайбы*, над которыми также прорубали лед.

Весной, когда вода только освобождается ото льда и начинает прогреваться, использовали фитиль: «В это время вода мутная, и рыба не видит фитиля». Фитиль обычно изготавливали следующим образом: кольца делали из черемуховых или ивовых прутьев (каждое по диаметру меньше предыдущего), сеть вязали из льняной нити. Теперь обычно используются алюминиевая проволока и покупные капроновые нити. Фитиль крепили на кольях около берега, на мели, в тал на местах кормежки рыбы. Иногда его ставили и зимой под тонкий лед у берега для добычи налима. Лов рыбы фитилем считался продуктивным, добычей обычно были щуки, лини. Также в ловушки могли попадаться ондатры и бобры, которые рвали мережу.

Круглый год практиковался промысел рыбы с помощью сетей (рис. 2). Раньше сети вязали самостоятельно, в этом процессе участвовали не только рыбаки, но и члены их семей. Сырьем для изготовления мережи был лен, который предварительно обрабатывали. Женщины пряли из волокон льна нить, которую потом мужчины использовали для вязания сетей и неводов. В настоящее время в основном бытуют фабричные сети и неводы либо изготовленные в домашних условиях из капроновых нитей. Необходимые снасти закупают в специализированных магазинах в Тюмени, Ялуторовске, Ярково.

Для вязания сетей использовались специальные иглы и шаблоны (*доски, дощечки*). Иглу изготавливали из дерева, она представляла собой тонкую пластину длиной около 10–15 см, шириной 2–3 см. Один конец ее имел вид двузубой вилки, другой был приострен, внутри основной части была вырезана игла, направленная к приостренной стороне. Вязальная доска использовалась в качестве шаблона для определения размера ячеи. Это приспособление в виде небольшой пластины также вырезали из дерева. Доски могли быть разной длины и ширины, в зависимости от потребностей мастера. Один конец ее был закруглен, другой имел небольшую выемку. Если дощечка была крупной, с одной стороны ее делали чуть уже, чтобы удобнее было держать в руке. В настоящее время у коми сеть является основным орудием рыболовства. Сеть используется как орудие промысла круглый год, она более долговечна и продуктивна, чем пле-

Традиции рыболовства коми Нижнего Притоболья

тенные ловушки. Зимой ставят сети на Тоболе, весной, летом — на Юрге (рис. 3). Наиболее распространены ставные сети, которые оставляют на целый день и вечером убирают.

Рис. 2. Рыболовная сеть с берестяными поплавками, с. Староалександровка Ярковского района Тюменской области, 2004 г.

Рис. 3. Ставные сети, с. Малое Тихвино Ялуторовского района Тюменской области, 2005 г.

Летом в ночное время практиковалось так называемое ботание. Для этого ставили сетку и уходили на лодке вверх по течению, один рыбак правил лодкой, а другой «ботал» — бил по воде *ботом*, который представлял собой деревянную «палку с трубой». Этот способ был очень продуктивен — «за ночь ведер сорок рыбы привозили». В зимнее время занимались подледным ловом. Для этого на реке сверлят несколько лунок, через которые продевают шнур с сетью, который закрепляют у берега на кольях или конечных лунках. Сетями добывали карася, чебака, язя, леща.

Коллективный лов рыбы плавными сетями или неводом устраивается редко, «по настроению». Для неводного лова собираются обычно компанией от двух человек. Этот способ практикуется с августа, когда реки обмелеют, либо на старицах рано утром или вечером («рыба за ночь пристаивается, днем уходит в глубину»). Длина невода составляла около 80 м, его закидывали метрах в 40 от берега, один человек находился при этом в специальной неводной лодке, другой — на берегу.

До недавнего времени ловили рыбу с помощью *кривды*. Кривда состоит из двух шестов длиной до 4 м, соединенных вместе с одной стороны. Между ними крепится мешок, связанный

из льняных или капроновых нитей (рис. 4). При рыбной ловле один шест упирают в дно реки, второй раздвигают под острым углом. В сетку попадает в основном щука, карась, окунь, ершики. К мешку привязывали нитку, которую рыбак держал на берегу и по движению которой чувствовал, когда попадала рыба.

Рис. 4. Приспособление для ловли рыбы *кривда*, с. Малое Тихвино Ялutorовского района Тюменской области, 2004 г.

Для рыбной ловли использовались также *саки*, большой и малый. Большим сакom ловили рыбу, а малым вытаскивали лед из проруби при подледном лове. Малый сак состоял из рукоятки и кольца, которые делали из прутьев черемухи и ивы, сетку вязали из льняной нити. Большой сак представлял собой шест длиной около 3 м, к которому крепили мелкоячеистую мережу («на палец»), ее края стягивали шнуром. Когда «сакАли» — сетку закидывали в воду и тащили по дну. «Сачили» обычно женщины по вечерам после работы. Попадались чебаки, *щурогайки*, за час могли добыть ведро рыбы. Этот способ был особенно распространен во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Также весной ловили налима шестом с мережей — *наметкой*.

Был известен способ лова рыбы с использованием остроги. Острогу чаще называют «колодцем». Она состоит из длинной палки-рукоятки и небольшой перекладки, в которую вставлены 6–7 металлических (раньше — деревянных) заостренных шипов (рис. 5). Острогу делали сами, покупных не было. Ею чаще промышляли щуку, преимущественно осенью (в конце сентября — октябре), реже — летом. Для этого ночью на лодке выходили два или более человек. В передней части лодки стояла «коза» — ящик для разжигания костра. При разведении огня использовали смоляные дрова, которые пилили и рубили из пней. Один человек стоял с остройгой спереди — у «козы», другой управлял лодкой при помощи весел. В настоящее время этот способ добычи рыбы уже не применяется, хотя, по словам местных жителей, раньше многие в деревне рыбачили острогой.

Дети могли ловить рыбу на удочку. Раньше удочки изготавливали из крепкого, гибкого ивового прута; теперь используются и фабричные. Летом добывали щуку при помощи петли из конского волоса, для этого петлю с удочки подводили с берега к стоящей щуке. Этот способ практикуется и сейчас: «пока кони есть, петли делают». Также ловили на самодельную блесну, пойманную рыбу зацепляли крючком и вытаскивали.

Основным средством передвижения на промысле были лодки. Еще до 1980-х гг. использовались долбленные лодки с острым носом и кормой, которые назывались *батик*, *пыж*. Лодки такого типа изготавливали самостоятельно или в столярной мастерской. Их основой было осиновое бревно, которое предварительно «парили» — под бревном разжигали костер в яме и венником нагоняли жар, от этого осина размягчалась и легче поддавалась обработке. Сначала вытесывали внешний контур лодки, затем выдалбливали внутреннюю часть, потом прикрепляли набои (*тесницы*) — «набивали борта». Лодку смолили, распаривали на костре, чтобы «лучше раскрылась». Сейчас используются дощатые лодки с острым носом и прямой кормой, их называют *доцанки*, а также *пыж*. Весла вырезают из сосны, как более прочного материала. Неводили на специальной лодке, которая называлась неводной. Лодка эта была шире обычной (для того чтобы было удобней неводить), плоскодонная, остроносая. Их изготавливали в столярной

Традиции рыболовства коми Нижнего Притоболья

мастерской из сосновых досок, которые смолили, чтобы лодка не протекала. Современные рыбаки зачастую применяют резиновые лодки.

Рис. 5. Острога для ловли рыбы, с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области, 2004 г.

В настоящее время продукция рыболовства используются для собственного употребления. Торговля рыбой не практикуется, постоянным средством обмена она также не является. Иногда мороженую рыбу продают здесь же в деревне местным жителям либо рыбу обменивают на молоко. В рационе питания населения изучаемых населенных пунктов рыболовство имеет большое значение. Добытую рыбу солят, вялят, жарят, варят, тушат, крупную — коптят, стряпают пироги. Солят свежепойманную рыбу в двухведерных кадках, бачках или эмалированных емкостях. В кадку наливается теплая подсоленная вода, складывается рыба. Концентрацию соли проверяют очищенной картошкой, которую бросают в воду: если соли достаточно — картофелина всплывает. Солят рыбу не меньше месяца, чтобы «не было глистов». Рыбу пороли, солили вместе с чешуей, при засолке чебака добавляли чеснок. Зимой с соленой рыбы снимали чешую и варили или ели с картошкой вместо хлеба.

Некоторую рыбу после засолки сушат. Ее промывают в холодной воде, затем развешивают на крючках в сарае. Для холодного и горячего копчения устраивают самодельные коптилки. Для зимних запасов рыбу также консервируют, обычно осенью. Способ приготовления консервов: свежая, очищенная от плавников рыба кладется в посудину; по вкусу добавляются пряности, соль, лавровый лист, горошек. Все это заливается томатной пастой, кладется сливочное масло. Затем посудина ставится в горячую, не остывшую русскую печку. К утру рыба готова. Потом все это складывается в стерильные банки и запечатывается. Употреблять рыбу можно сразу же.

Из свежей рыбы варили уху, которая называется *юква*. Из любой рыбы можно было делать пельмени. Для этого рыба очищается от костей и плавников, добавляются лук, чеснок, сало или сливочное масло и два яйца. Все это перемешивается, на муке раскатываются колобки, и варится. Традиционным для коми было приготовление рыбного пирога *чери нянь*. Тесто для рыбного пирога делают так же, как и на хлеб: вода, соль, растительное масло, мука, дрожжи. Тесто раскатывается тонким слоем в форме квадрата или круга, на него кладется очищенная подсоленная рыба, на рыбу сверху — нарезанный кольцами лук и лавровый лист. Накрывают слоем теста, по краям защипывают и ставят в печь.

Таким образом, у коми Нижнего Притоболья бытовали традиционные способы и орудия рыболовства, которые были распространены и у промыслового населения Коми края, — запоры, морды, фитили, сети, саки, практиковалось лучение, ботание [Конаков, 1983, с. 135–157]. В производственной терминологии сохраняются коми названия. В настоящее время не практикуются перегораживание реки запорами, котцом, лучение, лов рыбы саком, кривдой. В большей степени распространен лов сетями, плетеными ловушками — мордами, фитилями. Все реже

Н.А. Лискевич

воспроизводятся коллективные способы промысла, добыча рыбы у коми имеет индивидуальный характер. Рационализация рыболовства выражается в использовании более долговечных и прочных материалов, сокращении времени для изготовления снастей. Происходит замена материалов: льняные нити заменяются капроновыми, ивовые прутья — алюминиевой проволокой, вязанная в домашних условиях сеть — сетью фабричного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII — середине XIX вв.: Территория и население. Сыктывкар, 1998. 176 с.
История коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. I. 560 с.; Т. II. 704 с.
Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983. 248 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVIII: Тобольская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 247 с.
Повод Н.А., Сидоркин В.А. Традиционные способы и орудия рыбной ловли коми-зырян юга Тюменской области // *Земля Тюменская: Ежегодн. ТОКМ: 2004.* Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. Вып. 18. С. 230–240.

Тюмень, ИПОС СО РАН
povod_n@mail.ru

The article considers fishing traditions with Komi residing on the territory of the Low Tobol basin. It is observed that fishing was of a subsidiary significance, with catches mainly used for family self-provision. Following the materials of field investigations, the author shows fishing seasonal distinctions, fishing methods, fishing gear, as well as their development trends. Subject to description being modern features of using fish production, its processing and preparation.

Fishing, Komi, Low Tobol basin, fishing traps, fish production.

ПРОЦЕССЫ СМЕРТНОСТИ У ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КОМИ-ЗЫРЯН ИВАНОВСКОЙ ВОЛОСТИ ЯЛУТОРОВСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹

А.Х. Машарипова

На основе данных метрических книг проанализированы возрастные группы умерших, динамика смертности в различные периоды жизни и распространенные причины смерти у взрослого населения коми-зырян Ивановской волости Ялutorовского уезда Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в.

Коми-зыряне, смертность, Ялutorовский уезд, Ивановская волость, Тобольская губерния.

Смертность является важнейшим демографическим компонентом и наряду с рождаемостью представляет основной фактор воспроизводства. До начала XX в. смертность существенным образом сказывалась на численности населения [Демография, 2004, с. 130]. Изучение естественного движения населения на основе анализа данных церковного учета позволяет выявить такие показатели, влияющие на уровень смертности, как ее сезонность, причинность и возрастной аспект (напр.: [Михалев, 2007; Сагайдачный, 2000; Смирнова, 2002; Хабарова, 2007]). Подобные исследования дают возможность осветить особенности демографических процессов в отдельном регионе, у локальных этнических групп и не только определить общие тенденции, но и увидеть конкретные семейные ситуации, связанные с трагедиями, несчастными случаями и пр.

Данная работа является продолжением исследования демографических процессов у коми. Ранее был сделан анализ детской смертности у группы коми, компактно проживавшей на территории Ивановской волости Ялutorовского уезда в с. Ивановском и деревнях Александровке, Большое и Малое Тихвино [Машарипова, 2014, с. 133–137]. Для характеристики показателей смертности взрослого населения (от 16 лет и старше для женщин, от 18 лет и старше для мужчин) были изучены метрические книги Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановского 1892–1918 гг., Покрово-Богородицкой церкви с. Покровского 1877–1918 гг. и Николаевской церкви с. Бердюгинского 1877–1891 гг. [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 3, 7]. В третьей части метрических книг содержатся сведения о смерти человека: день смерти и погребения, имя и фамилия умершего, место проживания, возраст, семейное положение и причина смерти. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1877 по 1918 г. Для анализа показателей смертности была составлена таблица, в которой уровень смертности отражен по пятилетним возрастным интервалам. В результате были получены данные, характеризующие число умерших за каждый год в соответствующем возрасте.

Так, в Ивановской волости с 1877 по 1918 г. число родившихся, как и число умерших, было не стабильно. В этот период родилось всего 2999 чел., а умерло 1948 чел. (табл. 1). Таким образом, рост численности коми населения в Ивановской волости происходил за счет естественного прироста, за исключением 1881, 1886, 1892 и 1915 гг., когда уровень смертности превысил рождаемость. Эти годы были отмечены очень высокой детской смертностью, вызванной эпидемическими болезнями — оспой и скарлатиной [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 3, д. 450, 456, 468, оп. 7. д. 139, 140, 151].

Анализ метрических книг показал, что за рассматриваемое время в Ивановской волости умерло 665 чел. в возрасте от 16 до 100 лет, из них 331 мужчина и 334 женщины (рис. 1). Таким образом, число умерших обоих полов было примерно одинаковым. Однако уровень смертности в разных возрастных группах имел отличия. Так, в репродуктивном возрасте (от 16 до 55 лет для женщин и от 18 до 60 лет для мужчин) количество умерших среди мужчин было больше (172 чел.), чем среди женщин (146 чел.). Но в возрасте 20–29 лет и 35–39 лет смертность среди женщин была выше (44 и 27 чел.), чем у мужчин (29 и 12 чел.). В группе старшего поколения

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири» по программе Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

А.Х. Машарипова

(для женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет) показатели смертности увеличиваются (188 чел. жен. п. и 159 чел. муж. п.). Возрастает количество смертных случаев среди женщин в возрасте 60–74 года. Но по мере увеличения возраста, с 75 лет, уровень смертности среди мужчин и женщин сокращается и становится примерно одинаков — 1–2 чел. в год.

Таблица 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост коми населения Ивановской волости Ялutorовского уезда в конце XIX — начале XX в.*

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)	Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1877	84	28	56	1898	85	65	20
1878	24	7	20	1899	84	47	37
1879	74	55	19	1901	96	58	38
1880	64	53	11	1902	90	65	25
1881	17	17	0	1903	17	14	3
1882	75	33	42	1904	87	43	44
1883	53	35	18	1905	82	59	23
1884	66	37	29	1906	87	43	44
1885	31	13	18	1907	85	43	42
1886	69	99	-30	1908	100	68	32
1887	78	39	39	1909	36	33	3
1888	58	47	11	1910	104	44	60
1889	58	45	13	1911	102	51	51
1890	72	50	22	1912	119	67	52
1891	84	44	40	1913	113	80	33
1892	61	81	-20	1914	139	89	50
1893	73	42	31	1915	90	132	-42
1894	20	8	12	1916	32	8	24
1896	89	69	20	1917	75	37	38
1897	88	48	40	1918	138	52	86

*Табл. составлена по: ГБУ ГАТО. Ф. И255, оп. 3, 7.

Примечание. Отсутствуют данные за 1895 и 1900 гг.

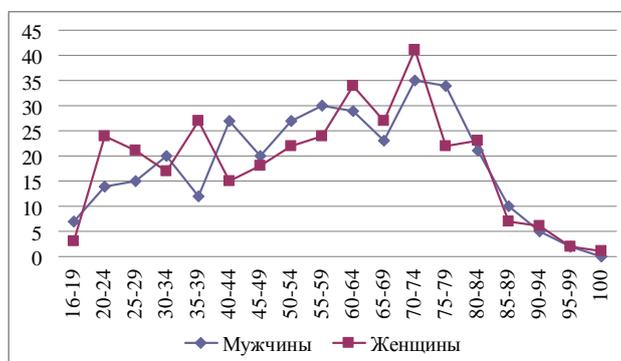

Рис. 1. Уровень смертности у коми Ивановской вол. Ялutorовского уезда Тобольской губернии в 1877–1918 гг.

Уровень смертности взрослого населения не всегда зависел от сезонного фактора. Но и здесь можно выделить временные колебания. При рассмотрении количества умерших по месяцам видно, что подавляющее число смертных случаев приходится на зимние и весенние месяцы (рис. 2). В декабре, январе и феврале было зарегистрировано 207 случаев — 31 % от общего числа умерших. Весной отмечено 28 % (184 случая), в мае происходит резкое сокращение смертных случаев и на летние месяцы приходится 22 % (151 случай). Низкий уровень смертности сохраняется в осенние месяцы — 19 % (умерло 126 чел.). Наименьшее количество умерших зафиксировано в сентябре — октябре (38 чел. муж. п. и 31 чел. жен. п.), но уже в ноябре оно возрастает до 57 чел. Уровень смертности в группе мужчин и женщин примерно одинаков, за исключением мая, когда показатели смертности у мужчин были выше, чем у женщин, в два раза.

Процессы смертности у взрослого населения коми-зырян Ивановской волости...

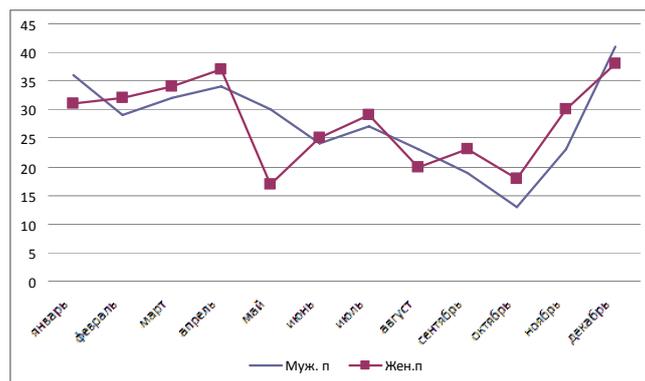

Рис. 2. Сезонность взрослой смертности у коми Ивановской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии в 1877–1918 гг.

В структуре причин смертности взрослого населения Ивановской волости можно выделить несколько групп (табл. 2). На первом месте была естественная смерть «от старости», «старости организма». По этой причине в рассматриваемый период в Ивановской волости умерло 34 % населения в возрасте от 54 лет и старше (265 чел.). Случаи, когда люди доживали до глубокой старости, больше встречаются у населения, проживающего в д. Малое Тихвино. Но наибольший возраст смерти отмечен в д. Александровке. Так, крестьянская вдова Самарина Домника Дмитриева умерла 14 сентября 1885 г. в возрасте 100 лет [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 7, д. 139, л. 203].

Достаточно распространенными причинами смерти были различные болезни. В период с 1877 по 1918 г. только от чахотки (29 %) и горячки (10 %) умерло 248 чел. мужского и женского пола. Встречаются единичные случаи вспышки особо опасных инфекций. Например, в июле — августе 1880 г. от сибирской язвы умерли Габов Ефрем Иванович 62 лет и Даньшиковы Леонтий Яковлевич 56 лет и сын Федор 27 лет из с. Ивановского [Там же, оп. 3, д. 444, л. 316–317]. В 1914–1915 гг. 11 чел. умерло от тифа: д. Александровка — 8 случаев [Там же, д. 363, л. 322], д. Большое Тихвино — 2 случая и с. Ивановское — 1 случай [Там же, д. 468, л. 243–244]. В 1915 г. зафиксирован один случай смерти от холеры в д. Малое Тихвино [Там же, л. 247].

Имели место простудные и воспалительные процессы, от которых умерло 3 % населения. Среди указанных причин смерти можно встретить такие заболевания, как лихорадка (1880 г.) [Там же, д. 444, л. 325], воспаление живота (1881 г.) [Там же, оп. 7, д. 138, л. 415], воспаление легких (1884 г.) [Там же, д. 139, л. 205] и болезнь в горле (1917 и 1918 гг.) [Там же, д. 471, л. 236; д. 473, л. 324].

Наименьшее количество умерших было выявлено от болезни сердца или сердечной боли (4 %, 24 чел.). После 1912 г. смерть по этой причине записывалась в метрических книгах как «парок» сердца [Там же, оп. 3, д. 464; оп. 7, д. 150]. Средний возраст умерших от этого заболевания составил для женщин 49 лет и для мужчин 44 года. Столько же человек погибло от «нестественной смерти» (4 %). Из них 8 чел. утонуло в р. Тобол (с мая по октябрь), 3 чел. погибло от ушиба, 2 чел. умерло от чрезмерного употребления спиртного. В графе о причинах смерти в метрических книгах по одному разу встречается запись «от боев», насады, «обжога», побоев, раны, удара и удушья. Так, 5 февраля 1897 г. от «замерзания» погиб житель д. Александровки Киришев Иоан Самсонов 42 лет. Он был отпет по отношению Земского заседателя 2-го участка Ялуторовского округа от 9 февраля 1897 г. за № 264. В результате смерти, наступившей по причине несчастного случая, разрешение на погребение умершего выдавал пристав. Поэтому Иоан Самсонов был похоронен только 12 февраля [Там же, оп. 3, д. 460, л. 198]. В записях встречается два случая смерти от удара лошади. Первый случай произошел в декабре 1899 г. когда погиб крестьянин из с. Ивановского Андрей Иванов Тимушев 52 лет — от «удара головы, происходящего от дикой лошади». Он был отпет 20 декабря 1899 г. за № 1430 по отношению пристава 2-го стана Ялуторовского уезда и похоронен на приходском кладбище 22 декабря 1899 г. [Там же, д. 462, л. 132]. Второй случай произошел в марте 1913 г. — от ушиба лошади умерла девица Анисия Васильева Русанова 16 лет из д. Большое Тихвино [Там же, д. 466, л. 139].

**Причины смертности в 1877–1918 гг. у коми Ивановской волости Ялуторовского уезда
Тобольской губернии**

Причина	Число умерших			
	Александровка	Ивановка	Бол. Тихвино	Мал. Тихвино
Антонов огонь	—	—	—	1
От боев	1	—	—	—
Болезни горла	—	—	2	—
Болезни в плече	1	—	—	—
Водянка	9	7	5	4
От воспаления легких	—	—	2	1
Воспаления живота	1	—	—	—
Головной боли	1	—	—	—
Горячка	22	25	14	5
Замер	1	—	—	—
Замерзания	1	—	—	—
Запор	1	—	—	—
Золотуха	—	—	1	—
От калатъя	1	—	—	—
Катарра желудка	2	—	—	—
Киль	—	—	—	1
Лихорадка	—	1	—	—
Надсада	—	—	—	1
Обжога	—	1	—	—
Паралич	2	3	2	1
От побоев	—	1	—	—
Понос	2	—	—	—
От припадка падучей болезни	1	—	—	—
Простуда	4	4	1	3
От раны	1	—	—	—
Рак	2	—	—	—
От родимца	2	1	—	1
Родов	6	3	3	2
Сгорел во время пожара	—	1	—	—
Сердце	2	8	9	5
Сибирская язва	—	3	—	—
Скарлатина	—	2	—	—
Скоропостижно	—	1	—	—
От спиртного	2	—	—	—
Старости	74	100	53	38
Тиф	8	1	2	—
Убит	—	—	—	1
От удара головы от дикой лошади	—	1	1	—
Удушение	2	—	—	1
Утонул	4	1	1	2
Ушиб	1	—	—	1
Холера	—	—	1	1
Чохотка	63	60	39	23

За рассматриваемый период 13 женщин умерли в возрасте от 20 до 55 лет от тяжелых родов или «родовой горячки» (2 %): д. Александровка — 6 чел., с. Ивановское — 3 чел., д. Большое Тихвино — 2 чел., д. Малое Тихвино — 2 чел. У 11 женщин из 13 эти роды были не первые. К примеру, брак крестьянина Панюкова Александра Саввина 20 лет из д. Александровки и крестьянки Воробьевой Марии Федоровны 16 лет из с. Ивановского был зарегистрирован 26 января 1877 г. [Там же, оп. 7, д. 138, л. 28]. В семье родились дети: Дмитрий (1878 г.) [Там же, л. 56], Прокопий (1879 г.) [Там же, л. 103], Дарья (1882 г.) [Там же, д. 139, л. 63], Александра и Ирина (1884 г.) [Там же, л. 187], Акулина (1885 г.) [Там же, л. 223], Прокопий (1886 г.) [Там же, л. 441], Юстиния (1887 г.) [Там же, д. 140, л. 124], Филипп (1890) [Там же, л. 316], Анна (1894 г.) [Там же, д. 141, л. 169], Николай (1895 г.) [Там же, д. 142, л. 119], Матвей и Евдокия (1898 г.). Во время последних, одиннадцатых родов женщина умерла в возрасте 29 лет [Там же, д. 153, л. 232].

Процессы смертности у взрослого населения коми-зырян Ивановской волости...

Иногда можно встретить вложенные записи о личных трагедиях. Так, за 1879 г. в метрической книге Покрово-Богородицкой церкви сохранилось удостоверение старосты Александровского сельского общества.

Удостоверение

1879 г. июня шестого дня мы ниже подписавшиеся Ялutorовского округа Томиловской волости д. Александровки Государственные крестьяне в сем удостоверяем Священно Церковно Служителя сей Слободы Покровской церкви Тюменского округа в том что крестьянская жена Анна Ильина по мужу Игнатова действительно была беременна как 13 мая она маялась трое суток и не могла породить из утробы своей младенца и после трое суток померла. Это всем нам известно. Что она умерла не насильственной смертью или какою другою. А умерла вышеупомянутой смертью в чем удостоверяем каждый своей подписью... Лука Уляшев, Петр Изьюров, Федор Уляшев, Семен Лузиков, Сергей Уляшев, Василий Старцев, Никита Васильев Уляшев, Григорий Васильев Уляшев, Зотей Уляшев, Сергей Викула Уляшев и т.д.

Кондратий Булашев староста, 1879 г. 2 июня [Там же, оп. 7, д. 138, л. 316].

В марте 1876 г. от родовой горячки скончалась жена крестьянина Федора Алексеевича Моторина из д. Тихвиной Варвара Саввина 55 лет [Там же, д. 440, л. 34].

Проанализировав данные, можно сделать вывод, что смертность была достаточно высокой, но в основном умирали люди в пожилом возрасте. Наиболее низкие показатели смертности наблюдались у населения в возрасте до 20 лет. Люди трудоспособного возраста чаще умирали от легочных (чахотка) и простудных (горячка) заболеваний. Причина смерти, указанная в метрических книгах, не всегда являлась достоверной. Официальное освидетельствование проводилось только в случае неестественной смерти, в остальных случаях диагноз ставился по основным симптомам заболевания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Коллекция метрических книг по Ялutorовскому уезду // ГБУ ГАТО. Ф. И255. Оп. 3, 7.
Демография. Учеб. пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: Кнорус, 2004. 304 с.
Машарилова А.Х. Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX — начале XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 133–137.
Михалев Н.А. Демографические процессы у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в. // Историческая демография. М.: Сыктывкар, 2007. С. 76–81.
Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2000. С. 144.
Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX — начале XX вв.: К вопросу о фиксации причин смерти: (По материалам метрических книг) // Информ. бюл. ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 196–199.
Хабарова О.В. Анализ метрических книг Севастополя XIX в. как источника по социальной и демографической истории: Характеристика базы данных и ее применение // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 198–216.

Тюмень, ИПОС СО РАН
esenewka@yandex.ru

Basing upon data of parish registers, subject to analysis being age groups of the deceased, dynamics of death rate in different life periods, and common causes of death with the Komi-Zyryan adult population from Ivanovo Volost', Yalutorovsk Uyezd, Tobolsk Province in the late XIX — early XX c.

Komi-Zyryans, death rate, Yalutorovsk Uyezd, Ivanovo Volost', Tobolsk Province.

ИЗМЕНЕНИЯ ПРОТЕСТАНТСКОГО ЛАНДШАФТА (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ТЮМЕНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В КОНЦЕ 80-х — НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.¹

В.П. Ключева, Р.О. Поплавский

Анализируется религиозная ситуация в протестантском сообществе Тюменской области с конца 1980-х до середины 1990-х гг. Обращается внимание на международное участие в возникновении новых и поддержании уже существующих общин, включающее верующих из разных стран, в том числе бывших советских республик. Выделяется несколько направлений работы: гуманитарная помощь, распространение религиозной литературы, помощь в получении религиозного образования, проповедническая деятельность и создание церквей.

Протестантизм, миссионеры, международные связи, религиозная община, религиозное образование, Тюменская область.

Религиозный подъем в современной России во многом подкрепляется обращением к прошлому страны и объясняется возможностью свободно выражать мировоззренческие позиции в отличие от советского времени с его атеистической пропагандой.

Несмотря на то что прошло уже больше двух десятилетий, в историографии религиозной жизни рассматриваемого периода до сих пор нет системных исследований. Причины неравномерной разработки темы были сформулированы Н. Беляковой: «Если в советский период адекватному осмыслению взаимоотношений власти и религиозных структур в СССР мешала идеология, то в новых условиях политизация религиозного вопроса привела к появлению концепций церковно-государственных отношений, не имеющих в своей основе реальной исторической базы» [2009, с. 3]. Наиболее исследован вопрос государственно-церковных/конфессиональных отношений в данный период (см., напр.: [Белякова, 2009; Белікова, 2001; Сеелев, 2011; Кобзев, 2012]); некоторые работы посвящены введению в научный оборот документальных источников и источников личного происхождения, касающихся событий рубежа 80–90-х гг. (см., напр.: [Поплавский, 2011; Ключева, 2013]).

Смена приоритетов в религиозной политике страны произошла в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Уже с середины 1980-х г. в СССР начинают активно регистрироваться новые религиозные объединения. Празднование тысячелетия крещения Руси (в 1988 г.) стало зримым проявлением изменения государственной политики в отношении религии. Торжественные мероприятия, посвященные этой дате, были восприняты неоднозначно. «Некоторые “атеисты” выражали возмущение тем, что, по их понятиям, узкоцерковный юбилей отмечается как событие, имеющее большое общественно-политическое и историко-культурное значение. Они усмотрели в этом уступку церкви...» [Гараджа, 1989, с. 27–28]. Противоположная точка зрения представлена в статье М.И. Одинцова, бывшего сотрудника Совета по делам религий при СМ СССР: «Празднование 1000-летия Крещения Руси стало не только событием религиозно-церковным, но и заметным явлением общественно-политической жизни страны. Вызвало широкий резонанс за рубежом. <...> Юбилейные мероприятия явились свидетельством перестройки в государственно-церковных отношениях, базирующейся на глубоких демократических преобразованиях в обществе» [1989, с. 69].

Еще одним показателем изменений стала возможность постоянного общения между единоверцами из разных стран. После падения «железного занавеса» усилилась эмиграция из СССР по религиозным мотивам. Одновременно в страну стали приезжать те, кто стремился благовествовать советским гражданам. Нужно отметить, что часть современных религиозных объединений возникла во многом после встречи молодых верующих с иностранными миссионерами и проповедниками.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00488 «Христианские церкви Восточной Европы в период холодной войны: публично-правовое положение и международная активность».

В данной статье мы рассмотрим, как повлияли на реорганизацию пространства протестантского сообщества советской провинции (на примере Тюменской области) приезды иностранных верующих. Выбор провинциального региона обусловлен тем, что в советское время иностранцы могли более или менее свободно посещать центральные регионы РСФСР и некоторые республики². В московских и ленинградских религиозных организациях иностранцы были постоянными участниками богослужений. Правление ВСЕХБ регулярно публиковало в журнале «Братский вестник» информацию об иностранных делегациях, побывавших на богослужениях в московской общине ЕХБ. Более того, представители зарубежных церквей регулярно участвовали в съездах ВСЕХБ. В 80-е гг. религиозным деятелям разрешалось бывать в крупных церквях страны. Например, в 1984 г. в Москве, Ленинграде, Таллине и Новосибирске проповедовал Б. Грэм³, американский баптистский проповедник [История..., 1989, с. 254–268]. В то же время небольшие провинциальные города не были доступны для зарубежных гостей. Поэтому, когда в конце 80-х гг. в регионы стали приезжать иностранцы, в том числе миссионеры, это сразу отразилось на религиозном ландшафте регионов.

К концу 1980-х гг. протестантский ландшафт Тюменской области не отличался разнообразием, которое наблюдается сегодня. С 1918 г. в Тюмени существовала община евангельских христиан-баптистов — единственная зарегистрированная в регионе протестантская церковь (с 1946 г.) [Протестантизм..., 2006, с. 68–91]; другая баптистская община была в Сургуте [Интервью с С.К. 28.06.2012]. С 1984 г. в Тюмени действовала небольшая группа адвентистов седьмого дня; несколько лютеранских общин проводили собрания в Тюмени, Заводоуковске и ряде деревень; в Исетском районе действовали общины меннонитов и баптистские общины в составе Совета церквей евангельских христиан-баптистов («инициативники») [Протестантизм..., 2006, с. 67, 100–122]. На юге Тюменской области и в Ханты-Мансийском автономном округе (в Нижневартовске — с 1986 г.) проходили собрания нерегистрирующихся, «классических» пятидесятников [Юбилейный сборник..., 2005, с. 33–37; Ключева и др., 2013, с. 100].

Одним из факторов развития протестантских общин и увеличения протестантского многообразия в регионе стали международные контакты последних для распространения литературы и гуманитарной помощи, визиты иностранных миссионеров в уже существующие общины или для образования новых религиозных групп. Необходимо отметить, что после распада СССР значительная часть миссионеров приезжала в регион из бывших республик Советского Союза (Украина, Беларусь, Латвия, Эстония). Таким образом, эти связи изначально не были международными в строгом смысле слова, да и впоследствии многие религиозные деятели их так не воспринимали. Поэтому во время интервью приходилось постоянно уточнять варианты взаимодействия тюменских общин с религиозными организациями других стран. Фактически после вопроса о международных связях той или иной церкви интервьюер вынужден был спрашивать о данных связях в рамках СНГ, которые в результате характеризовались пасторами тюменских церквей как связи с «нашими», т.е. соотечественниками.

Наиболее ранние международные контакты были связаны с получением гуманитарной помощи. По воспоминаниям Владимира Даманского, в конце 1980-х гг. общины «классических» пятидесятников на юге Тюменской области получали гуманитарную помощь от германской благотворительной миссии «Стефан», которая была организована эмигрировавшими из СССР верующими. Гуманитарная помощь и литература распределялись через общину в Петропавловске (Казахстан) [Интервью с В.Д. 15.08.2013]. Этому поспособствовал местный Совет по делам религиозных культов, позволивший сначала провести помощь через религиозного деятеля, зарегистрированного в Москве, а затем подсказавший общине в Петропавловске, что можно зарегистрировать собственную миссию.

Позднее, в 1992 г., гуманитарную помощь в Тюмень поставляло «Адвентистское агентство развития и помощи» («АДРА», аббревиатура от английского наименования этой организации «Adventist Development and Relief Agency»). Координационную роль в осуществлении этой программы играла тюменская Церковь христиан адвентистов седьмого дня (ЦХАСД) № 1, временным представителем «АДРА» в городе был В. Томайлы, брат первого пастора общины И. Томайлы [Сотников, 1992]. Несмотря на то что, по словам директора международных программ

² См. о визите представителей британских и ирландских церквей в центральные районы РСФСР (Москва, Тула) и Латвию в мае 1986 г. в [Hackel, 1986].

³ В советские годы фамилия транскрибировалась как «Греем» (*Graham*).

пищевых продуктов «АДРА» Ларса Густавсона, помощь Агентство оказывает независимо от вероисповедания, политических и других взглядов нуждающихся [Казанцева, 1992], своей главной целью оно называет «отражение характера Бога через гуманитарные проекты и проекты в области развития» [ADRA].

Одновременно с гуманитарной помощью в регион стали привозить религиозную литературу. Первыми религиозными книгами, на которых воспитывались тюменские протестанты, пришедшие к Богу в конце 1980-х — начале 1990-х гг., были зарубежные издания. Однако в то время у общин не было возможности организованно заказывать их из-за границы [Интервью с С.Л. 21.03.2006].

Некоторые миссионеры приезжали в регион исключительно для распространения литературы. Так, в июле 1993 г. Тюмень, судя по газетным публикациям, посетила группа из восьми человек из США и Канады. Среди них — Джесси Фич, Эрик Фаллэрн и Элизабет Бад. Для некоторых из них это был не первый визит в Россию и Тюменскую область. Деятельность миссионеров заключалась в основном в раздаче книжек «Нового Завета» на улицах города [Бубнов, 1993]. В Сургут, Тобольск и Тюмень было привезено 300 тыс. книг. Весной 1994 г. Тюмень вновь посетили канадские миссионеры — Мэлком Стэнли и Генри Дик, прибывшие в город с большим грузом христианской литературы, изданной на добровольные пожертвования прихожан канадских общин [Леонюк, 1994]. Названия и тон газетных публикаций, рассказывавших об этих событиях, указывают на определенные надежды части общества, связанные с поставкой религиозной литературы.

Ошибочно было бы недооценивать поставку религиозной литературы, прежде всего Библии или отдельных ее книг, а также сочинений современных протестантских проповедников в регион в частности и в Россию в целом. Доступ к религиозной литературе и резкие насыщение и плюрализация этого сегмента рынка поспособствовали началу или усилению личного религиозного поиска населения, что привело к образованию новых религиозных групп или увеличению численности уже существовавших. Вот как комментирует свое первое знакомство с Библией прихожанин церкви «Свет миру» Тюмени и бывший пастор церкви «Новое Поколение» Тобольска Е. Ковальжин: *«И собственно говоря, я эту брошюрку-то у него (верующего. — Авт.) взял — Евангелие от Иоанна, принес домой, прочитал. Всё, думаю, ну, Евангелие я теперь знаю, всё. Исчерпанная тема, нормально»*.

Более того, некоторые современные протестантские общины возникли именно как кружки по изучению Библии. Например, начало Тюменской пресвитерианской церкви «Святой Троицы» относится к 1991 г., когда миссионеры из США Джим и Салли Фут организовали группу по изучению Библии [Интервью с С.И. 06.03.2006]. По другой версии, однако, церковь «Святой Троицы» появилась в результате раскола Церкви евангельских христиан «Преображение» Тюмени, которая, в свою очередь, была образована бывшими прихожанами Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» Тюмени при содействии белорусского миссионера Виктора Мороза [Интервью с Н.П. 21.09.2011].

Другие миссионеры посещали регион для образования новых общин. Прежде всего, речь идет о крупных миссионерских экспедициях, организованных совместно российскими и зарубежными верующими. В начале 1992 г. было организовано две таких акции. «Евангельский поезд»⁴ прошел по маршруту Санкт-Петербург — Абакан (с 14 июня по 2 июля) и остановился в Тюмени и Ишиме. Мероприятие в областном центре поддержала администрация Тюменской области. Миссионерская экспедиция «Христос — народам Сибири» была организована при содействии Московской церкви евангельских христиан-баптистов и поддержке зарубежных церквей. Результатом акции «евангельский поезд» стало образование пятидесятнической церкви «Свет миру» [Интервью с С.Л. 10.02.2011].

Также в результате миссионерских поездок, но меньших масштабов, в Тюмени образовались следующие общины: церковь евангельских христиан «Великая Благодать» (миссия «Великая Благодать», США (Балтимор), Венгрия), и «Тюменская христианская церковь» (миссия из Украины).

Кроме миссионерских экспедиций в регионе побывали миссионеры-одиночки, упоминания о которых находим в местной прессе (см. напр.: [Бубнов, 1993; Леонюк, 1993]). Однако их имена неизвестны тюменским пасторам. Поэтому предположим, что эти визиты не привели к образованию новых церквей в городе. Вероятнее всего, результатом их деятельности стало увеличение количества прихожан-протестантов разных церквей. Единственный известный нам случай — возникновение

⁴ Или «шведский поезд» — в связи с тем, что среди организаторов была шведская церковь «Слово Жизни» (г. Упсала).

тюменской церкви «Благая Весть» после выступления канадского проповедника Леонарда Линдстрорма [Воинский, 1992а]. Заметка об этом мероприятии была опубликована в центральной газете областного центра. Судя по фотографиям, трибуны стадиона были заполнены до отказа [Воинский, 1992б]. Первым пастором этой церкви стал миссионер из Молдавии М. Рукодайный.

С середины 1990-х гг. иностранные проповедники приезжали в Тюменскую область в уже существующие церкви для помощи в организации миссионерской и социальной работы и духовной поддержки.

Другим немаловажным фактором в оформлении протестантского ландшафта региона стало получение пасторами и рядовыми верующими религиозного образования, в том числе в зарубежных религиозных образовательных учреждениях. Выбор последних был обусловлен отсутствием тогда некоторых деноминационных религиозных учреждений в СССР/России, а также преподавателей. Кроме того, подобный опыт считался престижным и необходимым для верующего, желающего строить религиозную карьеру в общине. Так, религиозное образование в Эстонии и Швеции получил пастор церкви «Слово Жизни» Нижневартовска В. Витюк; в США — пастор Тюменской методистской церкви «Спасение» Е. Зубкова; в США и Венгрии — пастор Церкви евангельских христиан «Великая Благодать» Тюмени П. Гайланс; в Южной Корее — В. Сороба, пастор Пыть-Яхской христианской церкви; на Украине — президент Союза Миссий «Ковчег» Е. Шестаков. В пятидесятнической библейской школе в Тарту (Эстония) обучались и некоторые рядовые члены нижневартовской церкви «Слово Жизни».

К середине 90-х гг. отмечается снижение активности иностранных миссионеров. Это связано как с внешними (светскими), так и с внутренними (внутриобщинными) причинами. В обществе появляется негативное отношение к иностранным миссионерам. Это можно проследить по изменению в характере газетных публикаций. С 1994 г. количество газетных материалов, посвященных визитам иностранных религиозных деятелей, резко уменьшается. Разумеется, в какой-то степени это связано с тем, что и количество таких визитов в Тюмень к середине десятилетия сократилось. Однако с конца 1993 г. в газетах стали появляться статьи, негативно оценивающие проповеди религиозных деятелей из других стран [Дубовская, 1994а, б]. В 1995 г. в области был принят закон «О миссионерской деятельности иностранных религиозных миссий (миссионеров) на территории Тюменской области», который значительно усложнил деятельность всех миссионеров и проповедников.

Внутриобщинные причины снижения активности иностранных миссионеров заключались в том, что тюменские церкви постепенно становились самостоятельными и уже не нуждались в «оформлении» со стороны миссионеров. Пасторы-россияне, получившие религиозное образование, имели высокий авторитет среди прихожан. В то же время ряд общин потеряли поддержку иностранных миссий в связи с низким результатом их деятельности на местах [Интервью с А.Г. 30.03.2006].

Часто роль иностранных миссионеров в организации протестантского пространства в Тюменской области сильно преувеличивается. Наибольшую активность в регионе проявляли «свои» иностранцы — жители Украины, Казахстана, Молдовы и других стран — бывших республик СССР. При этом организаторами протестантских церквей выступали прежде всего сами россияне.

Влияние миссионеров на процессы в Тюменской области зачастую преувеличиваются самими верующими. Так, например, Е. Ковальжин отмечает, что на проповеди Билли Грэма в ДК «Геолог» в 1992 г. присутствовало 700 чел., «*был зал полный, битком набит*». Эти люди описываются им как впервые слышащие Евангелие или «новые члены» церкви [Интервью с Е.К. 07.10.2011]. В то же время другой верующий, присутствовавший на том событии, отмечает, что «*зал был такой — средне полный. Много было пустых мест, и, по-моему, там особо-то так... нет, ну, там были люди, каялись, но, в основном, это были люди как раз всякие знакомые тех, кто уже туда приходил*» [Интервью с М.А. 29.09.2011]. Кроме того, приезд проповедников имел и негативные эффекты. Так, их выступления косвенно способствовали расколам внутри старых, существовавших еще в советское время, церквей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список информантов

- М.А., бывший прихожанин церкви «Духовное возрождение», Тюмень.
В. Витюк, епископ ХВЕ, пастор церкви «Слово жизни», Нижневартовск.
А. Градусов, бывший начальник отдела по делам религий комитета по делам национальностей Правительства Тюменской области.

В.П. Ключева, Р.О. Поплавский

В. Даманский, пресвитер ХВЕ, Петропавловск (Казахстан).
С. Ионов, и.о. пастора церкви «Святой Троицы», Тюмень.
Е. Ковальжин, прихожанин церкви «Свет миру», Тюмень.
С. Кубата, епископ ЕХБ, Сургут (ХМАО).
С. Лавренов, епископ ХВЕ, пастор церкви «Свет миру», Тюмень.
Н.П. бывший прихожанин церкви «Духовное возрождение», Тюмень.

Литература

- Белякова Н.А. Эволюция отношений власти и христианской деноминаций в Белоруссии, Украине и республиках Прибалтики в последней четверти XX в. — начале XXI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 355 с.
- Бєлікова Н.Ю. Релігійні конфесії України (кінець 80-х — 90-і роки XX століття): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2001.
- Бубнов Ю. Да поможет ярковцам «Новый Завет» // Тюм. изв. 1993. 6 июля.
- Воинский Т. Исцелит ли Господь нас, обезумевших, от вражды друг к другу? // Тюм. изв. 1992а. 2 июля.
- Воинский Т. ...И электричество Духа Божьего озарит вашу жизнь // Тюм. изв. 1992б. 9 июля.
- Гараджа В.И. Переосмысление // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 19–28.
- Дубовская Е. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке // Тюм. изв. 1994. 17 дек.
- Дубовская Е. Территория духовной оккупации, или Маленькая неправда «братьев по вере» // Тюм. изв. 1994. 19 ноября.
- История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989. 623 с.
- Казанцева О. Продукты из Америки: Кто, как и зачем осуществляет гуманитарную помощь // Тюм. правда. 1992. 11 апр.
- Ключева В.П. Религия в последнее советское десятилетие: Воспоминания тюменских христиан о 1980-х гг. // Вестн. антропологии, археологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 175–181.
- Ключева В.П., Поплавский Р.О., Бобров И.В. Пятидесятники в Югре: (На примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб: Изд-во РХГА, 2013. 256 с.
- Кобзев А. Организация татарами-мусульманами новых религиозных объединений в 1980-х — начале 1990-х гг. // Власть. 2012. № 11. С. 126–129.
- Леонюк С. Бог нам поможет // Тюм. изв. 1994. 31 марта.
- Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: От конфронтации к сотрудничеству: (Государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29–71.
- Поплавский Р.О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX–XXI вв.) // Вестн. КемГУ. 2011. № 4. С. 43–48.
- Протестантизм в Тюменском крае: История и современность / Под ред. И.В. Боброва. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 222 с.
- Сеелев И.В. Развитие религиозных организаций в Среднем Поволжье в 1985–1991 гг. // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева: Науч.-теор. журн. Сер. Гуманитар. науки и образование. Тольятти, 2011. Вып. 8. С. 179–186.
- Сотников В. «АДРА»: Что это такое? // Тюм. правда. 1992. 28 мая.
- Юбилейный сборник: Союз миссий христиан веры евангельской. Ялуторовск, 2005. 108 с.
- ADRA [Электрон. ресурс]. Режим доступа // <http://www.adra.org>.
- Hackel S. The British Council of Churches Delegation to the Churches of the USSR, 17–28 May 1986 // Religion in Communist Lands. 1986. No. 2. P. 218–220.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vormpk@gmail.com
roman.poplavskiy@gmail.com

The article is devoted to analysis of religious situation in Protestant community of the Tyumen region since the end of the 1980th to the middle of the 1990th. The attention to the international participation in emergence new and maintenance of already existing communities, including believers from the different countries, including the former Soviet republics is paid. The authors determine some areas of work: humanitarian aid, distribution of religious literature, help in receiving religious education, evangelical activity and creation of churches.

Protestantism, missionaries, international relations, religious community, religious education, Tyumen region.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.С. ИВАНОВА «“ИЗЪЯТЬ, КАК АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ”: КАЛМЫКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (1943–1959 гг.)»

И.Н. Стась

Анализируется новая монография сибирского историка А.С. Иванова «“Изъять, как антисоветский элемент”: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.)». Рецензент полагает, что эта публикация опровергает прежние концепции о сущности депортации калмыков в период сталинизма.

«Антисоветский элемент», депортация народов, калмыки, политика населения, спецпоселение.

Новая монография молодого сибирского ученого А.С. Иванова посвящена одной из самых трагичных страниц в национальной истории России — насильственному переселению народов в период сталинизма и их жизни на спецпоселении [Иванов, 2014]. В центре исследования А.С. Иванова степной народ — калмыки. Эта тема, как и подобные, связанные со сталинскими репрессиями, требует научной деликатности, и не только потому, что живы еще участники описываемых событий, но и по той причине, что не утихают дискуссии между апологетами и противниками политики Сталина.

В этом контексте особенно важно выбрать концептуально-методологический инструментарий, репрезентативность которого будет наиболее полной и объективной. Первая глава монографии, где автор анализирует зарубежную и отечественную историографию принудительного переселения народов 1940-х гг., показала всю сложность этого выбора, потому что, как он отмечает, в современной литературе фиксируется существенная поляризация взглядов на проблемы депортации и спецпоселения. Критический подход ко многим концептуальным конструкциям (таким как «этнический конфликт», «этническая чистка», «расовая политика», «политика геноцида», «ассимиляция», «политика принудительной маргинализации») приводит автора к поддержке теории «политики населения», разработанной американским историком П. Холквистом применительно к российскому обществу 1914–1950-х гг. «Политика населения» практиковалась ведущими европейскими странами (Англией, Францией) времен Первой мировой войны и реализовывалась действиями царских военных и чиновников, а также большевиков и «белых» в период Гражданской войны. Согласно этой теории, власть осуществляет политику, направленную на идентифицирование и изъятие неблагонадежного населения и формирование населения, необходимого и лояльного государству. Учитывая это, современные иностранные авторы рассматривают депортацию народов как элемент советского социального конструирования (например, посредством «этноисторического изъятия» и тем самым слияния народов в один советский народ) [Верт, 2010; Неймарк, 2005; Hirsch, 2002]. Теория П. Холквиста позволяет показать преемственность позднееимперских и советских институтов, что отразилось в дисциплинарном и персональном уровнях организации статистики населения. Таким образом, использование новой теории в сюжете депортации калмыков позволило автору книги обратиться к более общей проблеме методов и практик социального конструирования в СССР и выйти за рамки национальной политики.

В своих изысканиях историки нередко ставили во главу угла проблему депортации калмыков на территорию Сибири в 1943–1959 гг. [Гучинова, 2005; Максимов, 2004; Полян, 2001; Убушаев В.Б., Убушаев К.В., 2007], но, без сомнения, новизна исследования А.С. Иванова в том, что он посмотрел на трагедию из Сибири как бы изнутри, показывая осуществление политики государства по отношению к калмыкам на спецпоселении. Поэтому, несмотря на название, работа имеет определенную локализацию — территория Омской и Тюменской областей, принявших наибольшую долю переселенцев. Новизна исследования состоит и в привлечении более

широкого круга источников, собранных в 10 архивах различного уровня и в ходе полевых экспедиций 2009–2012 г. Богатство собранного материала отразилось в приложениях: основательные статистические таблицы, репрезентативные источники и фотографии позволяют читателю окунуться в исследование целиком.

А.С. Иванов обосновывает оригинальную причину принудительного выселения калмыков в Сибирь. По мнению исследователя, причиной было не то, что калмыки рассматривались государством как «народ-предатель» в период войны, но другой стереотип, согласно которому калмыки были «большим» народонаселением, чья социальная среда «поражена бандитизмом». В таком случае депортация, в русле «политики населения», выступала «лечением» путем изъятия «вредных элементов» и очищением от «бандэлементов», а также избавляла советское общество от угрозы распространения бандитизма.

Весной 1944 г. над калмыками была осуществлена вторичная компенсаторная репрессия: они вновь были депортированы, уже с юга Омской области на север — в Нижнее и Среднее Приобье. Автор книги придерживается взгляда, что в основе вторичных принудительных миграций лежали экономические причины: необходимость в форсированном замещении трудоспособного населения на тех территориях, где возникал острейший дефицит трудовых ресурсов. Кажется, что данное суждение не совсем обоснованно, поскольку не был выявлен уровень дефицита в рабочей силе на Обском Севере в сравнении с районами первичного спецрасселения. Вместе с тем автору следовало бы ответить на вопрос, который возникает у читателя: не скрывались ли за трудовым распределением другие причины вторичного переселения калмыков? Дальнейшие же единичные перемещения спецпереселенцев-калмыков на территории сибирских областей, как показал историк, были связаны с рационализацией трудоустройства депортированных и их хозяйственным обустройством.

Представляется, что наиболее ценной частью книги является третья глава, в которой анализируется положение калмыков на спецпоселении. А.С. Иванов подробно рассматривает, как калмыки на основании подзаконных актов и инструкций последовательно подвергались трудовой дискриминации, направленной, согласно выводам историка, на формирование лояльного, обладающего необходимыми навыками и квалификацией трудового населения, а не на маргинализацию народа. Калмыки закреплялись за определенными организациями, и если в Омской области это были в основном колхозы и совхозы (на этой территории спецпереселенцы преимущественно трудились в аграрном секторе), то в Тюменской области — рыбопромышленные предприятия (в этом регионе преобладало индустриальное трудоустройство).

На трудовые отношения депортированных наиболее сильно влияли жилищно-бытовые условия. Калмыки расселялись «на уплотнение» среди правового населения, а не в специально построенных поселках. Постепенно через реализацию кредитов посредством индивидуального строительства и отчасти выкупа домов проблема «уплотненности» по большому счету была решена в Омской области. Однако из-за ограниченности строительных ресурсов кредитование не дало должного эффекта в Тюменской области, здесь решение жилищного вопроса происходило за счет предоставления калмыкам жилья предприятиями и передачи пустующих домов, ранее заселенных «бывшими кулаками» и другими спецпоселенцами. По мнению А.С. Иванова, улучшение условий жизни депортированных и их снабжение продовольствием и промтоварами было методом закрепления спецпереселенцев за хозяйственными организациями и в местах поселения в целом.

А.С. Иванов дает оценку административному надзору над калмыками. Историк указывает, что де-факто спецпоселения были выведены из-под прокурорского контроля, что ставит под сомнение законность действий комендатуры. Подробно раскрывается агентурный надзор над калмыками, который осуществлялся на двух уровнях — гласном и негласном. Исследование показало, что вербовка агентуры среди спецпереселенцев осуществлялась главным образом для борьбы с побегами. Побег выступал наиболее массовой формой неповиновения, определялся он двумя причинами: тяжелыми материально-бытовыми условиями и стремлением воссоединиться с семьей. Вместе с тем А.С. Иванов замечает, что побег был больше стратегией выживания, чем актом сопротивления системе. Для борьбы с побегами государство проводило централизованное воссоединение семей, которое завершилось к 1947 г. В итоге среди всех депортированных народов только у калмыков удалось фактически полностью ликвидировать побег. Все это дает основание говорить А.С. Иванову, что калмыки были одними из наиболее законопослушных и лояльных спецпереселенцев. Но из монографии неясно, насколько законо-

Рецензия на книгу А.С. Иванова «Изъять, как антисоветский элемент»: калмыки...»

послушность и лояльность были выработаны у калмыков благодаря репрессивным действиям государства, а насколько эти черты были свойственны степному народу изначально.

Историк скрупулезно раскрывает «внутринациональные» группы на спецпоселении. Так, калмыки были разделены на «опасных» и «неопасных», причем среди вторых выделялись две группы, «социально близкие» власти: коммунисты и комсомольцы; сотрудники НКВД и НКГБ. Анализируя их положение, ученый приходит к выводу, что принадлежность некоторых калмыков к «благонадежной» группе создавала благоприятные предпосылки успешной социализации.

Многие важнейшие составляющие развития личности спецпереселенца в условиях режима, как полагает автор, определялись взаимодополняющими процессами де- и ресоциализации. Первый процесс включал полный отказ от старых ценностей и норм и разрушение традиционной калмыцкой семьи, а второй — сохранение этнической идентичности и активизацию этнической консолидации, формирование новых стратегий выживания. В целом, по мнению историка, депортация и спецпоселение нанесли глубокую травму каждому спецпереселенцу и ассоциируются у калмыков с геноцидом.

В заключительной части книги А.С. Иванов анализирует процесс ослабления режима после смерти Сталина и возвращение калмыков на родину. Историк связывает новый вектор в политике по отношению к калмыкам с тем, что они доказали свою благонадежность. Но разве здесь не имел место фактор смены тоталитарной парадигмы, которая в той или иной форме отразилась на всех спецпоселенцах? Согласно автору, теперь калмыки могли полноценно интегрироваться в институты социалистического общества. Однако неясно, достигла ли своих целей «политика населения»: смогло ли переселение калмыков сформировать новое население, удобное государству, или по большому счету они оставались все тем же социумом, что и до депортации? Ответ на этот вопрос важен, поскольку автор неоднократно указывает, что депортация и спецпоселение были единым комплексом мер, обеспечивающим формирование необходимого государству состава населения, очищенного от «антисоветских элементов».

Несомненная заслуга автора состоит в верифицированном опровержении прежних концепций о советской этнической депортации: историк выступает против представления о депортации калмыков как геноциде народа, принудительной маргинализации населения и ассимиляции этноса. Эти концепции не подтверждаются документами, в которых бы говорилось об умышленном создании тяжелых социально-бытовых условий на спецпоселении, предотвращении рождения детей и уничтожении отличительных этнических черт калмыков. А.С. Иванов первым среди отечественных исследователей показал, что по отношению к калмыкам, как, вероятно и по отношению к другим репрессированным народам, применялась определенная политика, нацеленная на формирование трудового населения и проявившаяся в создании образа «большого бандитизмом» народа, первичной и вторичной депортации, трудовой дискриминации, закреплении народа на конкретных поселениях и предприятиях, административном надзоре. Вместе с тем монография, как представляется, не дает однозначного ответа на вопрос об «эффективности» этой «политики населения» в отношении калмыков. Однако насильственные методы и попрание правовых норм дают историку справедливое основание говорить, что «политика населения» в отношении калмыков была незаконной и преступной. Подводя итог, следует признать большое значение монографии А.С. Иванова в исследовательском дискурсе истории депортации народов в СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верт Н. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 — конец 1940-х гг.): Военное насилие, социальная инженерия, этноисторическое «изъятие» // Террор и беспорядок: Сталинизм как система. М., 2010. С. 195–233.

Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 283 с.

Иванов А.С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014. 294 с.

Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии: 1918–1940-е гг. М.: Наука, 2004. 311 с.

Неймарк Н.М. Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Булавин, 2005. 320 с.

Полян П.М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 326 с.

И.Н. Стась

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: Выселение, возвращение, возрождение: 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. 494 с.

Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 1. P. 30–44.

Сургутский государственный университет
igor.stas@mail.ru

The review analyzes a new study by a Siberian historian A.S. Ivanov «“Removed as an anti-Soviet element”: the Kalmyks in the state policy (1943–1959)». The reviewer supposes that this publication disproves the former concepts on nature of the Kalmyks’ deportation under Stalinism.

«Anti-Soviet element», deportation of peoples, the Kalmyks, policy of the population, special settlement.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношениях редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКА — Архив кабинета археологии
АН АрмССР — Академия наук Армянской ССР
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АО — Археологические открытия
Б. н. — без номера
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГАМО — Государственный архив Магаданской области
ГБУ ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Государственный архив Тюменской области
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИ — Институт гуманитарных исследований
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИС — Из истории Сибири
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ — Институт этнографии
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КМНС — коренные малочисленные народы Севера
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОП — муниципальное оленеводческое предприятие
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СВКНИИ ДВО РАН — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило
Дальневосточного отделения РАН
СМА — собственные материалы авторов
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТюмГНГУ — Тюменский государственный нефтегазовый университет
ТюмОКМ — Тюменский областной краеведческий музей
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (27)

2014

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 3.12.2014. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 20,5. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ № 912

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.